

Дарья Донцова

О берег от
испанской страсти

Детектив на диете Татьяна Сергеева

Annotation

У Татьяны Сергеевой буквально на носу юбилей мужа! Но где устроить незабываемый праздник и одновременно сюрприз для супруга?! В это же время в офис к начальнице особой бригады явился продюсер Никита Игров. Он поведал, что его протеже — певица Анна Лаврова — лежит в больнице в коме, она наглоталась таблеток. Вторая звезда продюсерского центра, рокер Крис Гумби, подозревается в попытке убийства Лавровой, замаскированной под суицид. Никаких серьезных улик против Криса нет, версия полиции основывается на слухах о ненависти рокера к певице, которая легким движением бедра сбросила его с музыкального олимпа. Крис тоже попал в больницу с микроинсультом... и убежал оттуда. Игров умоляет Татьяну Сергееву найти певца и снять с него подозрения. Задача непростая! А тут как раз нагрянул юбилей мужа, десятки гостей собрались в ресторане «Веселуха». Согласитесь, говорящее название! Ох и повеселились все!..

- [Дарья Донцова](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Дарья Донцова

Оберег от испанской страсти

Глава 1

Если в вашей жизни ничего, кроме дивана, не складывается, то встаньте с этого дивана и начинайте работать.

Я сделала глоток кофе и поморщилась. Холодный! А в дождливом ноябре хочется чего-то горячего.

— Папа, у меня совсем закончились деньги, — заканючила девушка за соседним столиком. — Ну пожалуйста! Кинь на карточку чуть-чуть. Честное слово, работать времени нет, сессия скоро. Целыми днями учусь, сейчас на лекции. Какой? Э... э... История зарубежной философии... Ну... типа про ученых препод вещает. Что значит про кого? Назвать их? По именам?

На ярко накрашенном личике врушки появилась растерянность.

— Гомер Одиссеев, — подсказал парень, который стоял у бара, — самый известный мыслитель двадцатого века, эмигрант из России. Его из СССР в середине семидесятых выгнали, мужик уехал в Лондон, написал горы книг, считается гением.

— Гомер Одиссеев, — радостно повторила глупышка, — о нем лекция. Он объявлен гением. Коммунисты его в Англию выперли...

Я молча смотрела, как юноша, улыбаясь во весь рот, несется к выходу.

— Папа! — закричала моя соседка. — Блин! Блин! Блин! Куда этот урод подевался! Вы не видели, а? Эй, официантка! Там мужик у стойки стоял. Где он?

— Ушел, — ответила подавальщица.

У студентки затрезвонил мобильный.

— Янка! — завопила девица-красавица. — Выручай! На моей кредитке ноль. Попросила отца помочь, а он, блин, блин, блин, велел сказать, о ком я лекцию слушаю. Не! В кафешке сижу. На фига в аудитории тухнуть! Идиот один подсказал имя ученого, а папахен трубку бросил. Ни копейки не дал. Выручи. Что значит «нет»? Денег нет? Или...

— Вот ...! Отсоединилась! Гадина! Ну почему в моей жизни ничего не складывается, кроме дивана? — зашмыгала носом прогульщица.

— Если в твоей жизни ничего, кроме дивана, не складывается, встань с этого дивана и иди работать, — посоветовала официантка. — Ваша кредитка отказ пишет. Вас Кристина Безденежная зовут? На это имя платежная карточка выдана.

— Это я. Фамилия прямо в точку, Безденежная. Мне заплатить

нечем, — всхлипнула красавица, — я вообще-то в разных местах кручусь. На постоянку меня не берут, а сейчас чего-то никак не найду работу... Вчера предложили из торта выпрыгивать. Типа это приколы. В ресторан ввозят торт, именинник подходит его разрезать. И я вылезаю! Соглашусь, наверное. Отец гоблин! Сидит на деньгах, а мне фигу!

— Ваш счет оплатил парень, который имя ученого подсказал, — улыбнулась официантка.

— Правда? — обрадовалась Кристина. — Супер! Хотя, конечно, он дебил! Отец теперь злится. Ну почему в моей жизни ничего, кроме дивана, не складывается?

Студентка схватила куртку со спинки стула, повесила на плечо сумку, но та тут же шлепнулась на пол. Девушка наклонилась и неожиданно упала.

Я встала и протянула ей руку.

— Спасибо, — плаксиво произнесла блондинка, — вечно со мной хренобредятина происходит. Невезняк прет косяком. Придется мне из торта выскакивать. Буду работать сюрпризом на празднике.

Схватив сумку, студентка умчалась. Я вернулась на место, официантка начала убирать соседний столик и рассмеялась.

— Да ей надо называться не Безденежной, а Безголовой. Айпад забыла. Точно не вспомнит, где оставила. Хоть и дура, да жалко ее. Но как найти девчонку?

Я посмотрела на гаджет в розовой обложке, его украшала картинка в виде зайчика.

— Могу попробовать отыскать растеряшу. У меня есть знакомый хакер, он и не такое делает.

Официантка протянула мне планшетник.

— Иногда вот всплакну, останься мой отец жив, сейчас бы днем училась, а вечером тусила с приятелями. Потом встречу такое чмо, как та, что сейчас ушла, и думаю: нет, хорошо, что я с утра пашу, а вечером в вузе сижу, не хочу, как эта красотка с крашеными волосами, про диван твердить.

— Когда студентка в первый раз про диван сказала, я тоже подумала, что надо ей его покинуть и работу искать. Но она, похоже, где-то иногда что-то делает. Из торта вылезать собралась. Принесите счет, пожалуйста, — попросила я.

Официантка пошла к кассе. Я вытащила из сумки косметичку и произвела быстрый ремонт мордочки.

— Суперская губная помада, — одобрила официантка, кладя на стол кожаную папочку, — обожаю эту фирму. Бессовестно дорогая, но держится

хорошо и цвета шикарные. Какой у вас номер?

Я перевернула футляр.

— Двести третий. «Зимняя роза».

— Куплю такую, — решила официантка, — я приобрела другую, «Цветок Прованса», но ваша мне больше нравится. Чужое всегда лучше своего.

Я расплатилась, оставила чаевые и поспешила в офис. Ни разу не заходила в это кафе, а зря. Латте вкусный, булочка с маком тоже, и обслуживание на уровне. Булочка с маком! Из моей груди вырвался вздох. Ну почему толстая панда вызывает умиление, а полная женщина насмешки? Зря ты, Танечка, польстилась на булочку. Я вошла в здание и притормозила у большого зеркала. М-да. Госпожу Сергееву нельзя назвать тростинкой. Хотя, если встать вполоборота, вспомнить, что на мне пуховик...

— Каждой красивой девушке в той или иной степени присущ нарциссизм, — пробасил сзади знакомый голос.

Я обернулась и увидела Дмитрия Коробкова, нашего специалиста по компьютерам и моего лучшего друга.

— Привет, Димон! Ты к себе?

— Нет, к начальству, — ответил он, — Иван зачем-то меня вызвал. Ты, случайно, не в курсе, в чем дело?

Знаю ли я, по какой причине мой муж хочет видеть Димона? Конечно. Но я не имею права ничего ему рассказывать.

— Ясно, — буркнул Коробков, — разведка не удалась, поехали.

Мы пошли к лифтам, я вытащила из кармана звонящий сотовый.

— Да, Рина!

— Я выслала тебе список ресторанов... — начала свекровь, и связь прервалась.

— Что-то случилось? — спросил приятель. — У тебя лицо... такое...

— Какое? — уточнила я.

— Вчера я поймал нашу кошку, когда она на ковер писала, — хихикнул Коробков, — Мура на меня так же уставилась.

— Рина ищет место, где Ивану юбилей справлять, — вздохнула я, — только это секрет. Сам он ничего не хочет. Мы тайком вечеринку организуем. Представляешь, времени уже нет совсем, а с трактором мы до сих пор не определились.

— Простите, Танечка, — прощепетала дама, которая стояла около меня в кабине, — мы всем отделом спорим, что лучше преподнести вашему супругу. Есть разные варианты.

Ай, молодец, Танюша, давай, рассказывай еще громче в служебном лифте про семейные тайны!

Я на всякий случай улыбнулась. Народу в офисе много, я не знаю членов всех бригад. Кем работает сия тетушка?

— Мы решили заказать его портрет, — продолжала незнакомка, — где он восседает на троне! Есть такой у одного знаменитого художника, там на золотом стуле Клеопатра сидит. Фигуру ее оставят, а вместо башки напишут голову шефа. Ой, я выхожу!

Дама успела проскочить между дверцами, которые начали плавно закрываться. Кабина вздрогнула и продолжила путь.

— Это кто? — удивилась я.

— Фиг ее знает, — меланхолично отреагировал Димон. — Иван забьется в восторге, узрев симбиоз себя и тети Клепы на картине. Ты чего мужу приготовила?

— Не сыпь мне соль на рану, — попросила я, — ни одной достойной идеи в голове нет. А вы с Лапулей что купили?

— Суперштуку нарыли, — похвастался Димон.

— Расскажи, — потребовала я.

— И зачем Ивану я понадобился? — спросил приятель, делая вид, что не слышит меня. — Хоть намекни, чтобы я морально подготовиться успел. Непокойно на душе. Возраст все-таки...

Коробков замолчал. Я знаю, сколько лет Димону, но никому не сообщу. Компьютерный гуру сейчас одет в рваные джинсы, зеленые кроссовки на красной подошве и теплую толстовку с принтом. На ней изображена пара тучных кроликов, которые, лежа на диване, едят чипсы и пьют лимонад. Внизу надпись: «Счастливый брак — это не совпадение интересов, а совпадение дурных привычек». Голову Коробкова украшает хаер розового цвета, в носу сверкает серьга, в левом ухе болтаются семь колечек, в правом одно, зато размером с колесо от велосипеда. Димон литрами поглощает кофе, не упустит момента потанцевать, во время отпуска покоряет какую-нибудь горную вершину или путешествует по пустыне, Коробков — член клуба экстремального туризма. Он очень любит свою жену Лапулю и не так давно родившегося сына. Сколько лет этому мужчине, а? Максимум двадцать пять. Переводить Димона из-за преклонного возраста в отдел, который не занимается оперативной работой, моему мужу в голову не придет. Во-первых, Коробков моложе всех молодых, а во-вторых, заменить его некем, потому что он давно слился с компьютером в единое целое. Однако для меня открытие, что Димон переживает из-за возраста.

— Ну что случилось-то? — не отставал Коробков, когда мы шли по коридору. — Чего Иван придумал?

— Какой подарок ты ему приготовил? — сменила я тему.

— Не скажу, — надулся приятель, — ты рот на замке держишь, и я не проговорюсь.

Глава 2

— Отлично. Все в сборе, — сказал Иван, когда я села за большой круглый стол. — Вы уже видели свою начальницу Татьяну во время собеседования. А вот между собой не знакомы. И с господином Коробковым не встречались. Поэтому я представлю вам всех, начну с Дмитрия, он наш старейший сотрудник. Был в составе первой бригады. Компьютерный гений. С сегодняшнего дня переходит в коллектив Сергеевой.

Димон на секунду растерялся, но мигом взял себя в руки.

— Добрый день. Рад всех видеть.

Я ощутила пинок в ногу. Вежливо улыбаясь присутствующим, лучший друг выразил мне свое негодование. Ну да, я бы тоже была недовольна, не сообщи мне Коробков, что меня перебрасывают из одного коллектива в другой. Но Иван запретил мне предупреждать Димона.

— Теперь о новичках, — продолжал тем временем шеф. — Илья Григорьевич Аверьянов, патологоанатом. Большой опыт работы, я давно хотел его к нам перетащить.

Худой мужчина в темно-синем костюме встал, поклонился и опустился на стул.

— Елизавета Гавриловна Трифонова, — продолжал мой муж, — ранее работа в убийном отделе, отличные характеристики.

Невысокая крепкая брюнетка помахала рукой.

— Добрый день.

Иван откашлялся.

— Ершов Михаил Юрьевич, психолог, профайлер. Скажу лишь, что благодаря ему поймали маньяка Федосеева.

Животастый дядечка самого добродушного вида, смахивающий на пекаря или кондитера, смущенно пробормотал:

— Ну, его много народа искало. Я просто свел воедино кое-какие данные. Особой моей заслуги в этом нет.

— Респект и уважуха, — пробасил Димон, — круто сработали.

Щеки Ершова вспыхнули румянцем.

— Спасибо.

— Последним в списке, но не по значимости, идет Федор Васильевич Миркин, — продолжал представлять присутствующих Иван, — работал в разных местах, везде шел на повышение, показывал себя с лучшей

стороны. Талантливый следователь.

Круглощекий блондин в голубом пуловере сверкнул голливудской улыбкой.

— Теперь о деле, — без передышки сказал Иван и нажал на кнопку в столе. — Гена, пригласи клиента.

Дверь распахнулась, и со словами:

— Ну наконец-то! Офигеть можно в приемной ждать, — в кабинет вошел некто.

Сначала я не поняла, кого вижу. Мужчину или женщину? Фигура у клиента мальчишеская, но сейчас модно, чтобы девушка была умопомрачительно стройной. Правда, у модной девицы, у которой полностью отсутствует даже намек на капельку жира, нынче должна быть грудь этак пятого размера. И кое-кто обладает мощным бюстом, творением рук пластического хирурга. Но у клиентки не заметно особых прелестей, на ней кашемировый балахон, который скрывает все выпуклости и изгибы. В пользу девушки говорит прическа — крупные локоны, водопадом спускающиеся на плечи. И на лице у нее тональный крем, брови ей явно сделал стилист. Я посмотрела на ноги клиентки. Ага! Размер не меньше сорок пятого! У женщин такие «лыжи» все-таки большая редкость. Значит, у нас парень.

— Ну и сколько можно ждать? — спросил посетитель и плюхнулся на свободное кресло рядом с Иваном.

Несмотря на то что клиент восседал далеко от меня, до моего носа вмиг долетел сложный букет из запахов дорогого одеколона, сигар и алкоголя.

Иван слегка наклонил голову.

— Никита Сергеевич, если у вас сегодня времени в обрез, можем встретиться завтра с утра.

Но гламурный тип оказался догадлив, как обезьяна.

— Спиртягой несет? Решили, что набухался Игров? Не, люди, на моей работе надо сохранять трезвость. Бухло, наркота, косячки и прочие радости — это не про меня. Перед тем как ехать к вам, я нашел в гримерке у Ленки Чумы бутылковский, забрал его. И тут Леонид приперся, ногами засучил: «Верни пойло!» Повздорили мы немного, он мне на голову содержимое пузыря вылил. Отсюда и аромат спелого виски. Трезвый я. А Леонид идиот. Но с этим уже ничего не поделаешь. Не о нем речь. Я приехал о Крисе поговорить. С ним проблема. Блин! ...! ...! ...!

— Вы имеете в виду Криса Гумби? — уточнил Михаил Юрьевич. — Фронтмена группы «Черви в мозгах»?

— Вау! Фанат! — обрадовался Никита Сергеевич. — Поболтаем, и я принесу вам диск, плакат и приглашение на концерт. Крис скоро выступит в клубе «Посубботник».

— В студенческие годы я и не такое слушал, — кивнул психолог, — сейчас времени на отдых нет. Стою в пробке, смотрю по сторонам, часто ваши афиши вижу и думаю: если когда-нибудь судьба нас с Крисом сведет, надо парню объяснить, что мозг у человека один. Название группы лучше поправить. «Черви в мозгу», не «в мозгах». А то у меня перед глазами сразу возникает двух- или трехголовый мутант с гитарой.

Елизавета хихикнула. Я решила прервать пустую беседу:

— Вводную часть разговора можно считать завершенной. Никита Сергеевич, зачем мы вам понадобились?

Гость окинул меня оценивающим взглядом и повернулся к Ивану Никифоровичу:

— Она кто? Ху из эта дама?

— Начальник особой бригады Татьяна Сергеева, — представил меня муж, — будет заниматься вашей проблемой.

Никита взял со стола бутылку минералки, сделал пару глотков прямо из горлышка и завел рассказ. Если отбросить нецензурные выражения, которыми изобилвала его речь, то получится такая история.

...Господин Игров продюсер, у него несколько музыкальных коллективов. Безвозвратно канули в Лету времена, когда симпатичный паренек или девушка в красивых парадных одеждах, не шевелясь, стояли на сцене и исполняли в сопровождении симфонического оркестра песню «Люблю комсомол». В те былинные времена достаточно было засветиться один раз на телеэкране, и все, ты становился известным артистом, желанным гостем во всех городах СССР. Звездный статус в то время люди получали навсегда. Интернета не существовало, журналисты толпами за исполнителями не бегали, личная жизнь кумиров была окутана густым туманом. Народная молва приписывала певцам несуществующих жен-мужей-детей, сплетничала о мифических скандалах, которые устраивали музыканты-композиторы, и ничего не знала о настоящих дебошах. В тридцатых-семидесятих годах двадцатого века, исполнив даже маленькую роль в художественном фильме, человек превращался в небожителя, которого все мечтали носить на руках. Но сейчас-то иначе. Нынче не поет только медведь, зато он пляшет. Телеканалов море, конкуренция у творческих людей жесткая. Симпатичная девочка с микрофоном в руке не вызывает ни интереса, ни восторга. Поп-звезды гаснут, едва успев зажечься. Чтобы какой-то проект продержался несколько лет, нужно

постоянно подпитывать его скандалами.

Самым удачным созданием Никиты до недавнего времени считалась группа Криса, в миру Константина Гумбанова. Парень поет песни, слова которых постесняешься произнести в присутствии матери и бабушки. Тексты он сочиняет сам. Один раз Гумби сунул продюсеру рулон туалетной бумаги.

— Зачем мне пипифакс? — спросил Игров.

— В сортире мне гениальная текстуха приперла, — объяснил рокер, — я записал ее прям там, иначе забуду. Вели своим шестеркам перепечатать, некогда мне на ерунду время убивать.

На сцену Гумби выходит только после пары стаканов виски. Зрителей он поливает матом, самое приличное слово, которое произносят на сцене звездные уста, — придурок. Внешний вид Криса под стать его поведению, он весь покрыт татуировками, носит кожаный жилет на голое тело и джинсы. Фанатки с замиранием сердца ждут, когда болтающиеся намного ниже пупка штаны наконец-то свалятся со звезды. Но до сих пор конфуза почему-то не случилось. У Криса несколько миллионов подписчиков в инстаграме и слава отвязного донжуана. В любом городе, куда группа приезжает на гастроли, сотрудники отелей потом рассказывают о бабах, которые рвались в номер фронтмена. На него подавали в суд те, кто якобы родил от парня детей, но до сих пор ни одной девице не удалось доказать его отцовство. Анализ ДНК всякий раз подтверждает, что не Крис отец младенца. Мамочки рыдают на телешоу, клянутся, что они спали с Гумбановым, но против генетического анализа не попрешь. Провалилась и акция некоего Мирона Филипповича, который утверждал, что является законным отцом певца.

Мирон тряс перед камерами фотографиями и рыдал:

— Посмотрите, у нас одно лицо. У нас с женой горе, дом сгорел. Умоляем сыночка помочь.

— Вы писали Крису? — поинтересовался ведущий.

— Через инстаграм обращался, — плакал папаша, — а он мне не ответил. Плевать ему на родных! На мать! На меня.

В эту драматическую минуту из недр студии послышался громкий мат, и с воплем:

— Отвали, не указывай, коза, редакторша ..., когда мне на съемку выходить, — на площадку вылетел Крис.

Он подскочил к Мирону и заорал:

— ...! ...! ...! ...!

— Давайте сядем, — попросил ведущий, — спокойно обсудим

пробле...

Договорить телеболтун не успел. Гумби стукнул его по носу, затем отвесил пощечину «папаше». Началась драка, в которой приняли участие и гости, и зрители, и сотрудники программы. Когда битва утихла, принесли результат анализа ДНК. Гумби и «отец» оказались чужими людьми. А из-за кулис вышел дядечка, к нему со словами «А вот и мой родной папанька из своего Засранска на ... съемку приехал» поспешил певец. Расцеловавшись с отцом, Крис схватил микрофон, исполнил свой очередной опус, телеведущий, чей нос с каждой минутой увеличивался в размерах, танцевал и подпевал. Зрители ревели от восторга, самозванец падал на колени, просил прощения, Гумби вручил ему чек на ремонт избы... Выпуск порвал все рейтинги. Никита потирал ладони и подсчитывал в уме барыши, концерты группы «Черви в мозгах» были расписаны на год вперед. Ничто не предвещало беды, но разразился финансовый кризис.

Не секрет, что основные деньги шоу-бизнес делает на гастролях по провинции. Москва, Питер, другие мегаполисы избалованы большим количеством развлечений. А в крохотном городке визит любого исполнителя — событие, в зал прибежит все население. Но у людей не стало денег. Дилемма, пойти послушать Криса или купить продуктов на семью, конечно же, решалась в пользу еды. Доходы Гумби обвалились, соответственно, беднее стал и Никита. Одновременно с финансовыми передрыгами произошел провал на пиар-фронте. Гумби наскучил зрителям. Один скандал, второй, третий, пятый... но сотый уже чересчур. Никакой изюминки от выступления Гумби не ждали. Ну появится Крис, начнет материться, драться, потом споет и уйдет. Скука. Музыканта перестали приглашать на программы, интерес к группе стремительно падал. Людям опротивели бесконечные выяснения отношений на шоу, новости, похожие на сводки боевых действий, и отчеты о катастрофах. Зритель захотел чего-то доброго, сказочного. На вершину рейтинга тихо вползла не пойми откуда взявшаяся Рита Мовалли, у которой даже не было продюсера. Она чистым звонким голосом пела о любви, верности, в конце ее выступления на сцену выходила очаровательная собачка в розовом платье и с кружкой в зубах. Рита щебетала в микрофон:

— Дорогие мои! Я собираю на приют для животных, нас порадует любая сумма.

Потом она обнимала дворняжку и, смахивая слезы, продолжала:

— Это Мими. Я нашла ее на улице. Умирающей. Взяла к себе. Теперь Мими моя доченька.

Зал рыдал от умиления, а Мими зарабатывала за вечер приличную

сумму. Пресса и интернет захлебывались от восторга, писали о Мовалли хвалебные слова. Никита грыз ногти и злился, что не он придумал фишку с несчастной шавкой, не среагировал оперативно на изменение интересов зрителей. Вместо того чтобы «притушить» Крису, предъявить публике какую-нибудь Риту, продюсер велел фронтмену буяннить с утроенной силой и оказался у разбитого корыта.

Глава 3

Когда доходы Игрова обвалились ниже погребя, он наконец понял, что нужно менять тактику. Но он не вспомнил про актеров, которые говорили бы правильные слова о семье, браке, изображали положительных героев, а потом один раз в жизни напились до состояния нестояния, побили официанта, и... все. Их карьера пошла прахом. Зритель теперь, увидев на экране лицедея, смеялся:

— Изображает из себя облако в штанах, а сам-то! Драчун и алкоголик.

Хорошей репутации можно лишиться вмиг. А вот избавиться от плохой не удастся даже после многих лет праведной жизни. Какой-нибудь актер бросил употреблять наркотики, взялся за ум, чист, как слеза ангела, завел семью, обожает жену, детей, не пьет, не курит, перестал матом ругаться, ждет приличную роль. Но режиссеры его в проекты не зовут, боятся, вдруг он сорвется, а народ бормочет:

— Бывших наркоманов не существует. Скоро он за старое примется.

Никита запретил Крису материться, драться и задирать юбки всем проходящим мимо представительницам слабого пола. Он велел Гумби пойти в храм, сделал там несколько снимков у икон, выставил их на сайте фронтмена и приказал ему говорить: «Я поверил в Бога, стал другим человеком». Парень, у которого тоже опустел карман, беспрекословно ему подчинился, но народ в соцсетях высмеял Гумби, никто не поверил в его внезапное исправление.

Никита совсем загрустил. Похоже, группа «Черви в мозгах» скатилась с вершины к подножию горы славы и денег, надо создавать другой проект.

Игров махнул рукой на Крису и объявил в прессе, что набирает девичий коллектив. На следующий день под воротами офиса известного продюсера столпился не один десяток блондинок, грезящих о сцене и считающих себя великими певицами.

Никита неделю слушал соискательниц и окончательно пал духом: и внешне они не ахти, а уж с голосом и вовсе беда. Медведь дурочкам не на ухо наступил, он просто на них сел.

Когда настроение Игрова замерло на нулевой отметке, в зале для прослушивания появилась очередная девица. Никита дремал в кресле.

— Можно начинать? — звонко осведомилась незнакомка.

Продюсер, не открывая глаз, кивнул. Это была то ли пятнадцатая, то ли двадцатая соловыха за этот день. Никита решил, что быстренько скажет

ей: «Спасибо. Мы вам сообщим о нашем решении» — и отправится пить кофе. Вообще-то было уже обеденное время, но от всех этих Лорелей^[1] у Игрова пропал аппетит. Никита зевнул, свесил голову на грудь, и тут претендентка запела.

Сон разом улетел прочь, продюсер открыл глаза. Перед ним стояла стройная высокая брюнетка с большой грудью и тонкой талией. На ней был черный кожаный купальник, он не скрывал, а демонстрировал идеальную фигуру. Бесконечно длинные ноги украшали ботфорты на умопомрачительной шпильке, а лицо приковывало к себе взгляд, девчонка оказалась красавицей с нестандартной внешностью. На блонди-карамельку она совсем не походила, скорей уж это была ведьма с гитарой. Но, главное, пела соискательница великолепно, перед Никитой стояла сложившаяся джазовая певица со своей манерой исполнения.

— Откуда ты взялась? — выдохнул продюсер. — Как тебя зовут?

— Я работаю под именем Анетт, — улыбнулась девушка.

— Где пашешь? — спросил Игров.

— Куда позовут, — потупилась брюнетка, — выбирать не приходится. Свадьбы, корпоративы. В интернете объявления даю.

— Настоящее имя скажи, — потребовал Никита.

— Анна Лаврова, — представилась певица.

Никита повернулся к своему главному пиарщику.

— Конец истории. Гони остальных взащей. Кастинг окончен.

— Она одна, — удивился парень, — а мы набираем группу.

— Ей никто не нужен, — рявкнул Игров. — Ты мне указывать решил, как работать? Пошел вон. Уволен.

Через неделю в желтой прессе появилась статья о том, что Крис подрался на концерте с певицей Анной. Игров отказался от псевдонима Анетт. А вот сделать из брюнетки мимими с собачкой у него не получилось. Аню сначала перекрасили в блондинку, но от этого она не стала бело-розовой зефиркой и манера пения у нее не изменилась. Никита велел вернуть солистке прежний цвет волос, но сразу исполнительницу зрителям не представил, заплатил журналистам, и бульварная пресса активно публиковала заметки о том, как Крис ненавидит Анну, делает ей гадости, а та лишь улыбается.

Когда Аня наконец предстала перед публикой, ту уже хорошо разогрели. Девушка вышла как участница сборного концерта, который ежегодно в день своего рождения устраивает крупный телеканал.

Спорткомплекс «Олимпийский» заполнили зрители. Чтобы Аня закрывала мероприятие, вышла последней, Игров заплатил организаторам

бешеные деньги. Но оно того стоило. Девушка-блондинка появилась в розовом платье в пол. Никакого декольте. Платье застегнуто до шеи, длинные рукава. И запела она что-то вроде «люблю, не могу, не уходи от меня». Публика разочарованно молчала, на лицах зрителей явно читались мысли: «Еще одна красотка, плачущая от неразделенного чувства, ну голос хороший, ну в ноты попадает, но таких много. Мы-то ожидали чего-то необыкновенного, а получили на завтрак надоевшую геркулесовую кашу».

Спев первый куплет, Анна подняла руку, оркестр стих.

— Скукота, да? — спросила исполнительница.

— Ага! — обрадовался зал.

Аня поморщилась.

— Зря я послушалась продюсера, который советовал розовой соплей прикидываться. Теперь только своим умом живу. Йо-хо-хо, народ!

Анна сдернула с головы парик, швырнула его в зал, вмиг расстегнула платье, которое отправилось вслед за фальшивыми волосами. В тот же момент из-за кулис выскочили гитаристы, выкатили ударную установку. Музыканты заиграли, Анна запела. Публика вскочила с мест, захлопала в ладоши, затопала ногами, засвистела, заорала...

Никита из-за кулис смотрел на брюнетку в черном кожаном бикини и ботфортах, слушал идеальное исполнение купленной для нее песни и понимал: Аня оправдает каждую потраченную на нее копейку. Она очень талантлива, амбициозна, работоспособна, готова пройти «шпильками» по головам конкурентов, жадна до денег. Она добьется своего, это настоящая звезда. Остальные знаменитости, которых продюсировал Игров, выглядят жалко на фоне Лавровой, потускнел даже Крис. Нет, Никита не собирался разгонять свой продюсерский центр. На любой товар найдется купец. Даже никому не нужная в мегаполисах группа соберет денежные крошки в провинции. Но главной фигурой у Игорова теперь станет Аня. Крису придется подвинуться, он сбитый летчик.

Глава 4

Игров замолчал.

— Мы не раз работали с творческими людьми, — заметил Иван, — схема раскрутки известна. Правда, она иногда не срабатывает, но обсуждать вопросы пиара и рекламы мы не намерены. Я не понял, в чем проблема?

— Интернет не читаете? — опешил Никита. — Газетами не интересуетесь? Телек не смотрите?

— Мы пользуемся средствами массовой информации, — вступил в беседу Аверьянов, — просто новости о певцах-актерах нас не интересуют.

— Анна отравилась, — мрачно сообщил продюсер. — Не насмерть, правда. Ни мертва, ни жива.

— Человек или мертв, или жив, — заявила Елизавета, — другого не дано.

— Аню держат на аппаратах, она без сознания, — уточнил Игров, — доктора считают, что она никогда не восстановится, предлагают отключить приборы. Но я не готов это разрешить, я не убийца.

— Почему вы решаете столь серьезный вопрос? — удивилась я. — Берете на себя ответственность за жизнь Лавровой? Обычно трудный выбор, оставить больного на аппаратуре или отключить ее, ложится на родственников.

— У нее никого нет, — пробормотал Никита, — подробностей ее личной жизни я не знаю. Она в самом начале предупредила: «Будете расспрашивать о родителях, я уйду от вас. Я на улице росла, меня курица снесла. И все». В моем центре десять певиц. Девять используют меня как жилетку, бросаются в мои объятия при любых жизненных катаклизмах, жалуются, плачут, просят помощи. Их надо постоянно гладить по головешкам, почесывать за ушком. Да и выпить они не дуры, заливают глаза, набедокурят, а я их художества замазываю. Правда, с парнями еще хуже. Они как бабы, только жрут коньяк, виски, водку и хулиганят по-крупному. Одна Анна была другой. Ее ничего, кроме работы, не интересовало. Жесткая. Требовательная. Когда один ее музыкант на концерте накосячил, она потребовала: «Этого вон!» Я попытался спорить: «Прости парня. У него оправдание есть, жена рожала, вот он и перенервничал». Аня насупилась: «Что, прямо на сцене перед публикой беременная тужилась? — уточнила Аня. — Нет? Так вот! Все, что происходит вне подмостков, меня не колышет. Младенец вылупился? Бери расчет, качай коляску, я тебе

коробку конфет в подарок пришлю! Кто-то из родных умер? Очень жаль, но у нас концерт. Или работай, или пошел на ...»

— Жесткая позиция, — сказала я, — наверное, Лаврову в коллективе не любят.

Никита махнул рукой:

— А ей плевать, кто и как к ней относится. Волнуют только рабочие моменты. Язык как бритва, но сама она ни с кем не лается. Если кто Ане не нравится, она ко мне подходит: «Увольняй!» И я убираю этого человека. Да, окружающие Лаврову терпеть не могут, но боятся. В глаза ей улыбаются и пашут, как рабы на плантации. Что за спиной говорят, ей по фигу. У Аньки все как по часам во время выступления идти должно. А вот с публикой...

Никита кашлянул.

— Тут Анна была другая. Улыбки. Позитив. Прекрасные слова. Если ее после концерта фанаты ловили, она не выражала ни малейшего недовольства. Селфи? Пожалуйста. Автограф? Легко. Фото с ребенком? Сколько угодно. Ба! Малыш Ане на эксклюзивную кофточку от Шанель наблевал? «Да это пустяки! Катюша, милая, дай салфеточку. Ну что вы, не извиняйтесь, он же ребенок, такой милый. Чмок-чмок!» Ручкой помахала, улыбкой сверкнула, в машину села. Мамаша с младенцем в восторге, строчит в инстаграме: «Аня! Обожаю тебя». И рассказывает, как певица на сосунка не осерчала, поцеловала его, сетовала: «Ой, как жалко, что у меня деток нет!»

Игров ухмыльнулся.

— Да только фанатка не видела, что в машине происходит. А там Анна Кате звонит и сквозь зубы цедит: «Ты уволена. Почему салфетку подала не сразу? Блевотина мне блузку испортила!» Вот такая она! Весь вопрос упирается в деньги.

— А они тут при чем? — спросил Михаил Юрьевич.

Я покосилась на нового сотрудника. Ершов задал глупый вопрос. Для психолога он не очень сообразителен.

— Фаны покупают билеты, от них основная прибыль идет, — пояснил Никита, — поэтому Аня их любит и ни разу никого за три моря пешком не послала. Костюмеру, гримеру, музыкантам она сама платит. Чуете разницу? Если зрителя оскорбить, он больше на твой концерт ни ногой, потеряла ты его как покупателя билета, постера, диска, подписчика в инстаграме. А ведь чем больше у тебя друзей в Сети, тем дороже реклама в аккаунте. Последнее время хвалебный отзыв Ани о какой-нибудь лабуде типа шампуня стоил несколько сотен тысяч. Если люди от нее массово убегут, не нужна Лаврова фирмам станет.

— Музыканты важны, — возразил Михаил, — гример с костюмером тоже.

Игров снова схватился за бутылку с минералкой.

— Не спорю. Хорошего гитариста найти трудно, но можно. Да они сами прибегут, если слух пойдет, что Аня лабухов набирает, все хотят попасть к раскрученному исполнителю. Про баб, которые морду пудрят и шмотье глядят, даже говорить не стоит, их как кошек бродячих. Доступно объяснил?

— Более чем, — кивнула я, — теперь расскажите, что случилось с певицей.

Никита постучал кулаком по столу.

— Никто не знает.

— Просто опишите, как обстояло дело, — попросила Елизавета.

— В полиции служат одни идиоты, — возмутился Игров. — Я сто раз сказал им: «Крис не способен на убийство». А они мне: «Да вся страна знает, что он ее придушить обещал».

Димон перестал стучать по клавиатуре ноутбука.

— Докладываю, что случилось. Во вторник из квартиры Анны вызвали «Скорую помощь». Звонок сделал анонимный мужчина с неизвестного номера. Медики вошли в открытую дверь, обнаружили в спальне на кровати девушку. Она была жива, похоже, отравилась мощным антидепрессантом. Пустые коробки из-под таблеток валялись на полу. Следов насилия на первый взгляд не было обнаружено. В квартире никого постороннего не нашли.

Анну увезли в клинику и сразу поместили в реанимацию. Но большой надежды на то, что она выживет, нет. Пока медики спасали певицу, полиция попыталась установить человека, который обратился в «Скорую». Определить номер, который владелец скрыл, можно. Обойдусь без технических подробностей, просто поверьте, что специалист это сделает, вот простому обывателю сие не по силам. Я, например, с заданием справлюсь. Дело в том, что сигнал проходит через вышку, если...

— Ты вроде хотел обойтись без подробностей, — остановила я Димона.

— Да, — спохватился тот, — я увлекся. Эксперт установил, что контакт принадлежит Андрею Мамову, с ним поговорили, парень испугался и объяснил: он стилист Константина Гумбанова, по просьбе того зарегистрировал на себя мобильный, которым пользуется звезда. Крис прячется от журналистов и фанатов, так многие знаменитости поступают, оформляют сотовые на шофера, домработницу. Операторы продают

репортерам контакты звезд, а если трубка на неизвестную фамилию зарегистрирована, то как понять, что она принадлежит певцу? У стражей порядка вмиг родилась версия: рокер, о ненависти которого к Анне написал даже самый ленивый папарацци, решил убить певицу.

— И поэтому вызвал «Скорую», — ухмыльнулся Михаил, — bravo!

— Сказано уже! Идиоты они! ...! — заорал Никита Сергеевич. — Но Крис еще худший кретин. Он посетил в клинике Лаврову, ночью приехал, его охрана видела и, конечно же, в «Желтуху» позвонила. Мерзкое издание информаторам платит. Журналюги ринулись в больницу, но Гумбанов уже смылся. Секьюрити репортерам наплел, что рокер, мимо него проходя, бормотал под нос: «Жаль, я не смог ее убить! Здесь охрана супер, придушить эту дрянь не получилось».

— Прямо так и говорил? — восхитилась я.

— Кругом одни подлюки и вруны ...! — пошел вразнос продюсер. — Я Анну мигом перевел в другой госпиталь. В том, куда ее «Скорая» доставила, прямым текстом мне заявили: «Не бегайте, не суетитесь, пусть она спокойно умрет, не мучайте ее». Но Анна вопреки всем прогнозам очнулась. Врач прифигел.

— Судя по записям в истории болезни, она открыла глаза, — уточнил Димон. — В палате реанимации находились еще один больной, но не такой тяжелый, как Лаврова, и медсестра. Она подошла к кровати Анны и ахнула: «Вы меня видите? Если да, моргните!» Сосед заметил, что Лаврова закрыла, а потом открыла глаза. У нее сохранился интеллект. В палату примчались врачи, один из них сказал: «Иначе как чудом это не назовешь». Анне становилось лучше, к вечеру она стала шевелиться. Затем заснула и более не очнулась, впала в кому, в которой пребывает по сегодняшний день. Медики считают ее безнадежной. Сейчас Анна находится в госпитале Святой Елизаветы...

— Я перевез ее туда из-за православных медсестер, — прервал Димона Никита, — уход там идеальный. И ни от кого слов: «Давайте ее отключим» — я не слышал. Заколебали в платном центре ...! Воронами каркали: «Пусть умрет спокойно» ...! Она очнется! Ведь так?

Вопрос адресовался всем присутствующим, но ответил один Михаил:

— Известны случаи, когда люди выходили из комы после двадцати лет на аппаратах.

— Вот! — обрадовался Никита Сергеевич.

— Но состояние их здоровья, — продолжал эксперт, — было отнюдь не радужное. Последствия комы непредсказуемы и...

— Не желаю ничего слышать, — разозлился продюсер, — она

поправится. Мало мне самоубийства Ани, так еще полиция на Криса наехала! Идиоты ...! Подумали, что он решил убить Аню и суицид изобразить.

Глава 5

— Почему это пришло полицейским в голову? — спросила я.

— На то есть причины... — начал Димон.

— Вообще никаких, — вскипел Игров.

— Можно я прочитаю, что содержится в документах? — спросил Коробков.

— Ладно, только там белиберда, — воскликнул продюсер.

Димон откашлялся:

— Криса попросили приехать и рассказать, почему он вызвал докторов, но не остался их ждать. Отчего действовал анонимно? Рокер явился в отделение, изложил свою историю. Вечером ему якобы позвонила Аня и попросила утром приехать к ней домой. Она сказала, что хочет побеседовать о совместном проекте, но сообщать о нем Игрову не стоит. Гумбанов, заинтригованный предложением, явился по указанному адресу, нашел певицу без сознания, вызвал «Скорую» и уехал. Смылся он потому, что не хотел иметь отношения к самоубийству. Сразу догадался: Анна отравилась. Увидел пустые блистеры от таблеток. Остальное нам известно. Фантастическая история. Какого черта Лавровой звать к себе этого хама, если она решила покончить с собой?

— Некоторые одинокие самоубийцы, желая, чтобы их тело поскорее нашли, поступают именно так, — заметил Ершов, — под благовидным предлогом просят прибыть друга, чтобы тот обнаружил труп.

— Согласен, — кивнул Димон, — но у Анны с Крисом отвратительные отношения. Гумбанов ее постоянно обзывал «мочалкой в ботфортах», хамил ей в лицо, говорил всем гадости о Лавровой. Во время одного мероприятия рокер заорал, что Аня его обокрала. Правда, никто не понял, что именно стащили у певца. Гумби порывался напасть на Лаврову, но ему не дал этого сделать гитарист Сергей Петров. Сережа утащил певца в гримерку, тот орал: «Урою ее на ...! Башку откручу!» Свара за кулисами вовсе не редкость, рукопашная, которую звезда устроила с журналистом или коллегой, тоже никого бы не удивила. Но Крис слишком яростно злился, рычал, матерился, швырялся разными предметами, обещал Ане все виды смерти.

— Может, принял ЛСД? — предположил Илья. — Героин? Оба препарата вызывают галлюцинации и вследствие этого озлобление, потому что чудятся, как правило, монстры.

— Никогда, — отрезал Игров, — он их даже не пробовал.

— Секс, наркотики, рок-н-ролл, умри молодым, — пропел Федор, — не очень-то верится в «чистого» рокера.

— Не все парни, творящие в стиле хеви-метал, принимают запрещенные препараты, — возразил Ершов.

— Меня тоже удивило, что Анна обратилась с предложением нового проекта к Гумбанову, — заметил Иван. — Зачем говорить о творчестве с тем, кто тебе завидует и ненавидит?

— Приехав к Крису в больницу, я поинтересовался у него, какая идея родилась у Ани, — надулся Игров, — а он ответил: «Совсем тупой, да? Не понял, что я ее в бессознанке нашел? Мы не успели ничего перетереть».

— Певец в клинике? — уточнила я. — Что случилось?

— Ему стало плохо во время беседы со следователем, — пояснил продюсер, — его на «Скорой» отвезли в медцентр, там поставили диагноз — микроинсульт.

— Он же молодой совсем, — сказала Лиза.

— Острое нарушение мозгового кровообращения может произойти и у крохотного ребенка, — заметил Илья, — рок-н-рольный образ жизни не способствует крепкому здоровью.

— Сейчас Константин находится под наблюдением врачей? — предположила я. — С ним можно побеседовать?

— Нет, — почему-то сердито отрезал продюсер, — нет.

— Все так серьезно? — спросила я. — Инсульт действительно случился или это уловка адвоката, который решил на время оградить своего клиента от полиции? Гумбанова официально не задержали?

— Он звезда, пусть и с сильно поредевшей, но армией фанатов, — вздохнул Игров, — Крис Гумби у всех на слуху. У эмвэдэшников в последние годы следует скандал за скандалом. То судей на взятках ловят, то экспертов в подтасовке улик уличают. Их начальство пуще огня боится очередной шумихи. Об аресте Криса все СМИ заорут, поэтому следователь стал дуть на воду, вежливо попросил Гумбанова заглянуть в его кабинет в свободное время, просто побалакать. Крис не дурак, захватил с собой адвоката. Но никаких обвинений рокеру, даже если бы и хотели, предъявить не успели, ему стало плохо, а тот, кто не задержан, — свободен, зачитывать права человеку, который лежит на полу без сознания, закон запрещает. Криса увезли в платную клинику, где у него есть полис.

— И какое сейчас самочувствие у Гумбанова? — осведомилась я.

— Понятия не имею, — оскалился Игров.

— Вы с ним не общаетесь? — спросил Иван.

Никита Сергеевич стукнул кулаком по столу.

— Блин! Время шло к вечеру! Я прилетел из Владивостока ...! Помылся, поспал. Пью кофе дома, включил телик, ...! Оттуда девка вещает: «Сегодня утром у музыканта и певца Криса Гумби во время допроса в полиции случился тяжелый инсульт. Рокера полностью парализовало. Сейчас он находится в реанимации центра Евгения Королева. Гумби подозревают в убийстве певицы Анны, любимицы миллионов. Крис попытался замаскировать ее смерть под суицид». Здорово, да? Я бросился звонить Геннадию Петровичу, адвокат ответил: «Давай без паники. Ситуация под контролем. Не верь новостям из волшебного ящика. Анна жива. Крис в норме. Если хочешь, можешь поговорить с ним. Я предупрежу, тебя пропустят». Я приехал в больницу, Крис лежал на кровати, жаловался на слабость, в его вене торчала капельница. Умиравший лебедь сообщил: «Никита! Анька мне позвонила...» И дальше как по нотам спел то, что вы уже слышали. Они с Лавровой решили обмозговать свой проект, о нем мне, продюсеру, не говорить. Подонки! Наивняк! Ни фига у двух дятлов без меня не получится. Гений я, а они дерьмо у микрофона! Я их сделал! Я их создатель!

Я решила прервать поток самовосхваления Никиты:

— Подвожу промежуточный итог нашей беседы. Анна в коме. Крис в больнице с микроинсультом. Гумбанова подозревают в попытке убийства Лавровой, замаскированной под суицид. Никаких серьезных улик против рокера нет, все подозрения полиции опираются на разговоры о ненависти фронтмена группы «Черви в мозгах» к девушке, которая легким движением бедра сбросила его с музыкального олимпа. Любой мало-мальски грамотный адвокат вмиг отобьет клиента у следователя. Мы-то вам зачем?

— Крис из больницы смылся, — мрачно сказал продюсер. — Дома его нет. Куда он подевался, неизвестно. Найдите кретина до того, как полиция всполошится. Я договорился с главврачом, она пока Гумби прикроет, соврет, что его якобы перевели в палату для умирающих. Они лежат в особом отделении, вход в него исключительно по спецпропускам, из персонала туда мало кто допущен. Если следователь звонить начнет, ему спойут, что Гумбанов ну очень плох. Но ведь долго так лгать не получится. И что в полиции решат? Зачем тому, кто не виноват, линять? Побег идиота — доказательство того, что он все-таки замешан в попытке убийства. Докажите, что Гумбанов не виновен, не он Анну таблетками отравил. Конечно, парень идиот, но не убийца. Я уверен: он тут ни при чем. Найдите того, кто Ане пилюли дал.

— Интересная деталь, — сообщил Коробков, — сотовый Анны не

нашли. Трубка исчезла.

— У нее был самый навороченный айфон последней модели, — тут же объяснил Игров. — Мог кто-то со «Скорой» спереть, или полицейские скоммуниздили. Руки липкие и у тех и у других. Одни воры кругом.

Глава 6

Выйдя из переговорной, я включила телефон и тут же увидела сообщение: «Можешь приехать в развлекательный центр «Дельфинокретино»? Главное, чтобы Ваня ничего не заподозрил». Я нажала на кнопку быстрого набора, раздался голос Рины:

— Ты где?

— Только что совещание закончилось, — объяснила я.

— Я нашла чудное местечко для празднования юбилея Ивана, — зачастила свекровь, — все в восторге будут. Но есть сомнение.

— Какое? — тут же задала я вопрос.

— Не описать словами. Приезжай. Все отлично. Только одно раздражает.

— Если тебе что-то не нравится, нужно найти другой ресторан, — зашептала я, идя к лифту, — в Москве полно трактиров, посмотри отзывы о них.

Ирина Леонидовна принялась возмущаться:

— Я тоже так думала. Ан нет. Знаешь, сколько заведений просмотрела? Например, «Мама лягушка». В интернете его расхвалили дальше некуда. И что? Салат «Цезарь» там стоит три тысячи рублей.

— Что туда за столь нереальную цену положили? — изумилась я, спускаясь в паркинг. — Филе попугая-альбиноса?

Мать мужа рассмеялась.

— Нет. Курица, сухари, айсберг, сыр, яйцо. Еще заправка.

— Почему так дорого? — продолжала я недоумевать.

— У них повар — победитель международных конкурсов!

— Так ведь не из его филе блюдо соорудили, он просто продукты резал! — рассердилась я и села в машину.

— Ты еще в ресторан «Паштето Плаза» не заглядывала, — сказала Рина, — там средний чек пять тысяч. Банкет устраивают из расчета десятка на нос. У нас пятьдесят человек. Получается... э... два миллиона!

— Нет, один, — заспорила я, вбивая в навигатор название «Дельфинокретино».

— Все равно жуть! — подвела итог Рина. — Вот в «Лом Айленде» согласились за шестьдесят кусков стол организовать.

— Шестьдесят тысяч? — уточнила я.

— Ага.

— На пятьдесят человек? Поразительная цена, — пробормотала я, — получается на каждого по... двести рублей?

— Не. Сто двадцать.

— Я не сильна в математике, — вздохнула я, — но двести рублей или сто двадцать — не важно^[2]. Страшно заказывать у них банкет. Из кого они шашлык-то сделают?

— Ты не дослушала, — укорила меня Ирина, — шестьдесят за стол и миллион за шоу-программу. Такой пакет услуг, просто сесть и поесть нельзя, певцы-стриптизеры и прочее идут в нагрузку к еде.

— Угощение слишком дешевое, развлечение непомерно дорогое, — подвела я итог.

— Путем проб и ошибок я нашла вроде подходящее местечко, но есть сомнения. Когда можешь приехать?

— А ты где? — в свою очередь осведомилась я.

— Я у центра, — уточнила свекровь, — сделай одолжение, подскочи на полчаса, «Дельфино» в пяти минутах езды от вашего офиса. Адрес тебе сейчас отправлю.

Я вылезла из джипа.

— Я уже тут.

— Гениально! — закричала Рина, выбираясь из своего «Мини Купера». — Спасибо, что сразу примчалась. Очень нужен твой совет. Алло, алло... Таняша, не молчи.

Мне стало смешно.

— Можешь положить телефон в сумку. Я рядом.

На секунду лицо свекрови стало растерянным, потом она обернулась и расхохоталась.

— Действительно. Пошли.

Я посмотрела на здание, которое было построено в виде гигантского дельфина.

— Нам туда?

— Думаю, да, — кивнула Рина, — я первый раз здесь. Только по телефону с менеджером беседовала. Он должен нас встретить у гардероба и все рассказать-показать, сказал: вход через рот, а не под хвостом.

Мы подошли к пасти морского обитателя, открыли дверь, вошли и остановились. Пол в холле заливала вода.

— Идите, идите! — закричал мужчина в серо-голубом комбинезоне. — На самом деле здесь сухо. Покрытие сделано из самого прочного прозрачного пластика, вода под ним. Это для прикола задумано.

Я осторожно ступила на водную гладь и ощутила твердую

поверхность.

— Правда, здорово? — восхищался незнакомец. — Я ваш менеджер. Борис — дельфин третий. Сразу хочу вас обрадовать. Наш центр сегодня работает первый день, вы пока единственные, кто решил отметить в нем день рождения. Поэтому семье Волковых полагается скидка пятнадцать процентов.

— Наша фамилия... — начала я, но договорить не успела, Рина наступила мне на ногу и затараторила:

— Отлично. Скидка всегда кстати. Где нам можно побеседовать?

Борис — дельфин третий показал рукой в сторону двери:

— Там раздевалки, женская слева. Подожду вас в первом коридоре. Ступайте, не бойтесь, больно не сделаю. Шутка. Получите удовольствие. А вот это уже не шутка.

Мы с Риной открыли дверь и очутились в комнате с большим количеством узких шкафчиков. Она напомунала помещение для переодевания в фитнес-центре. Посередине на штанге висел плакат. Я начала читать вслух:

— «Посетителям предлагаются на выбор бесплатные костюмы: папа-дедушка — дельфин, мама-бабушка — дельфинка, дети — дельфинчики. Специальное предложение: няня-педагог — дельфиниум. Только для вечеринок после двадцати одного часа, исключительно у менеджера по предъявлении паспорта выдаются наряды для вечеринки «Эротическая ночь дельфинов». Лица, не достигшие восемнадцати лет, к участию в этом шоу не допускаются. Стать гостем мероприятия три икс подросток может только по письменному разрешению родителей. Хорошего вам отдыха, веселья и наслаждения. Просьба соблюдать порядок прохождения испытаний. В случае пропуска какой-либо волшебной комнаты выдача главного сюрприза отменяется. Но его можно получить, заплатив штраф».

Рина открыла свою безразмерную сумку.

— Вот почему они велели купальники взять. Держи, твой я тоже прихватила.

— Зачем переодеваться? — спросила я.

— Не знаю, — ответила свекровь, — но уже интересно.

Я открыла шкафчик с табличкой «мама-дельфин безразмерная», вытащила оттуда юбку с запахом из ткани серо-голубого цвета, парик того же колера, пластмассовые тапки в запечатанном прозрачном пакете и ожерелье из искусственных ракушек.

— У меня то же самое, — сказала Рина, завязывая на талии тесемки. — Интересно, чем «мама» от «бабушки» отличается?

— На первый взгляд ничем, — улыбнулась я, — на второй, впрочем, тоже. Похоже, мы попали в аквапарк. Давай сразу уйдем!

— Почему? — удивилась свекровь.

— Не уверена, что гостям и Ивану понравится кататься на водных горках, — пробормотала я.

— Вот и у меня то же сомнение, но нельзя сразу убегать, не изучив ситуацию, — возразила Рина, — раз уж приехали, надо осмотреться. Вдруг там что-то интересное? Забавное? Необычное?

— Ладно, — согласилась я и пошла к трем дверям, которые находились в противоположной от входа стене.

При ближайшем рассмотрении на каждой из них обнаружили разные таблички. «В прошлое», «В сказку», «В будущее». Рина нажала на ручку.

— Меня привлекает кто-то вроде Кота в сапогах. А тебя?

— Думаю, мы не можем выбрать разные двери, — ответила я.

На створке вспыхнул красный огонек, металлический голос произнес:

— Наденьте костюм.

— Так уже нацепили, — удивилась Рина.

— Юбки завязали, — добавила я.

— Наденьте костюм.

— Наверное, надо натянуть парик, — догадалась я, водружая на голову оный.

Послышался щелчок. Мы очутились в просторном, совершенно пустом зале.

— А где сказка? — по-детски расстроилась Рина. — Я думала, нас тут встретят гномы, Белоснежка, Винни-Пух, Баба-яга...

— Они из разных книжек, — хихикнула я, — эй, кто-нибудь! Ау!

— Алло! — завопила Рина.

— Глупость какая-то, — вздохнула я, — надо вернуться и распрощаться с этим дельфином-кретино.

Ирина Леонидовна опустила голову.

— На сайте у них написано про приключения, диких животных, фокусы-сюрпризы и... ничего похожего.

Я попыталась открыть дверь в раздевалку, но потерпела неудачу, раздался гудок и голос:

— Назад дороги нет.

Я повернулась к Рине:

— Обнадеживающее заявление. Как будем действовать?

Свекровь показала рукой на противоположную стену:

— Там занавеска. Пошли глянем, что за ней.

Шлепая слишком большими тапочками по полу, мы добрались до места. Рина отдернула штору. Из ниши в стене выпал мужской труп, этак недельной давности. Тело рухнуло прямо к ногам свекрови.

— Офигеть можно! — подпрыгнула Рина. — Судя по виду, он уже давно не пользовался местным бассейном.

Я наклонилась над «останками».

— Манекен искусно сделан. На секунду даже мне он показался реальным мертвецом. Интересные тут шутки.

Свекровь потерла кончик носа.

— Учитывая специфику вашей работы, Иван не придет в восторг, увидев покойника.

— Согласна, — кивнула я, — это все равно что на месте преступления вечеринку устроить.

Глава 7

— Простите, — завопил визгливый баритон, часть стены отъехала, появился Борис — дельфин третий, в руках он держал айпад.

— Бога ради, извините, — кричал он, — клуб новый, работаем второй день! Еще не все готово. Здесь планируется... О-о-о! Кто это?

— Просто кукла, — сказала я, наблюдая, как менеджер бледнеет. — Из ниши выпала.

Борис сделал глубокий вдох и изобразил подобие улыбки.

— Ага. Я пока не все выучил. Объясняю, как организуется феерически прекрасный праздник. Выбираете программу. Например, «Кошмарики нашего городка». Комната, где вы находитесь, декорируется по желанию клиента. Или сказка, или фантастика, или ужас. Гости должны отгадать загадки, пройти испытания, которые предлагает ведущий.

Борис постучал себя в грудь:

— В вашем случае это я! Бесплатный. За меня ни копейки не дадите. Когда закончим здесь, переходим в зону физподготовки.

Дельфин третий толкнул кулаком стену, та неожиданно разъехалась.

— Здорово, — одобрила я, — совершенно не заметные двери.

Менеджер сделал широкий жест рукой и начал листать планшетник.

— Батуты, штанги, гантели, центрифуга...

Я молча слушала Бориса. Наши гости постоянно тренируются, они точно о низкий потолок головами стукнутся, тяжести весом два кэгэ всех насмешат, а на центрифуге именинника стошнит.

— Мы психологически тонко подходим к решению любого вопроса, — щебетал парень. — Очень обидно, если один участник на коне, а остальные под ним, в смысле, под жеребцом.

— У вас лошадки есть? — обрадовалась Рина.

— Нет, я просто выразился иносказательно. В нашем чемпионате медали получают все, даже те, кто при ходьбе падает, — разъяснил Борис. — Полюбуйтесь. Вот награды.

Я подошла к шкафу со стеклянными дверцами, там на полках лежали пластмассовые медали ярко-желтого цвета, на них были надписи: «Лучший мальчик», «Чудесная девочка», «Бойкие ручки», «Веселый смех».

— «Красивые зубки», — произнесла за моей спиной свекровь. — А эту награду в каком испытании дают? Кого-то укусить попросят?

— За хороший аппетит, — ответил дельфин третий, — сначала

поужасаетесь, потом потренируетесь, затем... сюда, пожалуйста...

Мы прошли по коридору и вошли в третье помещение, тоже совершенно пустое.

Провожатый сложил руки на животе.

— Вы уже поняли. В первой студии интерактивная игра. Во второй спорт...

— Везде голые стены, — не выдержала я, — а юбилей на носу. Времени ждать, пока вы полностью оформите интерьер, у нас нет. Замечательный центр, но...

— Стойте! — занервничал Борис. — Как только вы сделаете выбор и оплатите вечеринку, через пару часов доставят все необходимое. Мы же не знаем, какую программу вы выберете. Тренажеры разные, на колесах. Вам батут? Центрифугу? Дорожку? Гантели? Все музыкальное, поет, пляшет.

Я представила себе танцующие гири и попятилась.

— Прекрасно погуляете, — захлопал в ладоши Борис, — но мы учитываем рекомендации ученых. По наблюдениям психологов, люди лучше всего сохраняют в памяти заключительную часть мероприятия. Ну сами подумайте. Допустим, утром вас угостили мороженым, а вечером в автобусе вы получили по морде от другого пассажира. Какое событие будете долго вспоминать?

Менеджер повернулся ко мне:

— А?

— Меня никогда не били в общественном транспорте, — ответила вместо меня Рина, — думаю, оплеуха застрянет в памяти. Но не у Танюши, а у хулигана, ему ведь мало не покажется. С Таней шутки плохи, она хама морским узлом завяжет.

— Вот-вот, — кивнул Борис, — мы решили использовать этот прием, чтобы гости нас никогда не забывали.

— На прощание официанты лупят посетителей? — уточнила я. — Боюсь, такой формат праздника... ну... ваши служащие... они... э...

— Мигом будут повержены, — воскликнула Рина, — гости наши... короче, с ними лучше не затевать потасовку. У них автоматическая реакция на нападение.

Борис поднял глаза к потолку:

— Боже! Нет! Вы в центре добра, веселья, радости. Мы приготовили архипозитивный эпилог вечеринки. Купили в Америке мегакрутецкий водный аттракцион. Чтобы покинуть зону развлечений, необходимо им воспользоваться. Иначе останетесь здесь навсегда. Ха-ха. Шутка.

— Вот почему вы просили взять купальники, — осенило Рину.

— Да, да, да, — засмеялся Борис, — весь вечер вы дельфино-креатино.

— Креатино? — повторила я. — На вашем сайте написано иначе.

— Как? — изумился менеджер.

— Откройте страницу, — посоветовала Ирина.

Провожатый подчинился и взвизгнул:

— Дельфино-кретино! Кто это написал?

— Не знаю, — ответила я, — все время хотела спросить у вас: отчего такая странная вывеска, но никак удобный момент выбрать не могла.

— Мы «Дельфино-креатино»! — взвизгнул Борис. — То есть креативный, с оригинальными программами. Извините, в момент запуска проекта постоянно нелепицы появляются. Немедленно это поправим. А сейчас совершенно бесплатно порадуетесь чудесному приключению. Что может быть лучше авантюры, за которую ни копейки не заплатили?

— Поспать утром пару лишних часов, — вздохнула я.

Борис щелкнул выключателем, по залу пролетел скрип, скрежет, в стене открылись две дверцы, из них лился яркий свет.

— Водная феерия! — провозгласил менеджер. — Прошу вас. Опускайтесь на досочки, держитесь руками за их края, ничего не бойтесь. Аквапарк посещали?

— В Тунисе каждый день там каталась, — сказала я. — Вы как завершение вечера предлагаете гостям съехать в бассейн, который расположен неподалеку от раздевалки?

— Ваша догадливость поразительна, — похвалил меня менеджер, — помните, вы маленькие дельфинчики, поэтому ничего не бойтесь. Мокрые костюмы потом бросьте в бачок. Жду вас в офисе. Обсудим детали, меню и все прочее. Ну! Вперед! Татьяна, какую дорожку выбираете?

— Правую, — мигом ответила Рина.

— Тогда моя левая, — не стала спорить я.

Свекровь села на край желоба, закричала:

— Йо-хо-хо! — и пропала из виду.

Я вцепилась в пластиковую доску, хотела оттолкнуться ногами, но ощутила сильный толчок в спину...

Вы когда-нибудь попадали во время полета на самолете в воздушную яму? Тогда поймете мои ощущения. Мой желудок сначала ухнул вниз, потом резко пошел вверх. В уши будто вставили каучуковые пробки. Горло перехватил кожаный ремень. Яркий свет слепил глаза, откуда ни возмись появилось что-то большое и упало мне на колени, оно оказалось мягким и не ушибло меня. Я неслась со все возрастающей скоростью, недоумевая, почему горка длиннее шоссе Москва — Питер. Через пару мгновений меня

затошнило, спустя еще секунду я пожалела, что не знаю ни одной молитвы. Внезапно ногам стало холодно, потом замерзло все тело. Меня непостижимым образом подняло над желобом и швырнуло вперед. Все мои килограммы взметнулись в воздух. Словно огромная птица я, визжа от ужаса, пролетела некоторое расстояние и упала в ледяную воду. Она незамедлительно проникла в уши, нос, рот... Я лишилась возможности орать, но не потеряла способности работать руками-ногами, некоторое время барахталась с закрытыми глазами, потом ощутила под ступнями твердый пол, кое-как встала, распахнула глаза, ахнула и снова нырнула в бассейн.

А вы бы как поступили, увидев, что находитесь в круглом сооружении, оно громоздится посреди площади, на которой с разинутыми ртами стоит несколько человек в куртках.

— Девушка, что вы рекламируете? — крикнула одна женщина. — Бесплатная раздача товара планируется?

— Флешмоб про что? — любопытствовал парень в кепке.

Я стала озиаться, увидела неподалеку здание развлекательного центра и поняла, что из-под хвоста огромного дельфина высовывается здоровенная прозрачная труба на опорах, которые опускались все ниже и ниже. Конец трубы нависал над бассейном, а он почему-то располагался на площади, где было много прохожих. Из воды вела лесенка. По ней легко можно вылезти и спуститься на асфальт. В первую секунду мне захотелось встать и как можно быстрее помчаться в раздевалку. Я даже начала приподниматься, и тут в моей голове проснулся разум. До здания метров двести. Как я помчусь к нему без обуви, в купальнике, в дурацкой юбке и парике? Но не сидеть же тут до ночи? Кстати, уже стемнело, но бассейн ярко подсвечен, а любопытных зевак все прибывает и прибывает.

— Посмотрите сюда, — крикнул кто-то.

Я машинально повернула голову на звук.

— Улыбнитесь, пожалуйста, — попросила какая-то женщина, — я веду инстаграм про самые дурацкие развлечения. Вы мне прямо в тему. А почему одна купаетесь? В паре-то интереснее. Сейчас бы с любовником плавали.

Я вздрогнула. Одна? Где Рина? На улицу выходит единственная труба, но она по объему намного шире тех двух, в которые мы сели в развлекательном центре. Страх пополз между лопатками. Что, если свекровь выкинуло раньше меня? Она же поехала первой. Да, мы катились в разных желобах, но они могли где-то объединиться, я по дороге сделала массу поворотов. Я полная, поэтому угодила прямехонько в центр не очень

большой круглой ванны. Рина крохотная, вес у нее меньше, чем у кошки. Мать мужа могло перекинуть через бортик, и теперь она лежит на асфальте с переломанными руками-ногами.

Я вскочила, в секунду преодолела лесенку, очутилась на тротуаре и заорала:

— Рина, Рина!

Толпа сдвинулась, посыпались вопросы:

— Девушка, вы рекламируете парики?

— Не, она купальники для жирных демонстрирует.

— «Рина» — название фирмы одеял, сейчас ее прикроют.

— Люди, вы офигели! Какой товар! Она из дурки удрала!

— Девушка, можно сделать с вами селфи?

— Я здесь! — завопила Ирина Леонидовна.

— Бежим на помощь! — раздался мужской голос. — А ну разойдитесь. Бабу в купальнике не видели?

— В Москве, в ноябре, на улице? Нет, — заржал кто-то, — ну ваще! Олька! Сфоткай меня так, чтобы эта куча голая тоже в кадр попала.

— Что тут дают?

— По морде тюхи, бабушка, не фиг меня отпихивать.

Послышался шлепок, подросток, который просил запечатлеть себя на фоне «кучи голой», то бишь меня, плюхнулся на тротуар. В поле зрения возник Борис с пледом, затем появилась Рина с тапочками.

Глава 8

— Дадим вам пятьдесят процентов скидки, — заявил Борис, когда мы с Риной вышли из раздевалки.

Я промолчала, а мать Ивана ринулась в бой:

— После такого приключения вы обязаны нас вообще бесплатно принять!

— Спасибо, больше я сюда ни ногой, даже если денег за посещение дадут, — возмущенно воскликнула я.

— Почему Таня оказалась на улице? — догадалась спросить Рина. — Меня же вынесло в бассейн у раздевалки.

Борис прижал руки к груди:

— Честное слово, это не моя вина. Хозяин купил для развлекательного центра здание бывшего аквапарка. Сделал крышу в виде дельфина, ремонт. Но кое-что переоборудовать не успел.

— И какого черта тогда он открыл заведение, не подготовив его? — возмутилась свекровь.

— Не ко мне вопрос, — лепетал Борис, — обращайтесь к боссу. Могли лишь объяснить, что случилось. В аквапарке на улице был небольшой бассейн размером с джакузи.

Я чихнула.

— Оригинальная идея — устроить водоем в толпе.

— Предприятие с горками, фонтанами, каскадами имело огромную территорию. Там, где под открытым небом был бассейн, никто не ходил, только посетители развлекались, — пустился в объяснения дельфин третий, — аквапарк разорился. Новый собственник приобрел только здание. Земля ему не нужна, ее кто-то другой купил, вроде торговый центр возводить будут. В уличный водоем вели две горки. Одну направили в бассейн при раздевалке. Вторую туда же отвели. Строители отрапортовали о полном выполнении задания, но сейчас, благодаря Татьяне, чьей красотой, умом, фигурой, грацией, добротой, милосердием я восхищаюсь, мы увидели, что второй спуск... М-да. С ним косяк вышел, он на улицу, как раньше, ведет. Вы наши первые лучшие посетители. Разрешите от имени руководства преподнести вам наши золотые карты постоянных клиентов. Теперь вы можете с тридцатипроцентной скидкой каждый день отдыхать в лучшем центре Москвы «Дельфино...».

— Кретино, — перебила сладкоголосого менеджера Рина, хватая меня

за руку. — Вообще-то минуту назад вы обещали ополовинить счет. А сейчас всего треть снимаете. Врун. Уходим!

Мы поспешили на парковку, Борис плелся за нами и бубнил:

— Скидка распространяется даже на буфет.

Дойдя до моей машины, менеджер подпрыгнул:

— Где ваши костюмы?

— Вы про юбку, парик и тапки? — спросила я.

— Обувь одноразовая, она спишется. Остальное подлежит сдаче, — заявил Борис, — в случае невозврата налагается штраф в размере двухсот тысяч рублей.

Я нырнула в джип.

— Не хочу в этой жути справлять Ванин юбилей, — сказала Рина, устраиваясь на сиденье.

— Приятно, что наши мнения совпадают, — ответила я.

— Давай никогда никому не расскажем, куда ходили, — попросила свекровь, — гадючье место.

— Отличная идея, — согласилась я.

— Да, да, сегодня мы никуда не ездили, — прощепетала Рина, — я весь день сидела дома. Не переживай. Найдем ресторан. Иван забьется в восторге.

— Может, поискать традиционное заведение? — предложила я. — Без креатива с горками, батутами и прочим? Просто стол с вкусной едой, небольшая культурная программа... ну... фокусник, например... или музыкант... Речи, танцы, подарки...

— Гениальная идея, — восхитилась свекровь, — ты очень умна. Меня почему-то занесло в развлекательный центр. Оно нам надо? Нет! Просто посидим, выпьем, поедим, песни споем... Таняша, я тебя обожаю. Такой формат легко найти. Трактиров сейчас как бешеных белок на болоте.

Я ухмыльнулась. Никогда не видела болота с бешеными белками. Рина — мастер странных выражений. Позавчера она в магазине попросила самый вкусный зефир, «тот, что похож на ванильно-кофейное мыло». И, самое интересное, ей вмиг его притащили.

— Оливье, холодец, пожарские котлеты, — радовалась свекровь, — ну ее, итальянскую кухню. Надоела горькая руколла с помидорами. Селедочки с лучком хочется, да с вонючим растительным маслом. Пельмешек! Возвращайся в офис, небось тебя там обыскались.

Я посмотрела на телефон.

— Пока никто не звонил. Что у меня на голове после купания в бассейне?

Рина махнула рукой:

— Как обычно! Волосы дыбом.

— Я всегда укладываю их феном, — вздохнула я.

— А они опять дыбом встают, — не сдалась свекровь. — Не переживай, главное не то, что на голове, а ее содержимое, ум! Вот прямо сейчас начну нормальный трактир искать. Довези меня до машины, я бросила ее в начале парковки.

Я нажала на педаль газа, проехала метров двадцать...

— Стоп, — скомандовала свекровь, выскочила из джипа и скачками понеслась к своей голубой малолитражке, на дверцах которой красовались портреты наших французских бульдогов Мози, Роки и кота британской породы по имени Альберт Кузьмич.

Я вмиг добралась до офиса, поднялась в свой кабинет и спросила у Димона:

— Что-нибудь узнал о сладкой парочке, Анне и Константине?

— Я нарыл разное, — ответил Коробков. — Куда ты подевалась? Только не ври про обед.

— И не собиралась сказки сочинять, — улыбнулась я. — Никак ресторан для юбилея Ивана не найдем, ты же помнишь, что праздник — секрет для него.

— Трактиров в Москве сотни, — удивился Димон, — проще задачи нет.

— Я так же думала, — пригорюнилась я, — но времени совсем нет, а воз и ныне там. Так что у нас с Лавровой?

Коробков открыл свой ноутбук.

— Ну для начала ей намного больше лет, чем она сказала.

— В прессе сообщили, что певице двадцать с небольшим, — напомнила я.

— Врушка она, — усмехнулся Димон, — но фантазии о возрасте меня не удивляют. Многие розовые бутончики при детальном изучении оказываются пожухшими кактусами. Ложь о возрасте невинна и объяснима. А вот сказки о родителях-гадах настораживают.

— Так, — протянула я, — продолжай.

Димон начал доклад:

— Помнишь, Игров заявил, что никакой информации о биографии Анны у него нет? Она ничего о себе не сообщила, пригрозила уйти, если продюсер будет требовать сведения о личной жизни. Но на сайте звезды выложен рассказ об ее детстве. Слезы текут по щекам, когда его читаешь. Новорожденную девочку, завернутую в рваную тряпку, нашли на

ступеньках приюта. Кто произвел ее на свет, неизвестно. С ранних лет малышка проявляла интерес к пению и игре на музыкальных инструментах. В год она играла на детском ксилофоне, потом потянулась к роялю. Директор интерната, злой человек, запрещал воспитаннице трогать музыкальные инструменты.

— Почему? — удивилась я.

— Боялся, что она их сломает, — ухмыльнулся Димон, — поэтому Аня ночью шла в кладовку и там играла. В три года она сочинила первую песню в стиле кантри.

Я рассмеялась.

— И что? Кто-то верит в этот бред?

— Некоторые люди считают, что один певец родился с жабрами и с помощью них оглушительно орет, — развеселился Димон.

— Игров придумал легенду про композиторские способности малышки, — усмехнулась я, — решил убедить публику, что его подопечная, как Моцарт, с горшка на табурет к пианино пересела. Ну и вызвал жалость враньем про приют. Или она на самом деле подкидыш?

— Вольфганг Амадей играл на клавесине, — уточнил Коробков, — в случае с Анной ложь все, а не только музыкальная часть. Анна Лаврова не была сиротой. Ее настоящая фамилия Ливрова. Родители не подбрасывали ее младенцем на порог дома малютки. Регина Львовна и Григорий Петрович педагоги, они преподавали в одной из школ Московской области. Отец давно скончался от инфаркта, мать до сих пор в добром здравии. Детство Ани прошло в небольшом городке Васюкино, она ходила в гимназию, где работали родители. Получив аттестат, Анечка подалась в Москву, и длительное время о ней не было ничего известно. Ливрова не устраивалась официально на работу, нигде не училась, не регистрировалась. Похоже, Анна снимала квартиру и служила за «конвертик». Потом вдруг имя красавицы всплывает в полицейской сводке. Аня была задержана во время облавы в нелегальном ночном клубе, на самом деле банальном публичном доме. Ливрову доставляют в отделение, оформляют привод, но потом ее отпускают. Девушка снова погружается во мрак. Фамилия Ливрова более нигде не появляется. Зато через некоторое время откуда ни возьмись выныривает госпожа Лаврова, певица, которая исполняет под гитару песни собственного сочинения. Но ей меньше лет, чем Ливровой.

— Превратить «и» в «а» очень просто, — пробормотала я.

— Она не стала портить паспорт, купила фальшивый, — уточнил Димон, — его легко приобрести. Серьезной проверки он не выдержит, на

работу в ФСБ с ним не возьмут, а для предъявления хозяину трактира, в котором петь хочешь, в самый раз. Знаешь, где я нашел Анну? Есть портал, где толкнутся исполнители пятой руки. На телик таких не зовут, на радио не приглашают, сольных концертов в Москве они не дают, пресса о них не пишет. Это черные рабы шоу-бизнеса. Выступления подобных «звезд» стоят недорого, райдера у них, как правило, нет. В силу скромного гонорара этот контингент востребован на непафосных свадьбах, днях рождения, корпоративах. Вот там, среди прочих, до сих пор числится Анна Лаврова, ей двадцать лет, она готова петь за небольшие деньги два часа, если заплатят, еще будет пахать сколько потребуется, исполнит любые песни по вашему заказу. Фото с присутствующими, автографы — даром. Интересная деталь. Думаю, нынешняя звезда не сказала Игрову про то, как раньше искала работу, или забыла про объявление. Поэтому оно и висит. Телефон там дан давно неработающий. У Анны есть загранпаспорт, вот он оформлен на фамилию «Ливрова», и дата рождения в нем правильная. Аня с ним летала отдыхать туда, где не нужна виза.

— А Никите на кастинге предъявила фейковое удостоверение, — отметила я.

— Конечно, она же не попала бы на конкурс по возрасту, — объяснил Димон. — Игров четко указал: прослушивает лишь тех, кому не исполнилось двадцати пяти. Аня выглядит намного моложе своих лет, она талантлива, понравилась Никите Сергеевичу, тот начал раскрутку новой протее. С момента попадания Анны в продюсерский центр ее жизнь дивно изменилась. На голову красавицы рухнула слава, полились деньги.

Димона прервал звонок моего мобильного, из трубки зазвучал хриплый женский голос:

— Вас беспокоит Ната, помощница Игрова. Никита Сергеевич велел находиться на связи, оказывать вам полное содействие. Предоставлять любую информацию. Босс уехал в Питер, вернется через три дня. Потом отправится в Минск.

— Перелетная птица, — пошутила я.

— Скорее уж передвижная, шеф на поезде любит ездить, — вздохнула Ната, — у Никиты Сергеевича масштабные планы — создание в России, а в дальнейшем и за рубежом, культурно-развлекательных центров новой формации.

Меня передернуло. Интересно, как долго я буду ежиться, услышав слова «культурно-развлекательный центр»?

— Для вас я всегда доступна, — продолжала Ната, — в любое время дня и ночи можете меня дернуть. Запишите номер, он не определяется.

Звоню не со служебного сотового, а с личного.

— Вы хорошо знали Аню? — поинтересовалась я.

Ната издала смешок.

— Хорошо ее никто в центре не знал. Впрочем, могу кое-что рассказать. Наверное, лучше не по телефону.

— Можем встретиться в городе, — предложила я, — или в нашем офисе. Выбирайте.

— Второе предпочтительнее, — определилась собеседница, — вся Москва меня знает. Только сядем за столик, народ потянется. Не подумайте, что я популярная медийная личность. Нет, просто я цепная собака Игрова, а вот он разным людям постоянно нужен. А как поступает проситель с шавкой хозяина? Он ее гладит и угощает шампанским. Хорошо, что я не пью совсем, иначе бы алкоголичкой стала. Если я сейчас прикачу? Как?

— Если для вас это не поздно, то милости прошу, — обрадовалась я.

— Вам самой не надо домой? — осведомилась Ната.

— У нас работа не нормирована, — пояснила я.

— Аналогично, — ответила Ната и отсоединилась.

Глава 9

— Теперь о Константине Гумбанове. Он тоже врун, — сказал Димон.

— Только не говори, что ему семьдесят лет, — засмеялась я, — и он сделал сто подтяжек.

— Нет. Ему тридцати не исполнилось, — ответил Димон. — Зато в остальном! Тушите свечи. В многочисленных интервью Крис говорил журналистам, что он из Екатеринбурга. Город этот уникален. В разное время оттуда покорять Москву явились легенды: три Владимира — Пресняков-старший, Шахрин и Бегунов, последние двое стали группой «Чайф». Вячеслав Бутусов. Александр Малинин. Глеб Самойлов — основатель «Агаты Кристи». Лидер «Смысловых галлюцинаций» Сергей Бобунец. Юлия Чичерина. На редкость талантливые люди, не все рокеры, но все звезды. Это я назвал тех, кто на ум пришел. Екатеринбург — удивительное место, грядка, где растут талантливые люди. Поэтому то, что оттуда родом еще и Крис, никого не удивило. Официальная биография Константина Гумбанова такова: родители — доктора наук, преподают в вузах. Сын учился на отлично, примерный парень. После выпускных экзаменов гордость мамы и папы взбунтовалась, отказалась поступать в институт, куда велел подавать документы отец, рванул в Москву, начал петь по кабакам и живо обрел популярность. Народ стал ходить в рестораны не пожарить, а на Костю посмотреть. Вскоре его взял под свою опеку Никита Сергеевич, и понеслось!

— Где ложь? — удивилась я.

— А везде, — задорно сказал Димон. — На самом деле Константин Гумбанов родом из Тверской области. Родители его скончались от чрезмерного увлечения алкоголем, когда мальчик лежал в пеленках. Воспитывался он в приюте. Окончил девять классов. Учился на одни тройки. После того как он покинул интернат, исчез. Где жил, чем занимался, неизвестно. Спустя пару лет начал петь в ресторанах, далее полное совпадение с официальной биографией. И! Вот вишенка на торт! Он женат.

— Да ну? — удивилась я.

— До того как на Гумбанова обратил внимания Игров, Костя сбегал в загс с Фаиной Пшенкиной. Она намного старше мужа, но разница в возрасте им не помешала тайно расписаться, — продолжал Димон. — Став звездой, Крис купил дом в Подмосковье, квартиру в центре столицы, жена

его официально прописана в Глазовском переулке на Старом Арбате. Так явствует из документов. Но они могут жить вместе за городом или в его хоромах. Реальное местожительство по бумагам не вычислишь.

— Рокер купил супруге жилье в престижном месте, — заметила я.

— Кто сказал, что Константин потратился на ее хоромы? — удивился Димон.

Я встала и направилась к шкафу с провиантом.

— Ты.

— Ничего подобного, — возразил Коробков, — я сказал: «Жена его официально прописана в Глазовском переулке».

Я открыла пакет с чаем.

— Ежу понятно, кто заплатил за апартаменты.

Димон потянулся за пустой чашкой, которая стояла на подоконнике.

— Понятливый еж еще должен обладать информацией в полном объеме. Госпожа Пшенкина в элитном доме живет с младенчества. Квартира ей от родимого отца досталась. Он давно вдовец, один дочь воспитывал, умер незадолго до свадьбы Фаины и Константина. Вскоре после бракосочетания о Гумбанове, тогда никому не известном дешевом лабухе из третьесортного кабака, написал журнал «Развлекуха». Расхвалил парня, назвал гением. Думаю, жена решила раскрутить Костю, у нее, похоже, водились денежки. Ну и распиарила его на свою голову. Вскоре после выхода статьи в трактир, где Константин тогда выступал, явился Никита, и с его легкой руки на свет «родился» Крис, на которого вмиг стали девушки вешаться. Сомневаюсь, что Фаина такого результата добивалась.

На столе запищал телефон, на сей раз местный.

— Татьяна, к вам посетительница, — сообщила сотрудница ресепшен, — Наталья, помощница Никиты Игрова.

— Проводите ее в кабинет, — велела я.

Димон закрыл ноутбук.

— Спорю, на ней будет черный кожаный комбинезон с открытой грудью, ботфорты на головокружительной шпильке плюс макияж в стиле «женщина вамп — жена вампира».

В дверь осторожно постучали.

— Входите! — крикнула я.

Показался наш секретарь.

— Татьяна, к вам...

— Отлично, пусть входит, — перебила я парня.

Коробков с плохо скрываемым любопытством уставился на дверь.

Через секунду перед нами предстала стройная высокая блондинка в традиционном наряде для офиса: темная однотонная юбка-карандаш длиной за колено, бежевая блузка, пиджак. Волосы у Наташи оказались длинные, кудрявые, она была в очках, макияж выглядел естественным, и духами от нее не пахло.

— Добрый вечер, — с разочарованием произнес Димон.

— Рады вас видеть, — сказала я.

— Взаимно, — улыбнулась Ната, — кофе сегодня пила многократно, чай терпеть не могу, конфетами-печеньем не лакомлюсь. Времени у меня в обрез. Нежелательно тратить его на пустое бла-бла. Спрашивайте, что хотели. Потом я интересоваться буду.

— Понимаю, по какой причине Гумбанов прятал от публики жену, — начала я, — она намного его старше...

— Крис холост, — перебила меня Наташа.

— Внимание на экран, — велел Коробков.

Посетительница повернула голову и прищурилась.

— Свидетельство о браке? Чье?

— Вашего рок-певца, — уточнила я.

— Офигеть, — протянула Наташа, — у него в паспорте нет штампа. И в анкете он супругу не указал.

— Вы не проверяли певца тщательно со всех сторон? — удивилась я.

Наташа вытащила из сумки баллончик и прыснула себе в рот.

— Не волнуйтесь. Это не астма. И не зараза какая. Гомеопатия от нервов. Рекомендую. Спать не тянет, и на все наплевать. Знаю только про его настоящих родителей, они алкоголики, опустившиеся люди. Такие звезде не в кассу. Даже рокеру. А журналисты любопытны, бесцеремонны. Когда Гумбанов стал певцом года по версии ну очень известной радиостанции, за Крисом открыли охоту репортеры, СМИ стали его донимать. Поэтому мы приняли решение подправить его биографию. Не бахвалясь, замечу, что Никита Сергеевич — гений пиара. Один весь отдел заменит. Профессионалы такую идею выдвинули: нанять в агентстве эрзац-предков, привести их на телеэфир. Никита сразу встал на дыбы: «Нам не нужны родственники на один раз. И стремно это. Кто-нибудь из сотрудников телевидения рот откроет, получим массу неприятностей. Ищите по стране Гумбановых. Фамилия редкая, но вдруг такие есть?» В ответ все загальдели: «Точно никого нет, зря время потеряем».

Ната улыбнулась.

— Игров тогда весь пиар-отдел уволил, сам за комп сел. Не поверите. Он обнаружил где-то на Урале село Гумбановка, и в ней жителей, сплошь

Гумбановых. Никита из них выбрал одну семью, которая давно перебралась из деревни в город. Муж, жена, без детей. Оба ученые, доктора наук, занимаются изучением то ли кузнечиков, то ли божьих коровок, точно не помню, весьма необходимая в наше время работа. Пишут статьи в научные журналы. Скромные, интеллигентные, бедные. Живут на пенсию и на доход от сдачи своей двушки. Летом-осенью-весной, пока погода позволяет, они обитают на даче, зимой в Екатеринбург возвращаются. Сами в одной комнате ютятся, во вторую жильцов пускают. Мы с ними быстро договорились. Божьи одуваны оказались скромными, цену большую не заломили, попросили сделать ремонт в городском жилье, купить мебель новую, утеплить дачу, чтобы на ней можно было зимой оставаться. И денег каждый месяц немного. Совсем не наглые, не жадные, не рвачи. За скромную сумму дали согласие Костю сыном называть. Очень хорошо у них получалось роль его родителей исполнять, они молодцы. С актерскими задатками. Один раз какой-то местный их канал затеял шоу о звездах, которые о родителях забыли, и наших кузнечковедов в эфир позвали. Они пришли и как дали жару! Громко заявили: «Не смей Костю марать! Он лучший сын на свете. Мы принесли квитанции ежемесячных переводов из Москвы. Счета за ремонт квартиры, дачи. Кто отправитель, а? Сыночек любимый. Летом он нас решил отправить в Карловы Вары. И машину купить собирается. Иномарку. Мы его отговариваем от трат, но он нас не слушает. Дай бог каждому такого ребенка. А то, что не приезжает... Что ему здесь делать? Костенька давно вышел на международный уровень! Гастроли по многим странам у него. Наш мальчик — звезда, он давно свой родной город перерос».

Глава 10

Ната рассмеялась.

— Ведущий отца заткнуть пытался, да не вышло! Тот только громче и увереннее говорил. Костя узнал, как «родители» себя проявили, приобрел им автомобиль и путевку в Карловы Вары. За свой счет. Он с «родителями» дружить стал, звонил им, посылки из Москвы отправлял. Пресса так и не узнала, что Гумбанов из неблагополучной семьи, в приюте рос. Но про жену я никогда не слышала! Признаюсь, поражена. Бабы вокруг него вертятся व्यюном. Не один раз беременные приходили, утверждали, что Гумби — отец ребенка. На гастролях Крис отрывается по полной, девки хороводом через его постель пляшут. Мне и в голову не приходило, что он семейный человек. Вы уверены в этом?

— На все сто, — ответил Димон, — дайте нам телефон кузнечиковедов, вдруг «сынишка» у них спрятался.

— Как только Никита Сергеевич выяснил, что Крис сбежал из платной клиники, где у него полис, я сразу отправила к его старикам нашего человека, — объяснила Ната, — рокера у них нет. «Кузнечики» здорово нервничали, они не из-за денег, которых лишиться могут, переживают, за «сына» беспокоятся.

— Друзей парня опросили? — продолжала я.

Последовал ответ:

— У него их нет. Характер дурной. Истеричный. Все, кто с ним близко общается, в одной сцепке работает, рассказывают: утром он тебя любит, днем ненавидит, вечером убить хочет, ночью звонит и плачет: «Прости за все, ты лучшая». Тесно дружить с Крисом — это как на бомбе с дерьмом сидеть. Не знаешь, когда рванет и всех уделает. Лично я поддерживаю с ним исключительно рабочие отношения.

— Музыканты, костюмеры, гримеры, балет, — стал загибать пальцы Димон. — С ними как? Был кто-нибудь здорово сердит на Гумбанова?

— Нет, — не сразу ответила Ната, — в работе он молодец. Может, конечно, сорваться, заорать. Но на это внимания люди не обращают, ясно же, фронтмен вопит от усталости, перенапряга. Крис во время концертов всегда своих в глазах зрителей поднимает. Закончит песню и кричит: «Ура нашему басу! Его гитара супер». Вызывает гримера: «Верка, брось кисти! Шкандыбай сюда. Вот она, та, что из кошки драной принцессу сделает. Гений макияжа! Ура Верке!» Никого не забывал, каждый, даже Толя,

который грузчиками рулит, своим куском славы наслаждался. Так себя никто не ведет. Остальные знаменитости лабухов не назовут, не то что костюмера. Крис в этом плане умница. Поэтому ему припадки злобы прощают. Меня Гумбанов несколько раз по разным адресам посылал. Но признаюсь, Крис мне нравится больше всегда вежливой, улыбчивой Лавровой.

— Почему? — спросил Димон.

Ната взяла из рук Коробкова чашку с кофе.

— У одного моего знакомого живет питбуль Гаврик. Воспитанный пес. Дома не гадит, со стола не ворует. К людям толерантен. Но кое-кто из гостей ему сразу по его собачьей душе не приходится. Гаврик усаживается около этого человека, смотрит ему в лицо, виляет хвостом, типа он в восторге от гостя. А когда последний, решив, что собака его полюбила, протягивает руку, чтобы погладить «чудесного песика», тот молча, с улыбочкой, кусает его пальцы. Анна себя так же вела. В лицо скажет массу комплиментов, потом зарулит к Никите и потребует: «Немедленно уволь крысу». И летит человек фанерой над Москвой. На мой взгляд, лучше честная истерика, вопли, драка, как у Криса, чем вежливость Ани. От Гумбанова знаешь чего ждать, а с Лавровой непонятно.

— Я слышала другое, — возразила я. — Лаврова прямо в глаза заявляла сотруднику о его косяках. Интриг не затевала. С фанатами была мать родная.

Ната положила в кофе сахар.

— Насчет последнего не спорю, со зрителями она была персиком в сахарной глазури, обсыпанным шоколадной стружкой. Все для них. Музыкантов она на раз-два выгоняла, как, впрочем, гримера и другую службу. Я о личных отношениях. Аня выбирала из коллектива конфиденнта, заводила с ним дружбу, обожала. Потом раз, и этого человека выставляли на улицу.

— Кто, на ваш взгляд, особенно не любит Анну? — спросила я. — Может, с ней какие-то скандалы связаны, о которых широкие массы не слышали?

— Да ее все члены коллектива тихо ненавидят, — поморщилась Ната, — но боятся что-то дурное ей сделать. Никита узнает, и мало никому не покажется. Игров человека может в грязь втоптать. В скандалах Анна не замечена. А с Крисом вечная беда. Вот для примера одна история. Нанялась уборщицей в офис Карелия Година. Лет ей где-то сорок, себе на уме тетка со сладкой улыбочкой, согласилась работать по нашему графику за мизерную плату. Техничку найти труднее, чем музыканта. Лабухов полно. А вот москвичек, готовых полы мыть за фиксированный оклад, почти нет.

У Никиты же принцип: никаких гастарбайтеров с тряпками, кистями для макияжа, утюгами. Талантливого гитариста из любого зарубежья Игров легко возьмет. А обслугу ему столичную подавай, с московской пропиской.

Ната усмехнулась.

— Сам Розу придумал, и сам ей поверил. Анекдот.

Димон вернулся за стол.

— Кто у нас Роза?

— Розалия Берг, — уточнила Ната, — очень красивая девица. Волос кудрявых на пять собак хватит, глаза огромные, черные, рот — лук Амура. С фигурой похуже, ноги короткие, попа низкая. Но, когда сидит, взгляда от нее не оторвать. Она исполнитель авторской песни, играла на фоно и пела. Вот не хотела я кофе, а весь вылакала.

Я забрала у нее пустую чашку.

— Мода на таких певиц миновала. Пик популярности пришелся на третью четверть двадцатого века. Или я ошибаюсь?

— Совершенно правы, — кивнула помощница Никиты, — хотя и у таких аудитория есть. Берг в свое время победила в телеконкурсе «Поем вместе». Розалия спала с главным продюсером канала, на котором передача шла. Я не сплетничаю, объясняю обстановку. Любовник ей первое место обеспечил и Никиту попросил: «Возьми девочку к себе. У нас с ней конец истории. Розка хорошая, это я чудак. Заключи контракт на год. Она после шоу некоторое время востребована будет».

Ната повернулась к Димону:

— Не хочу никого обидеть, но включение у мужика нижнего этажа мозг парализует. Розка шефу понравилась. Что у них было, понятия не имею. Но одно время Игров Берг на всех площадках использовал, пиарил как мог. Не вышло. Народ не хотел вирши под музыку слушать. Скучно. И что Никита придумал? Убрал нудятину на пару месяцев отовсюду. Потом вновь ее выпустил под именем «Оракул Роза». В прессе материалы пошли: Роза предсказывает будущее на концертах. На сцену ставили прозрачный ящик. Зрители туда бросали записки с вопросами. Розка садилась к фортепьяно, ей подавали коробку, она вытаскивала писульку и читала: «Родится ли у меня ребенок?»

Ната рассмеялась.

— Она вообще-то талантливая. Кладла бумажонку на пюпитр, глаза закрывала, начинала играть и пела: «Родится ли ребенок? На то ответ у Бога есть. Скажи, Господь, нам правду? Придет ли ангел в дом?» На ходу зонг сочиняла. Не всегда складно-ладно получалось, но публика балдела. Большие залы она не собирала, зато прекрасно шла на корпоративах, днях

рождения. Года полтора провидицей работала, потом стала гадать на картах, открыла свой салон. С Никитой она не ссорилась, расстались мирно. Так вот, один раз она ему позвонила и предупредила: «Игров, я увидела в хрустальном шаре беду. Тебя убивает уборщица-гастарбайтерша. Держись от них подальше». Ну прямо слов нет. Совсем заигралась. Но еще забавнее, что Никита ей поверил и всех немосквичей разом выставил вон. А я теперь мучайся, ищи веник с пропиской на Тверской. В мои обязанности входит обслугу нанимать. По объявлениям кто приходит? Ближнее зарубежье. Когда Карелия Година со столичным адресом появилась, я ее как мать родную встретила. А она! Проработала у нас месяц и уволилась. Уж как я ее умоляла остаться, зарплату набавляла. Нет! Через пару дней звонит мне Никита в бешенстве. На часах полночь, босс вопит: «Включи телик! Канал «Желтуха». Я к зомбоящику. А там! Карелия в эфире. И не Карелия она вовсе! Катарин Правдивая. И не поломойка! Журналистка! Ведет программу «Чужой секрет». Гади́на устраивается к звезде на работу, разнюхивает ее тайны и выкладывает их зрителям.

Димон открыл ноутбук.

— Странно, что вы о ней не знали. Наверное, дама многих представителей шоу-биза пинала.

— Нет, — сердито ответила Ната, — мерзкая программа только стартовала. Первый выпуск она про Криса сварганила. А со вторым круто просчиталась. Выбрала героиней певицу Настю Моторову. А та живет с...

Помощница показала пальцем на потолок.

— Не хочу фамилию вслух называть. С большим политиком. Очень влиятельным. Настька про него никому ничего не говорила. Я чуть со стула не упала, когда Катарин Правдивая фото метрики сына Моторовой показала. Никто не знал, что у Насти ребенок есть. Анастасии двадцать лет. Мальчику шесть. Он сын того богатого чиновника. Посчитайте, сколько лет мамаше стукнуло, когда она родила? В семнадцать Настя на телеконкурс песни попала, победила... Карьера у нее началась. Про мальчишку певица ни гугу, про любовника, естественно, тоже молчок.

Ната скрестила руки на груди.

— И прихлопнули шоу Катарин Правдивой. Так ей и надо, жабе. Недолго на экране тусила. Вот о чем человек думает, когда на такой проект соглашается? Неужели не понятно, что долго дерьмо в сетке не продержится? Найдется обиженный со связями, канал закроет шоу, ведущую турнут, больше ее никуда не возьмут.

— Что Катарин сообщила о Крисе? — остановила я Нату.

А у той зазвонил телефон, она вытащила трубку.

— Кто? Что? Где? Совсем в ауте? Нажрался? Похмельщика вызывали? Чтоб его! Сейчас приеду. Возьми немного соли, перца, смешай, насыпь на ладони и уши парню натри. Не спорь. Испытано это. Значит, врач плохой, зови другого.

Ната бросила сотовый в сумку.

— Извините. Форс-мажор. Бежать надо. Шоу Правдивой про Криса в интернете плавает. Мы постарались его убрать, но все углы не зачистишь.

— Найдем, — пообещал Димон.

Наташа взглянула на меня:

— Можно воспользоваться вашим сортиром. Мне по городу долго кататься, а найти в Москве туалет, куда без зажатого носа войти можно, не так уж просто.

— Конечно, — кивнула я, — пойдете.

Мы с помощницей Игрова двинулись по коридору. Я открыла дверь туалета, Ната вошла туда первой и вдруг начала падать. Я успела подхватить гостью. Ее длинные завитые штопором волосы свалились вперед, открылась верхняя часть шеи. Прямо у линии роста волос я увидела красивую татуировку: гирлянду из полевых цветов, ромашек и незабудок. Я никогда не видела подобной картинке, да еще на таком месте. Оригинальная татушка прикрыта локонами, обнажается она, когда девушка делает высокую прическу, «хвост» или, как сейчас, низко наклоняется.

Наташа выпрямилась, вернула сумочку на место, произнесла со вздохом:

— Вечно со мной фигня случается. Спасибо, что поддержали.

— Уборщица пол только что помыла, а табличку с предупреждением о мокрой плитке не повесила, — возмутилась я, — скользко очень.

Глава 11

— Я откопала чудесный ресторанчик, — зашептала Рина, когда Иван, закончив ужинать, вышел из столовой, — в трех шагах от дома. Русская и европейская кухня. VIP-обслуживание. Меню обширное. Есть развлекательная программа. Давай завтра туда заглянем? Я договорилась на десять. Управляющий просил пораньше. У них до одиннадцати завтрак подают. Потом перерыв до полудня и ланч. Он сказал: «В десять самое удобное время. Посетителей почти нет. Публика до девяти сорока пяти фрюштукает. До одиннадцати единицы остаются».

— Фрюштукает, — повторила я, — если соскрести из чуланов памяти хилые знания по немецкому языку, которые я получила в школе, фрюшток в переводе на русский — завтрак.

— Ага, — согласилась Рина, — вроде так, я тоже немеш учила.

— Завтра у меня много дел, — расстроилась я, — сходи одна.

— Нет, нет, нет, — возразила свекровь. — Вдруг я устрою юбилей, а Ване не понравится? Кто тогда себя винить будет? Я! Чтобы меньше переживать, хочу с тобой ответственность разделить. Мы быстренько. Успеешь по делам. Сколько у вас дел в год?

— Не считала, — вздохнула я, — много.

— А день рождения супруга как часто в год случается? — шептала Рина. — Молчишь? Юбилей вообще не повторится. Один раз в жизни он!

— Убедила, — сдалась я, — завтра выходим без пяти десять.

— Если Ваня задержится в квартире, двигаемся порознь, — спланировала операцию Рина.

— О чем шепчетесь? — спросил Иван, входя в столовую.

— Обсуждаем, что завтра на ужин приготовить, — без зазрения совести соврала его мать. — Ты чего хочешь?

— Что дадут, то и съем, — ответил Ваня, взял бутылку минералки и ушел.

— Почему он так не любит дни рождения? — удивилась я. — Гости, которые водят в твоей квартире хоровод каждый день, действительно напрягают. Но раз в году вкусно поесть, выпить хорошего вина, повеселиться, получить подарки... По-моему, это здорово.

Свекровь оглянулась, убедилась, что сына в обозримом пространстве нет, и зашептала:

— На Ванино семилетие я заказала торт с хлопушкой. Сейчас это не

редкость, а в советские времена было чудо невозможное. Мы тогда в другой квартире жили. Гости сидели за столом, я на кухне стала фейерверк зажигать. А он не работает. Вот уж я разозлилась! Торт заказывала за большие деньги, кондитер на дому его пек, обещал, что получится и вкусно, и красиво невероятно, и фонтан искр. Хорошо, что в запасе были свечи. Воткнула я их живенько в бисквит, вынесла его, на стол водрузила. «Ваняша, туши». Мальчик наклонился и спрашивает: «Мам, а что из середины торчит вроде ракеты?»

Рина хихикнула.

— Мне не удалось бракованный фейерверк вытащить. Еще на кухне я потянула его, а тортик разваливаться начал. Вот и оставила как есть. Ну не рассказывать же ребенку, что сюрприз, который я задумала, не удался? Ответила ему: «Торт большой, поэтому у него в центре крепление, чтобы не рухнул». И тут одна горящая свеча накренилась, ее фитиль коснулся верхушки того, что я за крепление выдала. В разные стороны искры полетели... Ваня отпрянул, хорошо, вовремя успел. Из горы крема столб огня взметнулся и петарда к потолку стартовала. Дети завизжали, под стол бросились, взрослые кто куда разбежались. Я на пол села, гляжу... Ой, мамочка! По гостиной ракета мечется, пламя хвостом, дым клубами! Сколько времени это длилось, не скажу, мне показалось, что вечность. Наконец бедлам прекратился. Все из укрытий выбрались, стали осматриваться. Скатерть в дырках, еда в пепле, на люстре половина плафонов разбита, гости в саже, на полу подозрительная лужа, вроде кто-то из мелких описался, торт в ошметки разлетелся... Ваня меня спросил: «Мамочка, что это было?» Я настолько растерялась, что сдуру ляпнула: «Сюрприз тебе в подарок от меня». Нет бы соврать: «Торт бракованный, почему он взорвался, понятия не имею». Мальчик сурово сказал: «Мама! Никогда больше не готовь мне никаких сюрпризов, хочу заранее знать, что еда к потолку прилипнет». И все. Больше он дни рождения не справлял. Много лет гостей не созывал. Как отрезало.

Я постаралась не расхохотаться.

— Да уж, повеселились вы тогда на славу. Вот почему мне не удалось мужа упросить юбилей отметить. Значит, торт с петардой не заказываем в ресторане. Что ты ему в подарок купила?

— Ручку, очень красивую, — похвасталась свекровь, — Ваня любит чернилами писать.

— Я тоже хотела перьевую преподнести, — приуныла я, — но два одинаковых презента — это глупо.

— Отличный подарок — рубашка, — посоветовала Рина.

— Ему сорочки в гардеробной уже некуда вешать, — сказала я.

— Трансформерной у него точно нет, — затараторила свекровь, — я о них пару дней назад впервые узнала. Берешь, например, голубую, самую обычную. Просишь надеть. Под влиянием температуры тела ткань меняет цвет, ну, например... на зеленый. Или красный. Новинка осени.

— Забавно, — согласилась я.

— Сама ему хотела такую подарить, — призналась Рина, — но не оказалось нужного размера. Сегодня из магазина позвонили, им привезли новую партию, все размеры в наличии. А мне уже не надо.

— Дай мне контакт, — обрадовалась я.

— Танюша! — крикнул муж. — Зайди в кабинет.

Я поспешила на зов и увидела Ивана у компьютера.

— Нашел программу про Криса, — сказал он, — ту самую, о которой тебе Наталья, помощница продюсера, говорила, с ведущей Катарин Правдивой.

— Включи, пожалуйста, — попросила я, усаживаясь в кресло.

Через пять минут после начала просмотра к горлу подступила тошнота. Большинство сотрудников и посетителей офисов не обращает внимания на уборщиц. Мало кого волнует женщина, которая сосредоточенно моет коридоры-туалеты-лестницу. Когда пара менеджеров ведет не предназначенную для посторонних ушей беседу, она мигом прекратится, если в помещение войдет кто-нибудь из коллег или клиентов. Но много ли людей перестанут секретничать при появлении в кабинете тетки со шваброй? Она вроде и не человек вовсе. Катарин Правдивой удалось собрать в продюсерском центре три мешка грязи про Криса. Рокер постоянно пил, матерился, ругался со всеми, кто попадался ему на глаза, щипал девушек за разные части тела, требовал от Никиты денег, блевал на пол. А еще он явно страдал булимией, потому что, словав одну-две огромные пиццы, рокер сразу несся в туалет, а выйдя из него, опять заказывал лепешку с сыром. И за руль своей дорогущей иномарки он садился, постоянно отхлебывая виски прямо из горлышка бутылки.

— Жуть, — пробормотала я, — если вся программа такая, то лучше выключи.

— Внимательно изучив «кино», я потом поговорил по телефону с Катарин Правдивой и режиссером сего действия, — ответил Иван, — и оба клялись мне, что рокер сам пригласил «уборщицу» и договорился о ее временной работе.

— Не верю, — отрезала я, — ни один человек не станет выставять себя на всеобщее обозрение в таком виде.

Иван подвигал мышкой.

— Мне прислали весь отснятый материал, поэтому я видел кадры, которые не вошли в программу. Вот, например, тебе сцена, где Крису плохо в сортире. Это снято так, что прекрасно видно лицо парня. Значит, «оператор» стоит за унитазом, чуть сбоку. Только с этой точки можно такой план снять. Значит, Правдивой нужно было встать так, чтобы оказаться лицом к лицу с Крисом. О каком тайном видео тогда идет речь? Опорожнив желудок, он спокойно ушел. Вопрос: почему он не заметил Правдивую и не выгнал ее? Внимание на этот стоп-кадр. Что делает звезда?

— Стоит, нагнувшись над фарфоровым другом, — поморщилась я, — приподнял и повернул голову, видно его глаза... Ба! Он смотрит прямо в камеру. Почему тогда не схватил Катарин? Не поднял крик?

— Во-во, — кивнул Иван, — этот кадр при монтаже убрали. Но я получил нетронутые материалы, и Николай, режиссер, просил особое внимание обратить на то, что не включено в версию для телепоказа. Теперь сцена, когда Крису стало плохо в кабинете Никиты. Изучи следы на полу.

— Фуу! Спасибо, — передернулась я, — сам любуйся. Я только что поужинала.

— И все же преодолей брезгливость, — попросил муж и увеличил картинку. — Что перед нами?

— Салат, — нехотя ответила я, — помидоры, огурцы, горошек, лук зеленый...

— Тебе когда-нибудь становилось плохо? — поинтересовался Иван.

— Ни разу не напивалась до свинского состояния, — отрезала я.

— Неужели никогда в жизни тебя не тошнило? — удивился Иван.

— Случалось порой, — призналась я, — один раз в кабинете у стоматолога это произошло, реакция на лекарство. В прошлом году я отравилась в гостях шашлыком. А что?

— Ты не раз была в помещении, где людей ранее тошнило, — вздохнул Иван, — тебя саму мучило. Вспомни, как обычно выглядит рвота? И глянь на кадр так, словно снято место преступления.

Я сосредоточилась.

— погоди! Здесь валяются просто порезанные мелкими кубиками овощи, их не жевали. Еда, прошедшая через желудок, выглядит иначе.

— Ага! — обрадовался Иван. — Сообразила наконец. А вот сценка, которая вошла в программу Правдивой. Крис блюет в кабинете Игрова. Никиты нет. Крупный план. Что на ковре?

— Гадость! — поморщилась я.

— Я отправил сию картинку твоему новому эксперту и узнал ее

составляющие: картофель, соленые огурцы, докторская колбаса... короче, остатки «Оливье», которое, судя по виду, слопали примерно за час до того, как они наружу выпали.

Я не поверила своим ушам.

— Телевизионщики нашли где-то эту мерзость и сняли?

— Нет, просто смонтировали кусок из какого-то чужого видео, — пояснил муж.

Я поежилась.

— Гадость! Зачем это делать? И почему, когда рокеру стало плохо в кабинете продюсера, на паласе оказались просто аккуратно порезанные овощи?

— Потому что съемочная группа сначала ступила, — усмехнулся муж, — а затем нашелся человек, который сказал: «Народ! Когда человека вывернуло, на коврике не красота аккуратная лежит». Вот они и исправили косяк.

Новое забавное зрелище, — продолжал Иван, — драка в коридоре. Крис идет, пошатываясь, он явно хорошо выпил. Навстречу ему Ната. Рокер хочет поцеловать секретаршу, та отшатывается. Гумбанов бьет ее по лицу, течет кровь. Похоже, он ей нос сломал. А теперь то же самое в замедленном режиме. Смотри внимательно.

— Не испытываю ни малейшего желания, но повинуюсь, — вздохнула я.

— И что ты видишь?

— Кулак негодяя приближается к лицу секретарши, — покорно начала я комментировать зрелище, — и... ой! Но он ее не стукнул! Рука Криса пролетела в миллиметре от щеки Наташи и ушла вправо. Ната же схватилась за нос, прикрыла его ладонью, по ее пальцам и подбородку потекла кровь.

— Очень старый трюк киношников, — рассмеялся муж. — В эру динозавров, когда еще не придумали компьютеры, им постоянно пользовались. Один участник ссоры имитирует нападение. У второго в кулаке зажат мешочек с краской, кетчупом. Бац! Якобы пощечина. «Пострадавшая» сторона хватается рукой за «больное» место, давит упаковку, струится «кровь». Подставу можно заметить исключительно при замедленном показе.

— Наталья знала о том, что съемки постановочные, — возмутилась я. — Сама в них участие принимала! Надо с ней завтра встретиться! Сидела у нас в офисе, врала с самым честным видом про подлую Правдивую. Ловко она меня вокруг пальца обвела.

Иван выключил компьютер.

— Слишком много лжи вокруг.

— Может, Крис и не пропадал вовсе? — усомнилась я. — Вдруг Игров его где-то спрятал? Но зачем Никите в этом случае нас нанимать?

Иван встал с кресла.

— Создается впечатление, что некоторые люди ради пиара и рекламы способны на что угодно. И они решили втянуть нас в свои игры, использовать втемную. На первый взгляд все выглядит обычно. Продюсер уверен, что Крис Гумби не трогал Анну, поэтому обращается к тем, кто может отмыть честное имя парня и найти мерзавца, отравившего певицу. Но на самом деле у него на уме другое: поднять шум. И все ради возрождения упавшей славы Гумбанова.

— Сказав «честное имя», ты погорячился, — фыркнула я, — вокруг рокера одна фальшь. Родители ненастоящие, драки постановочные. Интересно, он сам пишет стихи-песни или пользуется чьей-то интеллектуальной собственностью? Зачем нас на самом деле впутали в эту историю? Где Крис? Что в действительности случилось с Анной? Ей обманом подсунули большую дозу транквилизатора?

Глаза мужа зажглись нехорошим огнем.

— Вот и поищем ответы на эти вопросы. Никита Сергеевич считает нас дураками. Не стоит его разочаровывать. И беседовать с продюсером — пустая затея. Наталья тоже ничего полезного не сообщит. Если загнать ее в угол, она зарыдает, заявит: «Да! Мне Игров приказал вам про программу Катарин рассказать. Ее придумали для пиара Криса, поэтому я и примчалась к вам в офис. Но больше я ничего не знаю».

— Рокер давно на виду, имидж хама у него стойкий. Зачем продюсерский центр решил задействовать нас в своем спектакле? — недоумевала я.

Муж усмехнулся.

— Репутацию нужно поддерживать, а газетам постоянно требуются новости. Я посмотрел график появления рокера во всяких шоу. До скандала с Катарин Правдивой он на некоторое время пропал с экранов. Последнее действие, в котором он участвовал, — съемки конкурса «Переплюнь звезду».

— Отличное название, — развеселилась я. — И куда плевать нужно? В звездное личико?

— От телевидения можно всего ожидать, — вздохнул Иван, — но плевки оно не использовало. Речь шла о соревновании никому не известных людей с сильными голосами с мэтрами эстрады. Забавное

зрелище. Некоторые самодеятельные исполнители просто убили тех, кто собирает стадионы. Крис сидел в жюри. Вот пример его обычного поведения за судейским столом.

Муж поводил мышкой, на экране замелькали картинки.

— Ничего необычного, — сказала я через короткое время, — господина Гумбанова позвали для скандала, он оправдал свою репутацию: орал, обзывал конкурсантов, его слова постоянно «запикивали». Что ты увидел в этом странного?

— В данном конкретном случае ничего, — согласился Иван, — Гумбанов был в своем репертуаре. Шоу снимают так называемыми пулами, три дня по несколько программ. То, что ты сейчас видела, — рабочий момент в первый день. Бригаде еще предстоит пахать двое суток. Но неожиданно процесс остановили. Возобновляют работу через неделю, Гумбанова среди рефери нет, его место занял композитор Монкин. После показа шоу в эфире фаны засыпали сайт вопросами: «Где Крис?» Им ответили: «В связи с активной концертной деятельностью музыкант вышел из состава жюри». И что происходит дальше? Несколько месяцев о Гумби нет ни слуху ни духу. Раньше он на всех телеканалах скакал, даже на том, что посвящен беременным женщинам, отметился. А тут — тишина. Концерты он тоже не дает. Крис как сквозь землю провалился.

Иван выключил компьютер.

— Я нашел режиссера того шоу, побалакал с ним, задал вопрос: «Какова настоящая причина замены Криса?» Тот ответил откровенно: «Смонтированную программу показали владельцу канала, он сердито сказал: «Гумбанов всегда один и тот же. Ругается одними и теми же словами. Ведет себя более чем предсказуемо. Ничего нового, интересного. Он просто играет роль, которая ему наскучила. Рейтинг шоу не сделает. Меняйте клоуна немедленно».

— Понятно, — кивнула я, — скандалист начал терять популярность. Большинство звезд полагает, что любой пиар хорош, но «черный» лучше. Зрители охотнее смотрят на скандал, чем на тихий семейный вечер селебрити. Но безостановочные вопли и драки тоже утомляют.

— Да, — согласился Иван, — у рокера наступил перерыв в работе. Концерты он не дает, под софитами не буянит, журналистов драками не тешит. Несколько месяцев тишины. Народ успел соскучиться по истерикам парня. И... вот вам! Программка Катарин Правдивой. После нее жизнь Гумби покатила по прежним рельсам и неслась как по маслицу до появления Анны. Лаврова вмиг стала главной звездой продюсерского центра, Гумби съехал на вторую позицию. Крис ненавидит новую протезу

Никиты, постоянно скандалит с Аней, лезет с ней в драки, он не справляется со своей обидой и завистью к стремительно стартовавшей певице. И его слова о том, что он приехал к Ане договориться о совместном проекте, — скорей всего, ложь. Мое мнение об этой истории: Константин Гумбанов — творение рук и ума Никиты Сергеевича, марионетка, которая не могла взбунтоваться против своего создателя, поелику полностью зависит от него морально и материально. Для нас организовали океан вранья. Единственный островок правды: Анна в коме. Вероятно, господин Игров заигрался (извини за невольный каламбур), подготовил новую пиар-акцию, хотел привлечь внимание прессы к своему центру с помощью якобы неудавшегося суицида.

— А он удался, — мрачно перебила я, — случается такое. Помнишь дело Воронкиной? Она хотела припугнуть мужа, договорилась с соседом этажом ниже, тот натянул под своим окном специальную сетку, якобы для ловли сосулек, которые зимой с крыши падают. Вот такой ответственный и чуткий по отношению ко всем прохожим гражданин. Воронкина выждала месяц после прикрепления сетки, потребовала у супруга денег на шубу. Муж в очередной раз ответил отказом, жена кинулась к окну и ухнула вниз. Она надеялась угодить в сетку. Рассчитывала, что жадный супруг испугается и раскошелится. И он действительно выдал из нычки тысячи. На похороны. Сетка оказалась плохо приделана, она под весом любительницы меха оторвалась от стены. Что-то подобное могло произойти и с Анной. Ее самоубийство, вполне вероятно, спектакль. Неудачный. Вопрос: зачем в этой пьесе мы? Какие нам Игров отвел в ней роли?

Глава 12

Утром я сделала вид, что сплю без задних ног.

— Почему ты не встаешь? — спросил Иван, подходя к кровати.

Я простонала:

— Прости, сил нет. Можно я полежу еще?

— Конечно, — ответил муж. — Ты, случайно, не заболела?

Я демонстративно зевнула.

— Нет. Просто глаза слипаются.

Муж наклонился и поцеловал меня.

— Отдыхай. Жду в офисе к обеду.

Не успел Иван покинуть спальню, как в нее в окружении французских бульдогов и кота Альберта Кузьмича влетела Рина.

— Ваня уехал! Помчались в ресторан.

Я вскочила и ринулась в ванную.

— Не задерживайся, — нервничала Рина, — времени мало. Не пей кофе, не принимай душ.

— Сама небось помылась и поела, — возразила я.

— Так я встала час назад, — начала оправдываться свекровь, — не дрыхла.

— Я тоже могла выйти раньше, — отбивалась я, влезая в джинсы, — но Иван никак не уходил.

— Холодные закуски, горячие, основное блюдо, десерт, — сменила тему беседы Рина, — наверное, этого хватит.

— За глаза, — согласилась я.

— Пирожки еще не помешают, — предложила Рина.

— Или блинчики, — облизнулась я, натягивая куртку.

Продолжая беседовать о меню, мы поспешили на улицу, пробежались до перекрестка и остановились у двери с вывеской: «ИНКОГНИТО».

— Близо как, — обрадовалась я, — не надо ехать на машине, всей семьей можем выпить.

Ирина потянула за ручку, послышался звонок, дверь распахнулась. Мы вошли в ярко освещенное помещение.

— Добрый день, дамы, — произнес мужчина лет пятидесяти, одетый в темно-синий костюм, — рад вас приветствовать. Позавтракать хотите?

— Я звонила вчера управляющему, — перебила его Рина, — насчет банкета.

Метрдотель взял со стойки гардероба телефон и нажал на кнопку.

— Пришли по поводу юбилея.

— Я уже тут, — раздалось слева.

Я повернулась. Невысокий широкоплечий темноволосый парень бесшумно спускался по лестнице. Над его верхней губой топорщились пышные усы.

— Разрешите представить вам Альберта Кузьмича, он займется вашей проблемой, — церемонно произнес метрдотель.

Я с огромным трудом удержалась от смеха. Мало того что сотрудника ресторана зовут, как кота, живущего в нашем доме, так он еще и очень похож на него. Усы у парня точь-в-точь как у грозного воспитателя бессовестных безобразников Мози и Роки.

— Наверяд ли вы захотите сидеть в общем зале, — предположил «кот», — у нас для банкетов предусмотрены отдельные помещения. Сколько человек планируется?

— Около шестидесяти, — хором сказали мы.

— Прекрасно, — восхитился Альберт, — как мне...

— Таня и Рина, — представила нас свекровь.

— Восхитительно! Для шести десятков гостей есть два зала. Греческий. Римский. Оба хороши. Прошу сюда.

Мы поднялись по лестнице, сопровождающий толкнул резные двери. Перед глазами раскинулся зал.

— Столы разместим, как вы пожелаете, — окинув зал гордым взглядом, предложил Альберт, — а вот сцена фиксирована, ее нельзя перенести. Мы продаем банкетный пакет: музыкальная программа, еда и развлечение.

— Приятное помещение, — кивнула Рина. — А другой зал каков?

Мы переместились в соседний.

— Они одинаковые, — удивилась я.

— Не совсем, — возразил менеджер. — Вы как человек интеллигентный, образованный, сразу, конечно, поняли: колонны тут не в греческом, а в римском стиле, драпировка на стульях относит нас во времена императора Октавиана Августа. Даты его правления... — «Кот» заулыбался еще слащавее: — Может, сами мне их напомните? Когда Октавиан Август сел на престол?

— Нам больше нравится греческий зал, — быстро нашлась Рина, — хотя здесь симпатичные шторы с картинками.

— О да! — замурлыкал Альберт. — Это авторская работа прекрасного художника по тканям Серафима Кулова. Специально для «ИНКОГНИТО».

Иллюстрации к жизнеописанию Коммода, составленному им самим. Удивительные драпировки. Я тоже восхищен ими. Секунду, хочу вам кое-что показать.

Менеджер пошел к одному из окон.

— Кто такой Комод? — шепнула мне на ухо Рина.

— Мебель с ящиками, — тихо ответила я, — как у тебя в спальне.

— Комод никак не может автобиографию написать, — заспорила свекровь, — парень о каком-то человеке говорит.

— Среди моих знакомых таких нет, — хмыкнула я.

— Я думала, что на гардинах изображены сцены из мультика про Астерикса, — шептала Рина, — а оказалось, это уникальная работа художника.

— Конечно, вы уже вспомнили, что Коммод, фамилия с двумя «м», древнеримский император, представитель династии Антонинов, родился в 161 году, а умер в 192, — сообщил Альберт, возвращаясь. — А сейчас обратите внимание на батареи, я специально раздвинул шторы, обогреватели украшены вензелями из лавровых венков. Я бы вам посоветовал этот зал. Спору нет, греческий очень хорош, но он менее торжественный. И музыкальная программа здесь интереснее, и развлечения оригинальнее.

— Как насчет еды? — спросила я, не успевшая позавтракать.

— Давайте сядем, — предложил Альберт.

Мы устроились за столиком, в руках служащего волшебным образом возникла папка.

— Могу от всего сердца посоветовать для встречи гостей свекольное гаспаччо в гласе с террином из помеламо, сопровождается крутонами айла. На первую закуску: мулинэ с кикотто и фуджикамо. Сет салатов на стол. У нас изумительный вокопако! Лучший в Европе. Маничи для него возим из Испании.

Я ощутила себя блохастой дворняжкой, которая ест исключительно с помойки, и вдруг... собачку позвали в аристократический дом, где подают вокопако. Есть от чего растеряться.

— Обожаю мулинэ, — затараторила Рина, — готова есть его целыми днями. Но хотелось бы попробовать, как здесь готовят это блюдо. Мы у вас впервые.

— Разумное желание, — согласился Альберт, — предлагаю вам отзавтракать у нас. Как вы только что правильно заметили, посещаете «ИНКОГНИТО» впервые, но, зная, что станете постоянными клиентами, я сделаю вам десятипроцентную скидку на чек.

— Отлично, — обрадовалась я, у меня в животе от голода к этому времени началось взятие Бастилии, — несите.

— Что именно? — осведомился Альберт.

Мы с Риной переглянулись.

— Попробуем то, что вы нам для банкета предлагаете, — решила я, — несите вокопако, мулинэ и какой-нибудь салатик. Еще кофе.

— Напиток какой? — спросил «кот». — Капучино, латте, франне имене, колатти, маргорено, гване, по-африкански, индонезийски, мароккански, гречески, турецки. В песке, на камнях, на раскаленном бармисту, на...

— Капучино, — пропищала я.

— Европейский, азиатский, континентальный, деревенский...

— Как в Милане, — выдохнула Рина.

— Прекрасный выбор, — потер ладони Альберт, — признаюсь, сам порой люблю что попроще. Миланский какой? Как в траттории, на бензозаправке, в торговом центре, у бабушки, у мамы, у папы, или...

— Деревенский, — остановила я менеджера.

— Молоко миндальное, соевое, арахисовое, коровье, козье, овечье, из корней одуванчика, фасоловое, имбирное, лягушачье...

— На последнее у меня жуткая аллергия, — быстро сказала я, — его точно не надо.

— Весьма огорчительно, — расстроился Альберт Кузьмич.

— Я тоже на жабий удой почесухой страдаю, — поддакнула Рина, — надеюсь, он не входит в состав других блюд? Например, в этот... э... ну... в закуску?

— Вокопако? — удивился менеджер. — Она же готовится исключительно из печени тибетского кактуса.

— Когда у тебя может возникнуть отек Квинке, начинаешь с подозрением относиться даже к растениям, — пришла я на помощь Рине.

Альберт опешил.

— Но тибетский кактус — разновидность дикого зайца, который живет на острове Тако!

— Вдруг он питался лягушачьим молоком? — нашла подходящий аргумент Рина. — Нужно быть бдительными.

Глава 13

В зал впорхнул официант с подносом.

Оставалось лишь гадать, коим образом «кот» смог передать ему наш заказ. За считанные секунды перед нами с Риной возникло штук пятнадцать вилок, ножей, ложек и каких-то странных приборов, смахивающих на помесь штопора с пилой для дров.

Лицо свекрови на секунду стало растерянным, и я поняла, что даже она, никогда не путающая ложку для мороженого с ложкой для варенья и оной же для меда, не знает, как пользоваться некоторыми приспособлениями. Затем на столе появились крохотные плосечки. В одной лежала горошина, в другой два тонюсеньких ломтика чего-то черного, в третьей несколько макаронин.

— Мы всегда сопровождаем трапезу музыкой, — торжественно заявил Альберт, — классической. Что желаете послушать? «Реквием» Моцарта? Или минорную органную токкату Баха?

— На ваш вкус, — пробормотала Рина. — А среди развлечений только... э... концерты?

— Во время десерта мы проводим конкурс эрудитов, — с готовностью ответил «кот», — вопросы простые, не хотим, чтобы люди чувствовали свою необразованность. Ну например: «Какой срок определен Уголовным кодексом за совершение грабежа в составе преступной группы?» Это все, конечно, знают. Разрешите осведомиться о ваших ощущениях от пищи?

— Замечательно, — промямлила я, так и не поняв, что секунду назад было у меня во рту.

Микроскопический размер порций не позволял включиться вкусовым рецепторам.

— Принесите счет, пожалуйста, — сдавленным голосом попросила Рина.

В зале снова материализовался официант, свекровь открыла поданную им кожаную папку.

— Простите, здесь, видимо, опечатка. Итого: двенадцать тысяч.

Я подумала, что за несколько граммов еды и сто двадцать целковых будет с избытком, но промолчала.

— Ну что вы, счет верен. Понимаю, за идеальное обслуживание и потрясающий вкус еды оплата показалась вам мизерной, но мы не грабим гостей, — промурлыкал Альберт Кузьмич, — вашу скидку я уже включил в

счет. Поэтому заплатите совсем мелочь.

— А в какую сумму нам обойдется банкет человек на пятьдесят? — только сейчас догадалась поинтересоваться я.

Менеджер чуть наклонил голову.

— Аренда зала, развлекательная программа всегда фиксированы — полтора миллиона. Чек за еду зависит от вашего заказа. Мы советуем рассчитывать на двадцать тысяч на человека. Это без алкоголя.

Рина закашлялась.

— Дарим имениннику торт с фейерверком, — продолжал Альберт, — элитный десерт получите совершенно даром. Ни копейки не отдаете за него.

Я вынула кредитку.

— Спасибо. Мы подумаем.

Свекровь схватила свою сумочку и опрометью кинулась к лестнице. Я поспешила за ней.

— Они сошли с ума! — возмущалась Рина, когда мы шли к дому. — Двенадцать тысяч за одну лапшину, которую мы сжевали под похоронную музыку? И это его заявление про шкаф, который фиг знает когда жил!

Я рассмеялась.

— Вроде императора звали Коммод. С двумя «м». Меня более всего впечатлили занавески и вопрос про Уголовный кодекс.

Рина нахмурилась.

— В Москве можно найти ресторан с нормальными ценами, с простой, но вкусной едой, и с человеком, который для развлечения гостей покажет забавные фокусы?

— Наверное, — вздохнула я, — просто нам пока не везет.

— Сегодня я точно найду подходящий! — топнула ногой свекровь. — Обзвоню всех знакомых! Сяду на телефон! Танюша, адрес магазина, где продают рубашки-трансформеры, я сбросила тебе на ватсап.

— Спасибо, — обрадовалась я.

— К сожалению, лавка находится на краю Москвы, — пояснила Рита, — зато круглосуточная.

— В каждой ложке дегтя есть бочка меда, — улыбнулась я, села в машину и взяла зазвонивший мобильный.

— Выспалась? — спросил муж.

Вопрос меня удивил.

— Я давно встала.

— Да? Думал, ты хочешь подремать подольше, — сказал Иван.

Я вспомнила, что, не желая рассказывать ему о походе в ресторан,

соврала, и издала нечленораздельное:

— М-м-м-м.

— Где ты находишься? — спросил Иван.

Пришлось опять лгать:

— В пробке застряла.

— Думаю, тебе надо съездить к Регине Львовне Ливровой, матери Анны, — посоветовал муж, — возможно, дочка рассказывала ей о своих делах.

— Ты прав, — согласилась я, — но дорога дальняя, несколько часов езды. Может, лучше податься туда завтра часиков в шесть? Тогда я за один день обернусь.

— Прописана мамаша в Васюкине, — стал объяснять ситуацию Иван, — Димон ей дозвонился. Мобильный ее не отвечал. К домашнему подошел мужчина, он сообщил: «Регина давно живет в деревне Окуловка, в шести километрах от Москвы. У нее детский пансион семейного типа. В Васюкине она формально зарегистрирована, свою избу продает». Тебе на дорогу немного времени надо. Улица Партизанская, один.

— Уже еду, — обрадовалась я, вбивая адрес в навигатор. — Ой, как здорово! Магазин руба...

Я прикусила язык.

— Какой магазин? — не понял муж.

— Надо зарулить за кормом для кабачков, — выкрутилась я, — по дороге будет зоолавка.

— Бульдожки давно растолстели, — заметил Иван. — Если и дальше кормить их, как сейчас, Мози и Роки превратятся в тыквы.

— Эти овощи круглые, а собаки овальные, — возразила я.

— А потом станут арбузами, — договорил муж.

— Скорей уж дынями-торпедами, — резюмировала я и вырулила на шоссе.

Пейзаж на Садовом кольце меня поразил, машины летели птицами, никаких заторов. Радуюсь удаче, я нажала на педаль газа. В мрачной реальности московского автовладельца, который проводит сутки в пробках, часами ищет место для парковки, бывают светлые минуты.

Удивляясь собственному везению, я в рекордно короткий срок добралась до МКАДа, без задержки очутилась у съезда на подмосковное шоссе и увидела вывеску «Чудо-рубашка». Я хотела повернуть руль, но тихий внутренний голос остановил меня. Сначала разговор с Региной Львовной, потом личное дело, торговая точка открыта круглосуточно. Успею купить сорочку.

Глава 14

Высокий глухой забор скрывал дом Регины Львовны от посторонних взоров. Я нажала на кнопку домофона и услышала тихое:

— Кто там?

— Мне нужна госпожа Ливрова, — ответила я.

Замок щелкнул, перед моими глазами открылся двор и кирпичный трехэтажный дом. На его крыльце стояло несколько пар резиновых сапог разного размера. Обувь не валялась кучей, как чаще всего бывает там, где живут дети. Нет, сапоги стояли носок к носку, пятка к пятке. Входная дверь распахнулась, появилась полная дама, похожая на бабушку Красной Шапочки. Сходство со сказочной старушкой хозяйке придавали длинная, в пол, синяя юбка, голубая блузка с рюшами и ласковая улыбка. В воздухе витал аромат кофе.

— Ребята приедут из школы к пяти часам, — нежным голосом произнесла она, — пока мы одни, я готова рассказать все подробности. Валентина Леонидовна сообщила, что вы, прежде чем принять решение поселить здесь свою племянницу, хотите все посмотреть. Разумное желание.

Я вынула удостоверение:

— Извините, я не представилась.

— Начальник особой бригады? — изумилась Регина Львовна. — Раздевайтесь, пожалуйста, проходите в столовую. Сегодня прохладно, горячий кофеек кстати будет, и кексы из духовки тоже. Сотрудница полиции впервые хочет поручить мне воспитание ребенка. Я вас прекрасно понимаю. Дети требуют неусыпного внимания, а мать на такой работе...

— Я пришла по другому поводу, — сказала я.

Интересно, милой и, похоже, бесконечно доброй Регине уже рассказали о том, что Анна в коме.

В глазах хозяйки заплескалась тревога.

— У меня сейчас пять девчушек. Неужели кто-то нахулиганил так, что вызвали вас? Они маленькие, от семи до девяти лет. Наибольшие их прегрешения — утаскивание без спроса конфет из буфета.

— Речь пойдет об Анне, — уточнила я.

Регина выдохнула.

— Фуу! Моих зовут Алла, Таня, Катя, Галя и Оля. Малышка, из-за которой вы пришли, не из моего пансиона.

Я набрала полную грудь воздуха.

— Я говорю об Анне Ливровой, хотя она исправила фамилию на Лаврова.

Уголки рта хозяйки дома опустились.

— А-а-а-а! Ясно! Она умерла? В противном случае зачем вам приходить?

— Нет, — поспешила заверить я, — она жива, находится в клинике в коматозном состоянии. Будем надеяться, что Аня поправится.

Регина пошла к столу, на котором стояли сразу два чайника.

— Для меня Анна скончалась много лет назад, когда ушла из дома, написав на клочке бумаги: «Ты мне не мать, я тебе не дочь». Она покинула отчий дом, окончив школу. Более мы не виделись. Я об Ане давно ничего не знаю. Что с ней стряслось? Авария? Где она жила? Чем занималась? Говорите честно, я готова услышать самую неприятную правду.

— Ваша дочь стала известной певицей, — осторожно начала я, — Анна Лаврова. Может, слышали о такой?

Регина Львовна смутилась.

— Телевизор в доме работает исключительно для кратковременного показа мультиков. Компьютер у нас один, в моем кабинете. Я приобрела дьявольское изобретение, потому что детям теперь велят делать доклады в электронном виде. Девочки посещают гимназию, а там обучают компьютерной грамотности. И что Анна исполняет?

— Джаз, — уточнила я.

— Он вырос из негритянских религиозных напевов, — улыбнулась Регина, — я когда-то мечтала солировать в опере. Господь подарил мне и слух, и голос мощный. Но в восемнадцать лет мне сделали операцию на щитовидной железе. Хирург оказался неумелым, я на год онемела, потом дар речи вернулся, однако петь я больше не могла. Жизнь закинула меня в маленький городок, я замуж вышла. Аня в меня удалась, с раннего возраста своими музыкальными талантами поражала. В пять лет она исполнила арию Иоланты, которую услышала по радио. Слова Аня воспроизвести не могла, просто тянула: а-а-а-а-а. И ни одной фальшивой ноты! В семь лет Аня попросила отдать ее в музыкальную школу. А мы тогда жили на краю Московской области в тихом зеленом местечке, муж заведовал местной гимназией, я там учительствовала. Чтобы осуществить мечту Ани, ее пришлось бы возить в Гулимовск, там была музыкалка. Машины у нас не было, до электрички час пешком, автобус, на котором доехать к станции можно, постоянно ломался. И как ребенка каждый день на сольфеджио в таких условиях таскать?

Регина поставила передо мной тарелку с дешевым печеньем не первой свежести.

— Угощайтесь, пожалуйста. Я Ане правду сказала: прости, не можем обеспечить тебе музыкальные занятия. Она молча спряталась в своей комнате. Замкнутой девочкой росла, никто не знал, что у нее на уме, говорила она мало, никогда со мной эмоциями не делилась, вела себя так, словно я няня, а не мать. Душевной близости между нами никогда не было. Но жаловаться на ее поведение у меня нет причин. Скромная школьница, носила что купят, ела что дадут, не безобразничала, не курила, подруг не имела. Отец купил ей на двенадцатилетие гитару, показал аккорды. Вот она и брэнчала в своей комнате. Как-то раз я проснулась в районе полуночи от звуков музыки и громкого стука, который шел из спальни дочери. Заглянула к Ане, та слушала пластинку и отбивала такт ладонями по пустому перевернутому ведру. Я ласково ей сказала: «Нюшенька, уже поздно. Отложи занятие до завтра». Она тут же прекратила. Через дня три Аня подошла ко мне и спросила: «У бабушки на участке есть маленький домик, можно я там поселюсь? Тогда смогу по ночам музыку сочинять!» Я растерялась, а муж ответил: «Хорошо, но сначала все в избушке в порядок приведи». Вот так она устроилась жить отдельно. Отец пошел дочери навстречу, понял, что она хочет свободы. А что получилось? Незадолго до ухода из дома Анна выплеснула все обиды, коих у нее, как выяснилось, накопилось море. Припомнила разные мелочи: в музыкальную школу ее не возили, вещи приобретали на рынке, еда была невкусная, игрушек она почти не имела, и воспитанниц я больше ее люблю, родную дочь в сарай выгнала. Я попыталась вразумить Аню: «Ты же сама попросилась жить в избушке бабули». Она фыркнула: «Ждала, что ты меня обнимешь и скажешь: «Анечка, в сарае неуютно, холодно. Оставайся дома, играй на барабанах хоть год напролет, я больше тебе не помешаю».

Я от изумления брякнула: «Ведро — не ударный инструмент». Она криво усмехнулась и ушла. И вскоре появилась записка: «Ты мне не мать, я тебе не дочь». Все, больше никаких контактов.

— И вы ее не искали? — удивилась я.

— Побежала в отделение, — пояснила Регина, — там мне объяснили: «Ане восемнадцать. Есть бумага, подтверждающая ее нежелание общаться с родней. Это не двенадцатилетний подросток. Взрослый человек...»

— Ой, мама, — раздалось из коридора, — лучше всю правду расскажи!

В комнату вошла полная брюнетка. Несмотря на прохладную погоду, в

комнате не работало отопление. Но незнакомка была одета в застиранную майку с глубоким вырезом и ситцевую старую юбку. Шею ее украшал копеечный кулон на простой цепочке — небольшая розовая кошечка из пластмассы. Такая бижутерия подойдет девочке лет десяти, на взрослой тете она смотрится несуразно. Наверное, у хозяек дома проблема с деньгами. Хотя у Регины в мочках ушей сверкают серьги, массивные, дорогие, щедро усыпанные драгоценными камнями. Но ведь их мог ей подарить покойный муж.

— Катя Степкина, первая воспитанница. Нас двое было, Рианатана и я. Риа давно в Москву уехала. А я здесь работаю. Теперь сама ребятами занимаюсь. Вы вот так и не объяснили, что случилось с Анькой. Да правда понятна: ее посадили, на зоне побили, и теперь она в больнице, — на одном дыхании выпалила толстушка.

Регина опешила:

— Катюша! Что за ужас ты говоришь?!

— Правду, — повторила толстушка, — вспомни дядю Леню!

— Не слушайте ее, — попросила Регина, — Катюша просто... э... ну... нервничает слегка. У нас есть некоторые проблемы... да... короче... надо ремонт делать, а денег нет.

— Анька гадина, с ней никто в детстве дружить не хотел. Вечно ходила с надутой мордой. Удрала в Москву без спроса. А мне тут работать! Дрянь она! — перебила хозяйку Катя.

— Дорогая, у нас дети, — заговорила Ливрова, — нельзя произносить некоторые слова при воспитанниках.

— Малыши в школе, — отмахнулась Катя. — Не хочешь рассказывать? Тогда я все выложу. Уверена, что за дело Аньку прихлопнули! Она маньяк! Хуже Чикатило!

— Певицу Лаврову не отправляли на зону, — остановила я пышущую негодованием и злостью женщину, — она приняла много таблеток. Возможно, ее кто-то отравил. Или это самоубийство. Ясности пока нет. Девушка жива, но в коме.

— Анька добровольно лишила себя жизни? Ржу не могу! Смешнее ничего не слышала.

— Катерина, остановись, — скомандовала Регина. — Что о нас Татьяна подумает? Анна в больнице, а...

— Что обо мне Татьяна подумает? — повторила Катерина. — Ей в голову придет вопрос: «Какой падлой Анька была, если Екатерина сейчас веселится?» Да все Васюкино правду знает, и я ее сейчас сообщу. С Фейгиной начну. Да, когда она в городок приехала, я еще жила в приюте, но

люди постоянно о ней судачили. Знаю правду до дна.

Глава 15

Когда Аня была маленькой, в Васюкине появилась странная дама по имени Эсфирь Моисеевна. Она купила дом по соседству с Ливровыми, и спустя пару месяцев в ее избу потянулись люди. В маленьком населенном пункте трудно скрыть правду о себе, даже если сам ни слова не проронишь, окружающие увидят, что ты несешь из магазина в пакете, услышат, с кем по телефону, стоя дома у открытого окна, болтаешь, обсудят твоих гостей. А если чего-то не разузнают, то придумают. Очень скоро васюкинцам стало ясно, что новая жительница — экстрасенс. Эсфирь искала пропавших людей, могла предсказать будущее, общалась с мертвыми, варила какие-то зелья, снимала порчу. В общем, и швец, и жнец, и на дуде игрец, и знахарка, и гадалка, и медиум. Сначала местные посмеивались над теткой, которая называла себя прямой родственницей царя Давида. Некоторые называли Эсфирь мошенницей. Самым активным критиком дамы стал местный заведующий клубом Роман Поляков, он подходил к очереди, которая сидела на лавочке у избы Фейгиной, и орал:

— Во идиоты! Если кто помер, он болтать уже не может. Дурят вас за ваши же деньги, уезжайте.

Но народ не расходился, Эсфирь никогда не делала замечаний Роману. Полнейшее равнодушие, которое демонстрировала дама, лишь сильнее злило заведующего клубом. Однажды он столкнулся с Фейгиной на узкой тропинке в прямом смысле этого слова. Она катила от колодца баклажку с водой. Роман, словно случайно, толкнул ее, Эсфирь упала, сильно ударилась коленом о камень, из ноги у нее потекла кровь. И тут появилась жена Романа и налетела на супруга с воплем:

— Идиот! Слышал фразу: грехи отцов на детей падают? Не дай бог, Юрочка заболит.

Супруг рассмеялся:

— Я нечаянно. Думаешь, она может порчу навести? Это шарлатанка!

Фейгина молча поднялась и потащила пустую баклажку назад к колодцу, ни одного слова не произнесла.

К вечеру пятилетний сын Романа слег с высокой температурой. Несколько дней врачи пытались поставить диагноз, но так и не поняли, что с малышом, он умирал. Роман с женой рыдали у постели малютки. И вдруг в больничную палату с плюшевой игрушкой в руках вошла Аня Ливрова.

— Что тебе надо? — всхлипнула мать ребенка.

Девочка молча положила зайца в руку мальчика и сказала:

— Он сегодня поправится. Эсфирь велела сказать, что не сердится на его отца, она попросила высшие силы отвести от Юры беду. Заинька — это амулет, он должен с Юрой быть.

— Да пошла ты! — заорал Роман и хотел выкинуть длинноухого.

Но жена отвесила ему пощечину и выкрикнула:

— Из-за тебя беда случилась. Заткнись! Урод.

Поляков, который никогда не слышал от своей Нины подобных слов, неожиданно послушался.

Через два часа температура у мальчика спала. В девять вечера Юра попросил есть, утром стал бегать по коридору.

После этого случая никто из васюкинцев более не сомневался в сверхспособностях Эсфири. Напрасно врачи объясняли:

— Мальчику ввели лошадиную дозу самого современного антибиотика. Плюшевые игрушки не могут никого вылечить. Не слушайте чушь. Это простое совпадение.

— Юрка начал поправляться, когда зайчик в кровати оказался, — возражали люди.

Окружающие не верили докторам, поток клиентов у женщины с паранормальными способностями увеличился в разы. А Роман теперь бесплатно колол Эсфири дрова, таскал воду, привозил продукты. Дочь соседей Аня часто заходила к Фейгиной и наблюдала за тем, как Эсфирь принимает людей. Почему экстрасенс приблизила к себе девочку? Ответа никто не знал. На день рождения четырнадцатилетняя школьница получила в подарок от колдуньи плюшевого бурундучка, копеечную игрушку, такие продаются на бензоколонках или в супермаркетах. При нажатии на живот зверушка издавала крайне противный звук и носила имя Митрофан.

На тот момент Регина Львовна уже была вдовой и воспитательницей двух сирот. Школа в Васюкине закрылась, малочисленные местные ученики ездили в соседний город. Регина Львовна осталась без работы. Она не побоялась взять под опеку Екатерину Степкину, от которой мать отказалась в роддоме, и Рианатану Кузнецову, чья родительница умерла от любви к наркотикам. Девочки не были умильными малышками, подростков редко удочеряют. Регине просто стало их жалко. А еще она надеялась, что, когда в доме окажутся одноклассники Ани, девочка станет более общительной.

Расчет матери не оправдался. Анна вела себя с детдомовцами вежливо, не вредничала, не хамила, но держалась на расстоянии, жила в сарае, который стоял на участке бабушки. Судьба не отблагодарила Регину за доброту, вскоре у нее началась полоса несчастий.

Сначала умер Леня, ее старший брат. Его смерть никого не удивила. Леонид пил так, что любой верблюд мог упасть от зависти, хотя тот употребляет просто воду, а Леня наливался любым напитком, лишь бы в нем был алкоголь. Ну разве удивительно, что такой человек отравился фальшивой водкой? Вскоре за ним ушла Ольга Владимировна, мать Регины Львовны. Она была не очень пожилой, но у нее случилась беда с почками. Перед кончиной бабуля завещала свой дом и участок любимой внучке Ане. После похорон к Регине приехал начальник местного отделения милиции и завел разговор. Любопытные Катя и Рианатана подслушивали под открытым окном. Ани не было дома. Девочки затаив дыхание узнали невероятную информацию. Милицейский чин подозревал, что и Леонида, и Ольгу Владимировну отравили. Правда, никаких доказательств преступления у него не было, только его подозрения.

— Кому достался дом и сад? — спрашивал он. — Кто жил постоянно у Ольги Владимировны под боком? Кто собрался после получения аттестата уехать в Москву поступать в музыкальное училище? А на жилье в столице деньги нужны. Кто отгородился от семьи? Кто таскается повсюду с дурацкой плюшевой игрушкой? Кто дружит с Эсфирью, у которой изба заставлена склянками с зельями? На все вопросы один ответ: Аня. И я уверен, что она теперь попытается убрать мать, вы ей помеха, потому что не разрешаете в столицу смыться.

— С ума сошел? — взвилась Регина. — На каком основании ты обвиняешь мою дочь в страшных преступлениях?

— Мне позвонил человек, он не назвался, — после короткой паузы ответил мент, — сказал: «Анна Ливрова убийца». Аноним сам видел, как девочка подавала бабушке стакан с ядом.

— Ты в школе дураком был! — закричала Регина. — На одних двойках ехал, в армию попал, вернулся и вскоре начальником милиции стал. Не за ум тебя в мягкое кресло посадили. От безнадежности. Остальные сотрудники вот-вот на пенсию пойдут. Молодых калачом в наше отделение не заманишь. Убирайся из моего дома, да поостерегись глупость болтать. Я могу твоему руководству жалобу на тебя, идиота, написать.

— Если она и вас уколошит, потом не плачьте, — сказал начальник отделения милиции, — ваша Аня злая, еще в магазине ворует. Люди так говорят. С ней никто общаться не хочет.

Регина выгнала его и ничего никому не рассказала о его визите.

Вскоре после описанных событий Аня сказала матери:

— Хочу продать дом, сад бабушки и уехать в Москву учиться пению. Аттестат я получила, деньги на жилье и оплату института от наследства

будут.

— Через мой труп в столицу отправишься, — резко ответила мать, — выкинь эту дурь из головы. Будем дом сдавать.

Потом она опомнилась и решила смягчить отказ:

— Доченька, тебе только-только восемнадцать стукнуло, я волнуюсь. Как ты одна в огромном городе справишься? Иди учиться в педагогический в Головине, до него десять минут езды на автобусе. Останешься жить со мной, ничего с тобой дурного не случится.

Аня молча ушла.

Глава 16

Катя замолчала, усмехнулась и взглянула мне прямо в глаза.

— Знаете, как Анька поступила? Регина Львовна всегда в годовщину смерти мужа людей собирала. И в тот год гостей пригласила Григория Петровича помянуть. Мы с Риа накануне этой даты резали салаты на поминки. Аня, спокойная, молча ножом колбасу на «Оливье» крошила. В десять вечера она сказала:

— Устала я.

Регина ей:

— Иди, солнышко, поспи, завтра день непростой, годовщина папиной смерти.

Анька потопала в свой домик. Утром в восемь мы все собрались на кладбище ехать, девчонки нет. Я хотела за ней пойти, побоялась, что на автобус опоздаем, но Регина сама за дочкой пошла.

Минут через десять вернулась, лицо синее, как снятое молоко.

— Едем без Анечки, она заболела.

Когда домой с погоста вернулись, Регина нам с Риа сказала:

— Нюша уехала в Москву учиться. Все хорошо, диплом получит и вернется к нам.

Про записку злую, которую «добрая» дочурочка оставила, мы не сразу узнали. А через полгода в бабушкину избу семья въехала, Анька продала свое наследство. Вот я совершенно уверена: прав был начальник милиции! Анна всех отравила! Мечтала в столицу перебраться и оказалась где хотела.

— Нельзя обвинять человека на основании слухов, — остановила Катю Регина, — никто из врачей не удивился смерти бабушки. Она была пожилая, больная. Леня... ну... брат мой, хороший человек, но слабый. Страдал алкоголизмом. Пьяницы редко до старости доживают. Увы. А начальник отделения милиции, который приходил и гадостей наговорил про Анну, хотел получить взятку. Не только ко мне он тропку проложил, другим тоже навязывался, говорил: «Есть доказательство, что ваш сын убил своего отца», один человек сделал вид, что ему поверил, обещал денег дать, а сам начальнику областной милиции доложил. Мерзавца потом за руку схватили и на зону отправили.

Хозяйка одернула блузку.

— Понимаете, Татьяна, Васюкино глубокая провинция. Народ там простой, наивный, и, чего греха таить, глупый. Что по телевизору скажут,

всему верят. Начальника отделения они боятся. А тот действовал хитро. Мне он заявление принес на бланке отделения, текст сейчас точно не помню, но смысл такой: Анну видели свидетели во дворе, это она пожар устроила. Я испугалась даже. А мужик в форме заявил: «Мне власть большая дана. Могу дело возбудить, а могу и не возбуждать». И пальцами характерный жест делает: «плати, мол, мамаша». Я взяточника выгнала, а другие ему платили. Но в конце концов он нарвался на человека, который не струхнул, пожаловался в вышестоящую инстанцию, и арестовали негодяя.

— О каком пожаре идет речь? — спросила я.

Регина Львовна махнула рукой.

— Вспоминать неохота. Деревенские сплетни. Я поэтому и уехала из Васюкина, дом и землю продаю, кредитов набрала, построилась здесь. До сих пор долги банкам выплачиваю. У меня семейный пансион. Принимаю девочек, которые временно с родителями жить по разным причинам не могут: мать умерла, отец женился, мачеха и падчерица общего языка не находят. Или заболел отец, мать на работе день и ночь. О нашей семье в Васюкине тьма сплетен ходила. Больше всех Ане доставалось. Знаете почему?

— Девочка конфликтовала с жителями поселка? — предположила я. — Как многие подростки, вела себя эпатажно? Или нагло?

Регина махнула рукой.

— Наоборот. Нюша лишний раз рта не открывала. Войдет в магазин, увидит народ и молчит. «Здрассти» не скажет. Бабы ей замечание сделают: «Ты почему не здороваешься?» Аня голову опустит и стоит. От смущения так себя вела, а люди ее хамкой нелюдимой считали. Подруг у девочки не было, всегда одна сидела. Даже учителя про нее чушь мололи. Вера Ивановна, математичка, сплетничала, что Эсфирь Аню колдовству обучила... Фейгина, конечно, странная, но иногда правду говорила. У Леси Конкиной маленький сынишка пропал, так Эсфирь его матери указала: «Беги вдоль реки до места, где три раздвоенные березы стоят. Ребенок там лежит, он ногу сломал». И точно! Мальчонку у тех деревьев нашли. Живого. Что-то Эсфирь видела, не шарлатанка она. Но Аню она ничему не обучала и не любила девочку. Внушила ей зависимость от Митрофана. Помнишь, что случилось, когда ты бурундука спрятала? А?

Регина повернулась к Кате. Та впервые на протяжении разговора смутилась.

— Ну я же не знала, что так получится. Просто хотела показать Аньке: это всего-то игрушка. Она ее не защищает, не помогает ей. Кусок плюша,

набитый синим поролоном, просто отрезок ткани, куда эту фигню запахнули. Никакой он не волшебный!

— Девочка тогда в больницу попала, чуть не умерла, — не утихала Регина, — это был скверный поступок.

Катя вскочила.

— Вон оно что! Сколько лет прошло, а ты мою детскую глупость до сих пор помнишь? Значит, я, по-твоему, плохая? Плевать тебе на то, как я в пансионе работаю, своей семьи не завела, одна за всех тут пашу: и за психолога, и за уборщицу, и за швею, и за повара... «Помнишь, что случилось, когда ты бурундука спрятала?» Ага! Помню! А вот тебе надо забыть. Давным-давно пора из памяти выбросить незначительное происшествие.

Катя схватила меня за руку:

— Представляете, каким я хорошим подростком росла, если мать только об одной шалости моей рассказать может? Начни она сейчас в памяти копать, что дурного про меня сказать? Не пила, не гуляла, по дому помогала, бабушкину избу мыла, у старушки на огороде убивалась, обновки не клянчила, подарки не требовала, слова грубого никому не вымолвила. Что плохого я в детстве-юности совершила? Ах да! Я Митрофана Анькиного спрятала. Теперь зададим тот же вопрос в адрес Ливровой. Что плохого Анна наворотила? Неприветливая бука. Если ей что-то не нравилось, она запиралась в комнате, переставала со всеми говорить, в доме палец о палец не ударяла. И ее ничегошеньки делать не заставляли. Как же! Нюша обидится, если велеть ей пол помыть! Катя шваброй протрет, вот она не гордая.

Екатерина развернулась и убежала.

— С ревностью подчас трудно справиться, — заметила я.

— Я старалась, чтобы каждой девочке любви одинаково досталось, — еле слышно произнесла хозяйка, — да, видно, всегда кто-то недоволен бывает. Супа погуще я Ане не наливала, платьев красивых не покупала. Все одинаковое родная дочь и приемные имели. Но Катя... она очень ревнивая, в детстве, не поверите, макароны в тарелках пересчитывала.

— Это как? — улыбнулась я.

— Понимаю, вам смешно, — сказала Регина, — я тоже сначала веселилась, думала: ребенок из приюта, его там обижали, скоро это пройдет. Но нет. Положу всем на ужин спагетти, Катя всхлипывает:

— Самая маленькая порция у меня.

Я ей объясняю:

— Всем дала поровну.

А она:

— Нет! Ане и Рие больше досталось.

И принимается в тарелках вилкой рыться.

— Раз, два, три... десять... Ага. У меня пятнадцать спагетти, а у Аньки семнадцать. Вечно ей все лучшее достается!

Первое время я пыталась Екатерину успокоить:

— Досталась Ане одна лишняя макаронина, и что? Ты голодная? Если да, добавку положу.

Катя губу сковородкой оттопырит:

— Я наелась. Но почему ей больше?

И до сих пор она такая. Правда, уже ужин не проверяет и не каждый день на Катерину зависть накатывает. Но частенько случается.

Регина обвела рукой кухню-столовую.

— У нас уютно, но просто. Мебель не итальянская, полы не паркетные. И в комнатах у всех нет роскоши. Однако Катя может сказать: «Моя спальня нищая, а вот у тебя...»

— И правда, — крикнула из коридора девушка, — отведи Татьяну на свою половину. У Регины Львовны богатая обстановка. Шторы парчовые, люстры хрустальные, ковры, и вся мебель, даже кухня, на ее третьем этаже в Милане куплена. Мне в барские покои без разрешения входить нельзя. У меня же нищий интерьер!

Регина протяжно вздохнула.

— Ну вот, что с ней делать? Да, я живу на самом верху, но обстановка там, как тут, шторы такие же.

— Что за история с Митрофаном, упоминание о которой так взволновало Екатерину? — спросила я.

Регина сдернула со спинки стула оренбургский платок и закуталась в него.

— Экстрасенсы бывают разные. Одни откровенные мошенники, дурят народ, им только деньги нужны. Другие тоже ничего не могут, но они искренне заблуждаются, считают, что их Господь отметил, плату берут совсем маленькую, только на прокорм себе. И у вторых порой получается человеку помочь, потому что соединяются два чувства: вера больного в могущество целителя и вера знахаря в то, что он может мертвого воскресить. Эсфирь принадлежала ко второй категории. Необычная женщина. Зимой, летом, в любую погоду босиком ходила. Ела только со своего огорода. Аня за ней хвостом вилась. Один раз девочка домой с игрушкой вернулась, с ерундовой, копеечной.

Регина замолчала, потом продолжила:

— Не стану долго говорить, сразу суть сообщу. Эсфирь сказала Ане, что она заключила в Митрофане ее жизненную силу. Если девочка заболит, надо просто обнять бурундука, и хворь как рукой снимет. Плохое настроение, какую-то беду — все Митрофан уберет. Он Анин оберег, помощник, спаситель. Я сначала разозлилась на соседку. Разве можно такую глупость ребенку внушать? Хотела пойти к Эсфири и строго-настрого ей велеть подальше от моей дочери держаться. Потом сообразила, что Аня быстро забудет о бурундуке, а нам рядом с Фейгиной жить, да еще она вроде целительница, вдруг наведет на всех порчу, и не стала скандалить. Но мои надежды не оправдались, Анна с игрушкой не расставалась. Я только удивлялась. Начнется у девочки насморк, она ко мне с жалобами не бежит, с бурундуком разговаривает, просит его помочь, и... нет соплей. Механизм действия подарка ясен. Я окончила пединститут, знаю, что дети очень подвержены внушению. Училась Анна хорошо. Была замкнутой, но пожаловаться на ее грубость не могу. Если задам ей вопрос, дочь отвечает. Кратко. Сама первой беседу никогда не заводила. Не скандалила с приемными сестрами. И Митрофан был всегда с ней. Как-то раз — я уже спать собиралась — вбегает в комнату Аня, дрожит, плачет... Бурундук пропал! Истерика у нее. «Мама, я умру! Моя душа в Митрофане живет, а он исчез». Я ей объяснила, что этого не может быть, игрушка — просто кусок плюша, набитый синтепоном, но Аня упала в обморок. «Скорая» ее кое-как в чувство привела и в больницу увезла. Давления почти нет, тошнота, рвота, озноб, судороги. Носилки в машину задвинули, дочка прошептала: «Мамочка, найди Митрофана, иначе я умру». И опять сознания лишилась. Я с ней поехала, перед тем как в машину сесть, приказала всем игрушку искать, дом, огород, улицу перевернуть, а найти Митрофана. Часа через два Катя появилась с плюшевой дрянью. Я бурундука в руку Ани вложила, девочка очнулась, через короткое время встала. Врачи только ахали, все наладилось. А ведь недавно они мне говорили: «Делаем все что можем, но диагноз не ясен». Катя нас дома встретила, вид у нее был виноватый. У меня на душе кошки заскребли, я Степкиной допрос устроила, та призналась, что спрятала бурундука. Хотела Аню за вредность проучить, та с ней играть не желала, в домик, где жила, не пускала. Вот такая история. Не верьте, пожалуйста, рассказам Екатерины про страшные преступления, которые совершила Анна. Моя дочь была не самым простым подростком, и отношения наши вконец расстроились, но она не убийца.

— Теперь про шприцы сообщу, — подала голос из коридора Катя, — если изображаешь из себя честную-пречестную, то все происходившее

описывай. А не только то, что Анечку-красавицу с лучшей стороны характеризует. И не все четверки у нее были, троек хватало!

— Что же вы прячетесь? — спросила я. — Идите сюда.

Степкина вернулась в комнату.

— После побега Ани Регина Львовна решила бабушкин дом и маленькую избушку сдать москвичам на лето. Она еще не знала, что доченька родимая избу продает. Велела нам с Рианатаной порядок в ней навести. Риа мыла избенку, где Анька жила, а я основную пятистенку. Вечером сестра показала коробочку железную, вроде пенала, внутри лежали ампулы, шприцы. Я удивилась:

— Где взяла?

Риана ответила:

— У Ани под матрасом. Это очень сильное лекарство, его в нашем отделении в реанимации используют. Вот не знаю, говорить ли маме?

Катя уперла руки в боки и шагнула к Регине:

— И как ты отнеслась к находке?

Мать пожала плечами:

— Не помню. Давно это было.

Екатерина расхохоталась.

— Избирательная амнезия. Что я Митрофана спрятала — она помнит, а про инъекции забыла. Анекдот. Регина Львовна забрала коробочку и заявила: «К Ане она отношения не имеет. Дядя Леня наркотиками баловался. Это его запас». Не могла ничего поумней придумать? Леонид тогда уже давно покойник был. Ампулы под матрасом у Ани хранились. Она что, не видела коробочку, когда белье меняла? Рианатана же возразила:

— Мама! Это не героин или что-то похожее на него. Этим медикаментом можно человека вылечить, но и убить легко. Вколешь больше, и больной скончается. Тихо, во сне. Если он раньше использовал это лекарство, то никаких подозрений не возникает. А бабушке его постоянно кололи.

— Откуда девочка столько подробностей о препарате знала? — удивилась я.

— Рианка училась на медсестру, — объяснила Катя, — в девятом классе в училище ушла, их на практику в клинику районную направили, она там знаний нахваталась про препараты.

— Где она сейчас? — поинтересовалась я.

— Не знаю, — нехотя ответила Регина, — мы давно не виделись, заняты все. Можно вопрос вам задать?

— Конечно, — разрешила я и услышала:

— Анна поправится?

Я на протяжении всей беседы нет-нет да и думала о том, почему Регина не озабочена судьбой дочери, не расспрашивает меня о том, где находится Аня. Она не кинулась в свою комнату со словами: «Быстро оденусь и поеду к дочке». И я только сейчас сообразила, что мать испытала шок от известия о тяжелом состоянии дочери и наконец адекватно среагировала на плохую новость, и постаралась ответить осторожно:

— Она пока в коме. К сожалению, никто не может прогнозировать развитие событий.

— Я ничего в медицине не понимаю, — призналась Регина, — но слышала, что такой больной не всегда умирает.

Я решила приободрить Ливрову:

— Никогда нельзя терять надежду, известны случаи, когда люди спустя десятилетие возвращались к жизни.

— Вот-вот, — сказала Регина Львовна. — А где их держат?

Я удивилась ее вопросу.

— Сейчас Анна лежит в православном госпитале, там прекрасный уход за больными.

— Церковная больница, — протянула хозяйка пансионата. — Значит, лечат не по ОМС?

Меня охватило недоумение.

— По поводу полиса я ничего не могу сказать.

— Ее могут домой отправить?

— Наверное, — осторожно предположила я, — но точно не сейчас. Девушка не может существовать без аппаратуры. Она сама не дышит, не ест.

— И кто оплачивает услуги? — не утихала мать певичы. — По ОМС это не оформят.

Я недоумевала все больше.

— У одной моей воспитанницы отец слег после инсульта. Семья невероятные деньги ежемесячно отваливает за уход. Они дома палату реанимации оборудовали, набили ее всякими устройствами. Но я не смогу это сделать. Куда Аню деть, если она, как вы сказали, много лет лежать будет? — спросила мать Лавровой.

Я поняла, что Регина сильно нервничает, она боится, что не сможет обеспечить хорошие условия для больной, и стала успокаивать Ливрову:

— Слава богу, сейчас много специализированных клиник, где отлично ухаживают за теми, кто в коме. Вы правы, в квартире сложно установить аппаратуру. Чаще всего такие больные содержатся в медцентрах. Не

переживайте, вы непременно отыщете нужный. Возможно, не сразу, где-то вам не понравится, но...

Катя издала смешок.

— Конечно, я задергалась, — перебила меня Регина. — Где денег взять? Кто сейчас за Аню платит? Если мне счет придет, увольте. Я не подписывалась на это.

Я растерялась, Ливрова тем временем не утихала:

— Зарабатываю я копейки. Что получаю, то в пансион вкладываю, порой мне на хлеб не остается. Как Анну содержать? А?

— М-м-м, — пробормотала я.

Я не первый год работаю в бригаде, прошла по служебной лестнице от стажера-неумехи до начальника одного из подразделений. Разные люди встречались на моем пути. Убийцы, насильники, педофилы, воры, мошенники, но я до сих пор пребывала в уверенности, что вижу каждый день грязь, потому что служба такая. Я ассенизатор, кто-то же должен заботиться о чистоте. Но в мире, где обитают простые люди, не полицейские, не эфэсбэшники, не члены спецбригад, а учителя, врачи, шоферы, продавцы, актеры, музыканты, короче, все остальные, вот там подлых личностей мало. Они все в моем огороде. И только сейчас мне в голову пришла простая, как швабра, мысль: хороший на первый взгляд человек при более детальном рассмотрении может оказаться мерзавцем, при этом он не нарушает закона, никто ему обвинений не предъявит. Ну разве можно привлечь к ответственности Регину Львовну за то, что она не озаботилась состоянием дочери, а испугалась за свой кошелек?

— Она просто лежит в кровати на аппаратах? — не утихала Ливрова.

Я кивнула.

— Анна, скорей всего, не поправится? — спросила хозяйка.

— Этот вопрос надо задать Господу Богу, — громче, чем хотела, произнесла я.

— Так и будет лежать, пока не умрет? — допытывалась мамаша. — Но как она может скончаться, если аппараты за нее дышат и все остальное делают? Сколько такая жизнь протянется? Бесконечно?

Я собрала в кулак все свое самообладание.

— Иногда семья больного принимает решение об отключении аппаратов.

— А-а-а, — протянула Регина, — то есть это я решаю, да? Сама-то она не разговаривает, не соображает. Аня просто труп, который существует искусственно, за деньги! И что надо сделать для того, чтобы...

Мамаша осеклась, помолчала и снова заговорила:

— Я просто так интересуюсь. Очень люблю Аню. Но надо ли ее мучить? Какой смысл в жизни овоща?

Я поняла, что сейчас ляпну лишнее, и встала.

— Спасибо за беседу. Не хочу более вам надоедать. Все вопросы, которые связаны с пребыванием Анны в больнице, вам нужно задать Никите Сергеевичу Игрову. Извините, я не занимаюсь медицинской стороной. Запишите номер продюсера.

Выйдя во двор, я сделала глубокий вдох и услышала голос Кати:

— Регина Львовна такая. Главное для нее деньги, более ни о чем она думать не может. На меня она копейки не потратит, а вот на себя... Гляньте на окна третьего этажа.

Я послушно задрала голову.

— Видите шторы? — спросила Екатерина. — Они совсем другие, чем внизу. На свои нужды Регина ничего не жалеет. И, поверьте, на ее этаже роскошная мебель, кухня, самые лучшие продукты. Дом построен так, что Ливрова живет обособленно. Я к ней только убирать хожу, а воспитанницы никогда не заглядывают. Не спорю, там, где я сплю, чисто, аккуратно. Но кровать, стол, диван — все из сетевого дешевого магазина. Да что там долго рассказывать. Хотя я могу и вспомнить. Когда особняк построили, коммуникации провели, отделку начали. На этажах, где предстояло жить мне, Рие и будущим воспитанницам, работал всего один мужчина, мастер на все руки, а я и Рианатана ему помогали. Мы тогда еще в школу ходили.

Я не поверила своим ушам.

— Вы помогали рабочему штукатурить, класть плитку, клеить обои?

— Конечно, нет, — поморщилась Катя, — выпускной класс, надо было заниматься. А Регина нас сюда отправляла. Мы с Рианатаной тут ломались, в основном строительный мусор убирали. А Анька не хотела, отказала матери, получила аттестат и слиняла из Васюкина. Потом Рианатана смылась и тоже не показывается. Одна я тут рабыня на плантации. Гадины они! Риа и Анька. Удрапали, а я не смогла. Так вот, на половине воспитанниц чисто, но убого. А у Регины... О! Там итальянская мебель, и ест она не дешевое печенье, которым вас угощала. Нет! У нее импортные продукты из дорогощего супермаркета. Да вы на шторы гляньте, их же хорошо видно! И люстру тоже. Хрустальная она!

Глава 17

Поговорив с Региной и Катей, я выехала на шоссе, добралась до магазина рубашек и вошла внутрь. В небольшом помещении оказалось неожиданно много покупателей. Продавщица обратила внимание на меня лишь минут через десять.

— У мужа день рождения... — начала я.

— Понятно, — перебила меня женщина. — Размер его знаете?

Я кивнула.

— Смотрите на полках, там указаны цифры, — скороговоркой произнесла тетушка.

— Хочу купить сорочку-трансформер, — уточнила я.

— Отличный выбор! — одобрила продавщица. — Но они дорогие. Возим их из Америки, прямо из Нью-Йорка, у дизайнера берем.

— Я готова потратиться на подарок любимому супругу, — заверила я.

— Вам повезло, — оживилась продавец, — сегодня мы новую партию получили. Прямо супер! Воротник итальянский, самый модный, планка, пуговицы с четырьмя дырочками. Цвета — закачаешься. Ирка! Тащи сюда поступление.

Из подсобки высунулся лохматый парень.

— Тетя Галя, она домой ушла. Голова у нее заболела.

— Во дает! — возмутилась Галина. — Даже словом не намекнула, что смывается! И что? Мне самой со склада товар таскать?

— Сам припру, — услужливо предложил юноша. — Чего надо?

— Трансформеры из новой партии, они слева на полке а-семь. Смотри не перепутай, — пустилась в объяснения Галина, — не а-восемь! Там спецзаказ для клуба «Плюс восемнадцать», они их VIP-клиентам дарить собрались.

— Сию секунду, — пообещал помощник, — чихнуть не успеете, как все притараню! Вмиг.

— Никогда не видела, как чудо-сорочка работает, — призналась я. — Можно на нее посмотреть? Вдруг супругу не понравится?

— Жора! — крикнула Галина. — Еще демонстрационные варианты нужны!

Парень вышел в зал.

— Уже притащил. Так и думал, что показать классную штуку задумаете. Вы самая лучшая управляющая, поэтому у нас от покупателей

не отбиться!

— Не подхалимничай, — остановила начальница подчиненного, — не старайся, все равно Ирку, твою сестру-лентяйку, уволю. Хорошо, что сейчас в зале временно никого нет. Свезло вам, могу спокойно товар лицом показать.

Последние слова обращались ко мне, Галина произнесла их, натягивая одну рубашку на мужской манекен, на котором были только брюки.

— Какого цвета эта рубашка? — спросила она, застегнув все пуговицы.

— Серо-голубая, — ответила я.

— Жемчужная, — поправила управляющая, — ну да это не важно. А теперь! Внимание! Включаю подогрев торса, считаю до десяти и... Что происходит?

Я зааплодировала.

— Теперь она бордовая, а воротник и манжеты синие!

— Уменьшаю нагрев, — объявила Галина.

— Спереди желтая, сзади оранжевая, — восхитилась я. — Как это получается?

— Нанотехнологии, — загадочно ответила управляющая. — Рубашку шьют из материалов, которые разработали для космической промышленности. Температура человеческого тела не постоянна, она зависит от состояния здоровья, нервного напряжения, холодно или жарко в комнате... Ткань реагирует на все это. И вот еще один вариант. На мой взгляд, он для подростков-школьников, но не поверите, сколько взрослых мужиков такие хватает.

Галина живо поменяла сорочку на манекене.

— Включаю! Наблюдайте.

Через пару минут я воскликнула:

— Ничего не происходит. Как была рубашка голубой, такой и осталась.

— Подождите, сейчас все увидите, — улыбнулась Галина.

Не успела она произнести фразу, как на сорочке стали появляться изображения красных сердец, пронзенных стрелами.

— Забавно, — засмеялась я.

— Основной фон не меняется, — пояснила управляющая, — зато проявляются картинки.

— Какие? — любопытствовала я.

Галина открыла ящик прилавка, вынула оттуда лист бумаги.

— Товар недавно поступил. Наизусть я еще не все выучила. И что у нас? Принты: сердца, амуры, секс, обезьянки, собачки, кошки, тигры...

— Интересно, но моему мужу это не понравится, — вздохнула я, — возьму ту, что цвет изменяет.

— На его размер остались только голубые, — предупредила управляющая.

— Иван Никифорович очень любит этот цвет, — обрадовалась я.

— Жора, принеси покупательнице а-семь, — крикнула Галина.

— Расцветка «небо Италии»? — уточнили из подсобки.

Галина закатила глаза:

— Вот оно, поколение компьютеров! Ни ума, ни памяти, гонору через край, а работать хорошо не способны! Жора! А-семь всегда голубые!

— Здесь белые еще лежат!

— Это а-восемь! Цифры знаешь? А-семь не а-восемь. Восемь не семь! Семь не восемь! И не перепутай стеллажи. Не бери из заказа клуба «Плюс восемнадцать».

— Уж и спросить нельзя, — обиженно протянул парень, выходя в зал, — вечно вы сердитесь.

Начальница отмахнулась от него, как от назойливой мухи:

— Иди отсюда, болтун. Вам в подарочной упаковке?

Я кивнула и вскоре получила коробку, обернутую в бумагу с надписями «День рождения раз в году», перевязанную лентой и оклеенную бантиками.

Очень довольная собой, я вернулась в офис и спросила у Димона:

— Прислала тебе в ватсап имя «Рианатана Кузнецова». Узнал что-нибудь об этой девушке?

Коробков показал на ноутбук.

— Вот фото!

— Хороший снимок, — кивнула я, — но ты ошибся, открыл не тот файл, перед нами изображение Анны Ливровой. Похоже, ее запечатлели в день окончания школы. Девочка стоит на ступенях перед входом в учебное заведение, на ней красная лента с надписью «Выпускник». Певица почти не изменилась с того времени, только косы остригла.

Димон подвигал мышкой.

— Вот то же лицо, но с короткой стрижкой.

Я почувствовала простую человеческую зависть.

— Интересно, как исполнительнице джаза удалось сохранить внешность одиннадцатиклассницы? И ведь она ни на грамм не поправилась! Осталась стройной, ни малейшего намека на живот!

— Не выходила замуж, не рожала, вот и не расплылась в разные стороны, — сказал Коробков. — Что баб губит? От чего они после свадьбы

во все стороны расползаются? Супруга заплучили и успокоились, жизнь удалась, семья есть. За собой следить перестали. Зачем? Мужик в доме имеется, для кого стройность хранить? Мы тортики любим, вот и пожрем их, теперь-то можно, цель достигнута, кольцо на пальце есть.

Я горестно вздохнула. У меня тоже нет детей, а у нашей соседки Насти их четверо. Однако я смахиваю объемами на Кутафью башню, а Семенова тростинка. Ох, похоже, не в беременности дело. Жрать надо меньше!

— Только симпатяшка на экране не Анна, — неожиданно сказал приятель.

— А кто? — удивилась я.

— Рианатана, — пояснил наш компьютерный гуру.

Я не поверила своим ушам:

— Уверен?

— Сам сначала удивился, — признался мой друг, — вот, для сравнения.

Теперь на экране возникли два снимка.

— Можешь сказать, кто где? — продолжал Димон. — Снимки сделаны пять лет назад. Других фотографий Рианатаны в Сети я не обнаружил. Этот снимок взят из инстаграма, который она завела, выставила одну публикацию и более аккаунт не ведет.

— М-м-м, — промычала я, — вроде слева Анна.

— Нет, справа, — засмеялся Коробков, — они прямо близнецы. Но если приглядеться, видно, что у Ани нос чуть шире, ноздри сильнее вырезаны, глаза немного меньше, подбородок тяжелее.

— Чтобы заметить то, о чем ты говоришь, требуются время и внимательность, — пробормотала я, — различия выявляются, только когда два снимка находятся рядом.

— У Ани есть примета, — добавил Димон и увеличил картинку, — небольшой шрам под носом в так называемой «дорожке», которая к середине губы спускается.

— Чтобы увидеть его, надо лупой вооружиться, — заметила я. — Как так могло получиться? Рианатану Регина взяла на воспитание из детдома. Прямо мистика. Две девочки без общей крови выглядят клонами. Рианатану могут останавливать на улицах фанаты Анны, просить автографы, селфи.

— На сцене певица в гриме, — возразил Димон, — вот тебе ее, как нынче принято выражаться, лук! Не подумай, что репчатый.

— Не являюсь фэшн-девушкой, — хихикнула я, — но в курсе, что овощным именем сейчас называют образ человека. Я глупость про фанов

сказала. Вспомнила, что певица работает в парике, макияж у нее в стиле «больной вампир», кожаный купальник или комбинезон. В носу и бровях кольца, в губе болт... И как она не побоялась сделать на лице столько дырок? Наверное, это больно, обычно такой ужас над собой совершают мужчины. Еще агрессивные татуировки на голых руках вокалистки: морды волка, тигра с оскаленными зубами — отнюдь не женские картинки. Подожди-ка! Но у Анны, которая лежит в больнице, чистая кожа, и лицо без железок.

Дима почесал нос.

— Кругом наглый обман. Татушки — переводные картинки, пирсинг — клипсы. Все легко смывается, снимается. Многие представители шоу-бизнеса поступают таким образом. Слышала про юмориста Ваню?

— Нет, — ответила я.

— Правда? — удивился Коробков. — Он из телевизора не вылезает! Ведет комедийные программы с шуточками про гениталии.

Я оторвалась от экрана ноутбука.

— У тебя есть время смотреть телик? Надо дать тебе побольше работы. У нас с Иваном телевизор неделями не включается, не потому что мы его презираем. Просто свободного времени нет.

— У меня тоже, — вздохнул Димон, — но есть в нашем доме Лапуля: фанат шоу. Во всех комнатах и на кухне волшебные ящики разом кричат. Ваня этот, рыжий, кудрявый, толстый, на шее татушка, мне глаза намозолил. Учитывая его бешеную популярность, я, наивный, думал, что мужик шагу по улицам сделать не может, на него толпы кидаются с воплем: «Селфи». И вдруг приходим мы с женой в гости к Антону, нашему заведующему хозотделом, а он шепчет: «Ребята, за столом парень не из бригады. Вы его отлично знаете, хохмач Ваня из телика. Мы с ним в одном классе учились, с тех пор дружим. Он понятия не имеет, где я работаю, думает, я в каком-то министерстве АХО руковожу. Так что о работе ни слова». Лапуля моя прямо запрыгала от радости, ринулась в столовую и разочарованно протянула: «Тоша, ты пошутил? Где Ваня? В комнате сидит лысый дядька, тощий...» Ну и объяснил нам тогда шоумен Иван правду: на сцене он в парике, с накладным пузом, переводной картинкой на шее.

— Ясно, — кивнула я, — став известной певицей, Анна в общественных местах появлялась в образе. Но если хотела, чтобы ее не узнали, не надевала клипсы, не переводила на тело картинки.

— Это меня не удивляет, — продолжал Димон, — другое поражает.

Глава 18

Я мигом сделала стойку:

— Что ты накопал необычного?

Коробков прищурился.

— Внимание на экран. Вот свидетельство о рождении Рианатаны Кузнецовой. Читай. Как тебе?

— Что странного ты в этом нашел? — не поняла я. — Девочка — одногодка Анны Ливровой, дни рождения у родной и приемной дочери Регины Львовны рядом. Риа появилась на свет двадцать пятого сентября, Аня двадцать девятого. Они одногодки. И что?

— На родителей посмотри, — велел Димон.

— Мать Лианатана Эсмеральдовна де Гарсиа, — озвучила я, — заковыристое имечко. Отец у нее был Эсмеральд? Ну и ну! Я думала, что в ходу исключительно женское имя — Эсмеральда.

— Нас интересует отец, — остановил меня компьютерный гуру.

— Григорий Петрович Кузнецов, — прочитала я и осеклась.

— Вот-вот, — кивнул Димон. — Сообразила? У них один папаша. А учитывая факт почти одновременного рождения младенцев, легко сообразить: Лианатана состояла у любвеобильного мужика в любовницах. Григорий одновременно спал с обеими дамами.

— Вот откуда удивительное сходство, — догадалась я, — они таки кровные родственницы, сестры по отцу. Неужели Регина не знала о любовнице мужа и ее дочери?

— Интересный вопрос, но ответ на него я дать не могу, — сказал Димон.

— Почему Рианатана оказалась в детдоме? — продолжала недоумевать я.

— Когда девочка была маленькой, ее мать умерла от передоза, — объяснил Димон. — Не повезло малышке — она появилась на свет у мамы-наркоманки. Красотку обколотую подобрали на улице в невменяемом состоянии. Она зимой босиком по улице шла, из одежды на ней были только халат и панама. Боялась, что ей в феврале макушку напечет. Сначала просто маршировала, потом через дорогу кинулась, едва под автобус не угодила. Водитель вызвал медиков и милицию. Горе-маманю в больницу увезли, там она всем ручкой и помахала.

— Почему женщину, которая сидела на игле, не лишили родительских

прав? — продолжала удивляться я.

— Возможно, она какое-то время успешно скрывала свою зависимость, — предположил Коробков, — однако странно, что ребенок очутился в интернате. У девочки есть тетя, родная сестра ее матери, Тианатана де Гарсиа де Кастильо.

— Похоже, испанка, — проронила я.

— Судя по фамилиям, да, — согласился Димон, — но в документах паспортного стола указано, что дама русская. Она не молода, старше Лианатаны. Живет в Москве в самом центре, преподает иностранные языки, коих знает более двадцати.

— Откуда сведения, что любовница Ливрова была наркоманкой? — спросила я.

— Так в документах о смерти четко указано: «передоз», — ответил Коробков. — Я увидел это слово, стал копать дальше, выяснил, что до смерти Лианатану никогда не задерживали со шприцем, порыскал по медицинским архивам. И! Выигрышный билет! Лианатана регулярно ложилась в обычную городскую клинику имени Волошина. Раз в году там оказывалась: пневмония у нее постоянно случалась. И всякий раз несчастная с больными легкими попадала к одному врачу, Краснову Якову Львовичу. Кстати, он до сих пор практикует, несмотря на отнюдь не юный возраст. Ну и раскинул я мозгами. Какой шанс, что, приезжая в муниципальную больницу, ты каждый год будешь попадать к одному доктору? Это не поликлиника, где ты к районному терапевту прикреплен.

— Почти нулевой, — ответила я, — в стационарах больных ведет эскулап, у которого в палате место есть.

— Вот-вот, — согласился Димон, — значит, господин Краснов лечил постоянную клиентку за денежки. Про запрещенные препараты в истории болезни Лии ни слова не написано. Но, учитывая тот факт, что она скончалась от передоза, я сообразил, что к чему. Конечно, я могу и ошибаться. Вдруг у нее и впрямь было хроническое воспаление легких? А наркотики один раз употребила и сразу на тот свет отправилась.

— В беседе со мной Регина ни словом не обмолвилась о том, кто является отцом Рианатаны, — отметила я, — сомневаюсь, что она не знала правды. Достаточно посмотреть на Рианатану и Аню, и поймешь, что к чему. Где сейчас сестра рок-певицы?

Димон пошевелил мышкой.

— Прописала она в Козьем переулке. Работала медсестрой в разных больницах, всегда в реанимации. Потом устроилась в фирму «Силанс», стала сиделкой, числится там до сих пор. Как домашний адрес указала все

тот же Козий переулок. На имя Рии зарегистрирован мобильный номер, но он не обслуживается. Других телефонов я не нашел. Или она приобрела «серую» симку, или оформила мобильный на чужие паспортные данные.

— Ты звонил в «Силанс»? — поинтересовалась я.

— До твоего прихода пытался не один раз, но у них намертво занято, — посетовал Димон, — легче туда сходить. Офис в соседнем с нами доме находится.

Я встала.

— Сейчас сбегая. Кто там главный?

Коробков взял листок бумаги:

— Баринава Варвара Леонидовна, врач-реаниматолог, она владелица фирмы, открыла ее в восемьдесят девятом году. Возьми зонтик, вроде дождь начался.

— У меня куртка с капюшоном, — отмахнулась я и направилась к двери.

— Подожди, — попросил Димон. — Вы с Ириной Леонидовной нашли ресторан, где будем отмечать юбилей?

— Лучше не говори на болезную тему, — вздохнула я, — похоже, в столице перевелись места, где вкусно и за вменяемые деньги кормят и не мучают посетителей креативными развлечениями.

Коробков протянул мне визитку:

— Держи. Я бросил клич по внутренней интернет-сети, написал: «Ищу харчевню для проведения именин. Подскажите правильный адрес». Естественно, я не сообщил, что кабак нужен для юбилея Ивана. Народ отреагировал вяло, большинство решило пошутить, написали: «Шикуешь, плесень», «Пикник на бензозаправке — это бюджетно». Но нашлось и толковое сообщение от Вали Пономаревой, она прислала сайт ресторана, где ее свекровь недавно выход на пенсию отмечала. Пояснила: «Очень там всем понравилось: еда, обслуживание — все отлично, алкоголь можно с собой принести, есть меню развлечений, но его не навязывают».

— Дай контакт этого трактира, — потребовала я, — времени у нас на поиски совсем нет, отправлю туда Рину на разведку. Все, помчалась в фирму «Силанс».

Бежать было совсем недалеко, за пару минут я добралась до места и, показав рабочее удостоверение девушке на ресепшен, спросила:

— Баринава у себя?

Сотрудница схватила трубку и испуганно зачастила:

— Варвара Леонидовна, к вам из полиции.

У телефона вдруг включилась громкая связь.

— Пусть он проходит, — разнеслось по холлу.

Глава 19

Увидев меня, женщина, которая сидела за роскошным письменным столом с резьбой и позолотой, встала.

— И почему я решила, что в мой кабинет войдет двухметровый мужчина в форме?

— Извините, что вас разочаровала, — в тон ей ответила я, — сейчас век разбушевавшейся эмансипации. Слабый пол отвоевал себе большинство мужских профессий. Разве что командиром подводной лодки женщине пока не стать.

— Не считите меня за ретроградку, но кое-чем прекрасным дамам лучше не заниматься, — заметила Барина, — например, регби. Замечательный вид спорта, но злобные потные, грязные девушки, которые, выстроившись «свиньей», таранят противниц, — антисанитарное зрелище.

— Еще штанга, — добавила я, — совсем не идет она очаровательным блондинкам, впрочем, гири тоже.

— И служба в полиции не сахар, — хмыкнула Варвара, — вот врачом работать хорошо.

— Безусловно, — согласилась я, — но в царской России двери университетов для женщин не открывались. Только в медико-хирургической академии профессора Иван Сеченов и Сергей Боткин разрешили в тысяча восемьсот шестьдесят втором году посещать лекции трем дамам. Среди них была Надежда Суслова, которая считается первым русским врачом-женщиной.

— Вы знакомы с историей медицины? — изумилась Варвара.

Я потупилась. Не рассказывать же владелице фирмы «Силанс», что пару лет назад мы работали по убийству одного доктора, вот тогда я и нахваталась знаний.

— Вступительную часть можно считать законченной, — сказала Барина. — Что за проблема привела вас в «Силанс»? Кто-то болен? Нужна сиделка?

— Слава богу, нет, — вздохнула я, — речь пойдет о вашей сотруднице Рианатане.

Варвара поджала губы.

— Ах, эта!

— Кузнецова в чем-то провинилась? — мигом ухватила я за ее возглас.

— В профессиональном плане претензий к ней не было, — мрачно признала владелица фирмы, — несмотря на мое резко негативное отношение к этой особе, хочу быть объективной. Как профи Рианатана безупречна. Ответственная, аккуратная, дотошная, опытная, с железными нервами. Бралась работать с такими больными, от которых другие сотрудницы опрометью убегали. Однажды я потратила полдня, убеждая свободных сиделок взять молодую женщину со СПИДом, упрашивала их: «Пожалейте несчастную». Нет, и все! Не надеясь на положительный результат, обратилась к Рианатане. У той в глазах такая радость вспыхнула, будто я ей зарплату в десять раз повысила. «Ей тридцать лет? СПИД в терминальной стадии? Говорите адрес!» Прямо подпрыгивала от счастья. Я удивленно спросила: «Почему вы радуетесь?» Кузнецова всплеснула руками: «Как иначе? Я же смогу облегчить ей страдания!»

— Благородно, — кивнула я.

— И Рианатана брала детей, — продолжила свой рассказ Барина, — смотреть на тяжелобольного малыша — серьезное испытание для нервной системы, даже тому, кто ранее в палате для умирающих взрослых служил. Маленьких пациентов всегда до слез жалко. А Кузнецова спешила к ним с восторгом в глазах. Было в ее неутомимом стремлении помочь нечто пугающее. Когда пациент умирал, Рианатана прибегала в офис чуть ли не с песней, говорила: «Да, жизнь бедняги закончена, но он избежал длительных мучений, потому что я находилась рядом». Заказы, из-за которых другие сиделки чуть ли не дерутся, ее не интересовали. Пару лет назад в «Силанс» приехал секретарь ну очень богатого холостяка, которому едва стукнуло сорок. Его хозяин ухитрился, катаясь на водных лыжах, сломать обе ноги и тут же потребовал от помощника немедленно найти ему сиделку не старше тридцати пяти лет. Ей предстояло поселиться вместе с больным на все лето в его доме, который расположен в Италии на берегу моря. Наши каким-то образом узнали об этом клиенте чуть ли не раньше меня. В кабинет, где мы с вами сидим, началось паломничество. Провести несколько месяцев на Средиземном море в роскошном доме, заботясь о богатом холостом парне, у которого не онкология, не склероз, не инсульт, а лишь гипс на нижних конечностях, хотели все. Кроме Рианатаны. Но я решила поощрить ее за самоотверженную работу, вызвала к себе и сказала:

— Собирайся. Летишь в Италию. Больной тебя далеко от себя не отпустит, но время покупаться и съесть пиццу у тебя точно найдется.

Она отказалась:

— Спасибо огромное! Мне с таким больным неинтересно. Он, по сути, здоров. Переломы ерунда. Не мой профиль.

Я начала ее уговаривать:

— Отдохнешь на побережье, — и услышала:

— Я вовсе не устала.

— Чем же такая замечательная девушка вам не угодила? — удивилась я.

— Рианатана взяла очередной заказ, но через неделю приехала в офис со словами: «Извините, не могу работать, ко мне с гнусными предложениями пристаёт сын инвалида». Я страшно рассердилась, позвонила дочери клиента, которая сиделку оплачивала, и сообщила ей об инциденте. На следующий день дама с мужем явились в офис и устроили скандал, кричали:

— Вы нас надули, обещали достойную положительную женщину, а прислали шлюху. Может, у нее ВИЧ, гепатит, сифилис! Только заразиться всем этим нашему отцу не хватало.

Я им ответила:

— Головой отвечаю за порядочность своих сотрудниц. Они все тщательно проверены. Служба безопасности кандидатуры медсестер под лупой изучает.

Что, кстати, истинная правда. Ни одна из моих сиделок не имеет трений с законом, у каждой медкнижка не куплена, а легально получена. И анализы все раз в полгода обязательно сдают, и в форме они работают. Но даже если медсестра носит слишком короткую юбку, то это не дает вам никого права на то, чтобы эту юбку задирать. За сексуальное домогательство я могу на вас в суд подать.

Мужчина вскочил.

— Отлично! А я покажу судье порнуху с вашей чудесной бабенкой в главной роли. Ее там все поимели, включая собаку.

И бросил на стол диск.

— Поставьте его!

Варвара поморщилась.

— Название у ленты невинное: «Земляничная поляна». Но с первых кадров мне стало понятно, что на экране не одноименный шедевр гениального режиссера Ингмара Бергмана, а жесткое порно. Рианатана в главной роли развратной медсестры. Я не знала, куда деться от стыда.

Варвара откашлялась.

— Давно работаю врачом, вижу людей обнаженными постоянно. Но такое! После ухода пары я бросилась в душ, меня стошнило в придачу. Естественно, я мигом уволила Рианатану. Та, представляете меру наглости девчонки, стала отнекиваться:

— Фильмы категории только для взрослых? Да вы что! Мне подобное и в голову не придет!

Но мерзкая девица не знала, что я велела отделу охраны проверить ее материальное состояние. На счетах у дряни была незначительная сумма. Однако у нее оказалась арендована в хранилище ячейка. Что в ней лежит, без ордера не выяснишь, но я задала развратнице прямой вопрос: «Расскажите о содержимом арендованного сейфа. Там гонорары за порносъёмки?» Она ринулась в атаку: «Вы не имели права шарить в банке!» Потом понесла чушь про какие-то дорогие вещи матери, которые могут из дома украсть. Дескать, она сейчас вынуждена снимать жилье в неблагополучном районе. Мне стало так противно, будто я в дерьмо наступила. И я велела ей убираться. Через неделю звонит Ника, моя двоюродная сестра, у нее фирма, как у меня, она тоже врач. Мы не конкуренты, наоборот, помогаем друг другу, но о родстве не кричим. Зачем? Пусть клиенты нас родственницами не считают. Если кого-то «Силанс» не устраивает, он в «Бетт» спокойно идет. А вот если услышит, что мы сестры, то мимо фирмы Вероники пробежит.

Никуся поинтересовалась:

— Знаешь сиделку с оригинальным именем Рианатана? Она ко мне наниматься пришла, рекомендации от всех, в том числе и от тебя, превосходные. Но я заподозрила обман. Характеристика медсестры составлена в не свойственных тебе выражениях. И подпись твоя фальшивая.

У нас с Никой разные фамилии, врунья понятия не имела о нашем родстве и поэтому нагло написала от моего лица самый хвалебный отзыв о себе на бланке «Силанс» с нашей печатью. Ну это мне наука, не держать пустые бланки в открытом доступе. А подпись моя факсимильная. Посторонний человек не заметил бы подлога. Не повезло крысе с Вероникой, которая мигом заподозрила неладное.

Мы обе возмутились и выставили в соцсети предупреждение: «Рианатана Кузнецова — порноактриса, не нанимайте ее сиделкой, она аморальна. Ее занятия ведут к заражению венерическими заболеваниями. Но даже если она не подцепит гонорею, сифилис, ВИЧ, то генитальный герпес определенно уже имеет, а он заразен». Ну и далее в том же духе. Помимо этого, разослали предупреждение по всем конкурирующим агентствам. Таким грязным бабам следует перекрывать доступ к больным людям. Вот такая дурно пахнущая история.

Баринова поежилась.

— Я тщательнейшим образом изучаю биографии потенциальных

сотрудников. Если вижу черное пятнышко, вернее, намек на него, сразу даю от ворот поворот. Люди с криминальным прошлым, с психиатрическим диагнозом, те, кто более двух раз в разводе или имеющие перерыв в работе три года, моментально слышат от меня «нет!». Всякие белокурые красавицы в коротеньких, обтягивающих их формы юбчонках тоже маршируют мимо. Мне не нужны неприятности. Сиделок часто нанимают с проживанием. Поселится такая силиконовая долина в чужом доме, станет перед хозяином постоянно мелькать... Мужики — слабые существа, главный орган у них отнюдь не мозг. Зашевелится нижний этаж, верхний в момент отключится, шаловливые ручонки к медсестре потянутся, а тут законная жена ненароком вернется домой в неурочный час. Сиделка-то скалкой по темечку получит и на улице окажется. А назавтра в мое агентство адвокат клиента явится с вопросом:

— Как проблему решать будем? Предпочтете обсудить денежные вопросы? Или пойдете другим путем? Имейте в виду, в суд на вас можно подать за то, что проститутку в дом прислали.

Ежу понятно, что я раскошелюсь! Репутация долго зарабатывается, но вмиг теряется.

Варвара Леонидовна замолчала.

— Рианатана Кузнецова до сих пор числится вашей сотрудницей, поэтому я и пришла в «Силанс», — объяснила я.

— Не может быть, — покраснела Баринова, — я избавилась от нее, причем не вчера, а намного раньше.

— Тем не менее на вашем сайте она есть в списке свободных сиделок, — возразила я.

— Компьютерщик идиот, — разозлилась хозяйка фирмы, — забыл удалить имя!

Глава 20

Вернувшись в офис, я безуспешно искала Димона, собрала тех сотрудников, кого нашла в офисе, рассказала им о беседе с Бариновой. Потом спросила, в каком состоянии Анна.

— В том же, — уточнил Илья, — лежит в палате на аппаратах. В отношении суицида есть у меня сомнения. Ну какая у певицы причина, чтобы покончить с собой? Она очень хотела пробиться, не один год лезла наверх, на износ работала.

— Похоже, Анна не отличалась особой щепетильностью, — остановила я Аверьянова, — ее один раз задержали за проституцию.

— И отпустили, — сказал Димон.

Я повернула голову на звук:

— Не слышала, как ты вошел.

— У меня ботинки, как у кошки лапы, — улыбнулся Коробков. — Надумал проверить еще раз более тщательно биографию Анны. Побеседовал с Виктором Маловым, начальником отделения, куда будущую звезду вместе с феями ночной трассы привели. Оказалось, это он Ливрову прихватил, в тот год еще не сидел в теплом кресле, по улице бегал. Полицейским сообщили адрес, где работает бордель, который прикидывался ночным клубом. Они туда прискакали и замели всех девиц и клиентов. Прихватили и Аню. Но она никого не обслуживала, не на кровати с мужиком валялась, сидела одна в маленькой комнате, там только гримерный стол был, зеркало и стул. Малову Ливрова спокойно объяснила:

— Не продаюсь за деньги. Я певица. Меня сюда пригласили для выступления.

Коробков поморщился.

— Ну и как должен был поступить служивый? Перед ним ярко накрашенная девица в кожаных шортах, сетчатых колготках, ботфортах, вместо майки или рубашки на красавице кожаная размахайка. Ага! Певица она! Большой театр! Такая же шлюха, как все, да еще и врет нагло. Ее товарки попроще, массажистками назвались. Но вскоре после того, как толпа девушек оказалась в отделении, начальник велел отпустить Анну. Ничего не объяснил, просто приказал:

— Ливрова уходит. Она поет под гитару, музыкант.

У того, кто в то время руководил отделением, уже ничего не спросишь, он умер. Но у Виктора создалось впечатление, что босс знал проститутку,

может, был ее клиентом. Почему он так решил? Задержанных запихнули в обезьянник, девицы начали кричать, топать ногами, требовать воды, ругались, свистели. В общем, вели себя как обычно, но в тот день шум рассердил шефа. Он вышел из кабинета, решил сам сказать «ночным бабочкам», что о них думает, и увидел Аню. Ливрова, в отличие от уличных фей, не хамила, а молча сидела на полу. Своим нетипичным для задержанных спокойствием она привлекла внимание шефа, тот всмотрелся в девушку. И вдруг, по словам Виктора, который находился около начальника, на лице последнего промелькнуло изумление. Он велел отвести Анну в свой кабинет и через минут десять приказал Виктору извиниться перед девушкой и отпустить ее.

— Возможно, приехав в столицу, Анна какое-то время стояла на перекрестке, — согласился Илья, — но потом она начала петь в разных трактирах, выиграла на конкурсе у Игрова, ее взял под свое крыло Никита. Многие исполнители мечтают спрятаться за спиной этого весьма удачливого продюсера. Ливрова сделала карьеру, собирала стадионы. Из-за чего женщины в основном глотают таблетки? Нет личной жизни, работы, жилья, заболела. Или бедолагу бьют, издеваются над ней. Но у Анны и востребованность, и слава, и квартира, и здоровье — все есть. И никто с певицей жестоко не обращался. Нет у нее ни малейшего повода для ухода из жизни. Мое мнение: Анна принимала антидепрессанты регулярно.

— Ты сам себе противоречишь, — остановила я Аверьянова. — Если в жизни все отлично складывается, зачем пить транквилизаторы?

— Элита шоу-биза часто использует разные таблетки, — заспорил Илья, — у артистов из-за бесконечных гастролей бессонница, голова кружится, давление скачет. Вот и лопают звезды пилюли, которые часто сама себе прописывает. Думаю, Аня пошла проторенным другими путем. Прочитала в интернете об антидепрессанте и купила его.

— Такие средства без рецепта не отпускают, — заметила Лиза.

Аверьянов усмехнулся.

— Всерьез это сказала? Аня из телевизора не вылезала, ей фармацевты и так упаковку дадут.

— Или у нее свой доктор есть, у которого синица голосистая лечилась тайком. Полис у звезды от самой дорогой московской клиники, но там Лаврову не видели, карточки на нее нет, — добавил Димон. — Знаменитости часто так поступают, встанут на учет в одном месте, не таятся. Нередко им полисы в рекламных целях дарят, чтобы на своем сайте указать: у нас вот какие люди лечатся. А в реальности кумир совсем по другому адресу докторов посещает. Зарегистрирован там не на свою

фамилию. В России понятия врачебной тайны почти не существует. Пресса элементарно покупает медсведения, а доктора в телеэфирах громогласно объявляют, кому какую подтяжку делали.

— А! Это пластические хирурги, — поморщился Аверьянов.

— И что? — удивился Димон. — Им можно болтать?

Илья потер шею.

— Да фиг с ними. Вернись к Анне. Она вполне могла превысить допустимую дозу препарата. Проглотила одну капсулу, не отпустило, повторила, сон не пришел, съела третью...

— Глупость полная, — пожал плечами Димон, — или есть депрессия, и тогда появляется повод для суицида. Или ее нет, но в этом случае не нужны «колеса» и не возникает мыслей о самоубийстве.

— В моей практике был случай, когда женщина просто перепутала лекарства, — произнесла Елизавета, — думала, что принимает средство, которое перед занятием фитнесом глотала, оно для мышц. Вытряхнула в раздевалке таблетки из упаковки, сказала подруге: «Совсем я от работы офигела, таблетки маленькими кажутся». И через десять минут ей плохо стало. В сумке нашли бета-блокатор, он снизил частоту сердечных сокращений до недопустимого уровня. Погибшая перепутала тубы, взяла дома на кухне препарат, который ее матери прописали.

— Давайте подведем итог, — сказала я, — мы точно знаем, что Аня выпила лекарство, которое вызвало сильную сонливость, а потом потерю сознания. Девушка умирала. Но ей повезло. В квартиру вошел Крис.

— Он попал внутрь, потому что дверь оказалась не заперта, — напомнила Лиза, — но так часто поступают самоубийцы, не хотят, чтобы их мать или кто-то из близких нашел. Или если они одинокие, то боятся, что тело долго не погребенным пролежит.

— Чем дольше думаю о ситуации, тем более странной она мне кажется, — пробормотал Димон, — все говорят о ненависти, ревности, зависти Криса к Анне. Девушка стала любимицей Игрова. Гумби отошел на задний план, он больше не номер один. Работают они в разных жанрах. Он исполняет тяжелый рок и ведет себя соответственно. Она — джазовая певица с другим образом жизни. Гумбанов хам. В интернете полно сообщений о тех, кто Крису под горячую руку попал и лещей получил. Анна сдержанна при посторонних. О каком совместном проекте могла идти речь?

— На месте девушки я бы с Крисом разговаривать не стала, — буркнула Лиза. — Зачем он ей? С таким свяжешься — неприятностей не оберешься.

Я взяла чашку и пошла за кипятком.

— С какой целью тогда певица Константина к себе пригласила? Домой позвала? Они никогда не дружили, должны были встретиться на нейтральной территории.

— Возможно, джаззумен боялась, что ее тело в квартире разлагаться начнет, — вновь поднял уже завершённую тему Коробков.

— И поэтому пригласила рокера? — усмехнулся Илья. — Ей больше некого было позвать?

— Похоже, у Анны вообще нет близких, — вздохнула я, — с матерью она не общается, любовник отсутствует. Или они так зашифровались, что мы парня найти не можем. Мужа официального у нее нет. Кстати, о семейной жизни. Мы так пока и не нашли Криса. Необходимо поговорить с Фаиной Пшенкиной, его законной супругой.

— Сильно сомневаюсь, что они жили вместе, — возразила Лиза.

— Константин с ней пошел в загс, значит, испытывал некие чувства к Пшенкиной, — сказала я.

— Не обязательно, — хором произнесли Илья и Димон, потом Коробков добавил: — Мужики простые механизмы, вечером они хотят готового ужина, телика и чтобы супруга не зудела. Рубашки самому лень стирать-гладить, обед готовить надо, еда из коробки скоро надоест, квартиру убирать ломает. Женитьба от быта избавляет.

— Проще домработницу нанять, — перебила его я.

— Это если с деньгами порядок, — не сдался Илья, — коли финансы поют романсы, помощница не по карману. И секс. Для удобной жизни парню требуется поломойка с умением готовить, стирать, гладить. Такие берут недешево. Ну и любовница. Она обойдется еще дороже: букеты, конфеты, подарки, походы в кино, кафе, не дай бог, в торговый центр. Сейчас девушки не такие, как моя мама. Отец ей ни разу за годы брака ветки сирени не подарил, ничего стоящего не купил, а она о нем неустанно не первое десятилетие хлопочет. Нынче красавицам подавай парня с толстым кошельком. И, Дима, хозяйничать они не хотят.

— Женщины разные, — остановила я Аверьянова, — но ты прав, на супругу тратят меньше, чем на любовницу.

— А вот и нет, — азартно кинулась в спор Лиза, — мужики не любят, когда деньги не пойми куда утекают. Машину, квартиру любовнице редкие парни покупают.

— Я говорил о мелочах, маленьких, но приятных, — не дрогнул Илья, — типа сумочки, платья. Вроде это не так и накладно, но когда вместе сложишь, о-го-го сколько получается. Жене можно сказать: «Хватит

с тебя одной пары обуви, нет у нас денег на шесть пар туфель». Она подуетя и перестанет. А просто баба жадиной его обзовет и смоеся.

Я посмотрела на часы.

— Елизавета, ты завтра едешь в Васюкино. Федора отправлю к Пшенкиной. А куда подевался Ершов? Просила его посмотреть квартиру Анны.

— Пока не приехал, — ответила Лиза.

Глава 21

Не успела я войти в прихожую, как туда в сопровождении Мози и Роки прибежала Рина.

— Ты одна? — прошептала она. — Вани нет?

— Он еще на работе, — пояснила я, — вернется поздно.

— Отличненько, — обрадовалась свекровь, — я нашла ресторан! Ура! Все танцуют рок-н-ролл! Иди сюда!

Я не успела ничего сказать, Рина схватила меня за руку, притащила в свою комнату, сунула листок и приказала:

— Читай!

— Меню, — произнесла я вслух, — пять видов салатов, три с итальянской заправкой, два с майонезом. «Цезарь» с курицей, авокадо с креветками, морепродукты с зеленью, «Оливье»...

— Последний я заказала, потому что все его любят, это наша российская традиция. Нет «Оливье» — и праздника нет, — затараторила Рина, — жульен из грибов, цыпленок в кокотницах — это горячие закуски. Основное блюдо на выбор — или телятина, или котлеты из индейки, или сибаc. Торт. Мороженое. Овощи, фрукты, соленья, пирожки...

Минут пять я изучала список и обрадовалась:

— Отличный стол. Наконец-то нормальная еда за обычную цену. Но вино не указано.

Рина приложила палец к губам:

— Тсс! Оно уже куплено и спрятано в гостевой комнате, куда Ваня никогда не заглядывает. Выпивку разрешили принести свою.

— Здорово, — сказала я.

— Димон отличный адрес подсказал, — ликовала свекровь. — Мы успели буквально в последнюю минуту. План действий таков: завтра с утра делаем вид, что не помним о дне рождения.

— Иван не поверит, — вздохнула я, — мы же его сначала уговаривали гостей собрать.

— И слышали: «Не хочу даже упоминаний о тусовке», — напонила Рина, — вот мы и набрали в рот воды. Выполняем просьбу мужа и сына. Ни гугушечки не говорим про юбилей! Подарки не дарим! У нас обычный день! Вот так! В шесть вечера Ваня меня повезет к зубному, я ему уже сто десять раз напонила, жаловалась, что коронка слетела. Но на самом деле мы приедем в ресторан.

Я мигом раскритиковала хитрый план:

— Иван заметит вывеску, сообразит, что ты его обманула, и удерет. Он тебя регулярно к стоматологу Темкину сопровождает, поэтому прекрасно знает его адрес.

— Ха! — подпрыгнула Рина. — Аркадий Залманович приглашен на юбилей. Я ему объяснила проблему, мы с ним операцию разработали. Сегодня Темкин позвонил Ване и сообщил: «Завтра ко мне вечером записана Ирина Леонидовна. Поскольку она явно забыла, то напоминаю тебе: в моей клинике ремонт, мы временно устроились в другом помещении, высылаю адрес тебе на ватсап. Не смущайся, над входом висит вывеска «Веселуха». В здании работает какой-то то ли клуб, то ли детский центр, то ли ресторан. Вам с мамой идти надо не через большую дверь, а левее, там невзрачная створка». Все предусмотрели! Если Ваня в интернет полезет и увидит, что ему меня надо по адресу «Веселухи» везти, то Темкин все четко объяснил. И с трактиром все тип-топ! Они на боковой двери вывешат объявление: «В связи с ремонтом клиники «Голливуд» главный врач А. З. Темкин ведет прием здесь». Мы с Ваней войдем и окажемся в служебном коридоре, он как в медучреждении, стены светлые, пол из плитки, двери по бокам белые, все отмыто до блеска. Аркадий Залманович явится за час до начала торжества, притащит рекламные плакаты: «Самые лучшие зубные щетки», «Крем для протезов». Темкин их на стены скотчем прикрепит. На двери, которая ведет в зал с гостями, будет объявление: «Кабинет А. З. Темкина». И на другие двери повесят бумажки с именами врачей. Ваня войдет, а там! Стол! Гости! Ура!!! С нами он капризничает, не желает справлять юбилей, а при виде людей куда деваться?

— С ума сойти, тебе только спецоперации по внедрению агентов под прикрытием организовывать, — восхитилась я, — но есть маленький недочет. На дворе октябрь, холодно...

— Ваня будет в куртке и ботинках, — перебила меня Рина, — и я тоже, но у входа поставят корзинку с бахилами. Аркадий Залманович уже предупредил: «Иван Никифорович, помещение временное, гардероба нет. Оставьте с мамой верхнюю одежду в машине».

— Ты гений, — признала я.

— Сказала же: я рассчитала все до мелочей, — похвасталась свекровь.

— Ни разу не была в гостях, где все голые, — заметила я.

— У тебя бедный жизненный опыт, — хихикнула Рина, — я имела в виду, что нужен карнавальный костюм.

— И где его взять? — растерялась я.

— Какие у тебя планы на завтрашний день? — осведомилась Рина.

— Утром я должна поехать к Тианатане де Гарсиа де Кастильо, поговорить с ней. Потом вернусь в офис, а оттуда в ресторан, — объяснила я.

— Вот это имя и фамилия, — восхитилась Ирина Леонидовна, — наверное, испанка носит мантилью, на руках у нее кружевные перчатки, платье в пол, шею обвивает изумрудное ожерелье, а в волосах гребень, к которому прикреплена тряпка, смахивающая на тюль. Забыла, как она называется.

— Так это и есть мантилья, — улыбнулась я.

— Да? — не поверила Рина. — Всегда считала, что так называется передник.

— Дома есть кто живой? — крикнул Иван.

— Он вернулся, — зашептала свекровь, — завершаем беседу. Все поняла?

— Да, — тихо ответила я. — А подарки когда дарить?

— В ресторане, конечно, — тихо произнесла Рина и убежала.

Глава 22

На госпоже де Гарсиа де Кастильо не было ни мантильи, ни кружевных перчаток.

Услышав от меня:

— Не подскажите, где найти Рианатану? — хозяйка потупилась.

— Мне неизвестно место пребывания племянницы. Она давно покинула этот дом, ей здесь было тесно.

— У вас огромные апартаменты, комнат шесть, наверное, — удивилась я.

— Ошибаетесь, — возразила хозяйка, — девять.

— И Риа тут не поместилась? — не удержалась я от сарказма.

Хозяйка встала.

— Пойдемте, покажу, где она жила.

По бесконечным коридорам мы дошли до небольшого холла, Тианатана открыла выходящие в него резные дубовые двери.

— Слева спальня, справа гостиная, ванная, туалет, кухня. Правда, сейчас я переделала последнюю под жилое помещение.

— Отдельная квартира в квартире, — удивилась я.

Тиа сложила руки на груди.

— Апартаменты достались мне от отца. Вы когда-нибудь слышали об острове Мардито?

— Нет, — призналась я.

Хозяйка поманила меня рукой:

— Давайте вернемся в гостиную. Какой кофе вы предпочитаете? Капучино? Эспresso?

— Лучше чай, — попросила я.

Мы опять устроились в большой комнате и завели неспешную беседу.

— Мой прапрапра- и так далее дед, сказочно богатый, влиятельный человек, поругался с испанским королем, — объяснила Тиа. — Ссориться с монархом, даже если вы с пеленок дружили, у одного педагога учились и сто раз в детстве дрались, весьма неразумно. Но дон Фелипе отличался на редкость гневливым нравом, а его жена — сверхъестественной вздорностью. Семейные предания утверждают: Фелипе мог сказать что угодно кому угодно, а Лауренсия то и дело раздавала пощечины прислуге. Друг друга муж и жена ненавидели, брак они заключили по настоянию родителей, которые решили объединить капиталы. Семейная казна

потучнела, но счастья золото молодым не принесло. Из века в век переходил рассказ, как Фелипе с боем заталкивали в опочивальню жены, чтобы он исполнил супружеский долг, фамилии требовались наследники. Уж не знаю, как прапрапра... дед принуждал себя к сексу, но у них с Лауренсией появилось восемь детей. Выжил один. Сын Эсмеральдо.

Что у Фелипе произошло с королем, никто не знает. Но секретарь монарха в своих воспоминаниях указал, что их высочество решил засадить друга детства за решетку, его жену придушить по-тихому, а младенца утопить. Времена стояли простые, если кто тебя обидел, убей его и живи дальше счастливо.

Я постаралась не рассмеяться. Сомнительно, что клеветник короля мог такое написать. Но не стану мешать хозяйке излагать семейные легенды. Тиа продолжала:

— Несмотря на взрывной нрав, у Фелипе были верные слуги, они и доложили ему о планах короля. Благородный дон схватил сына, Лауренсию и сбежал. Некоторое время семья скиталась по разным странам, супруга подцепила какую-то заразу и умерла. Фелипе, который, убегая, не забыл повесить на шею мешок с раритетными драгоценными камнями, женился на девушке, чей отец владел островом в океане, и стал вести тихую семейную жизнь. Эсмеральдо вырос, похоронил отца, деда, бабушку, мачеху и объявил себя королем Мардито.

Несколько веков семья де Гарсиа жила на земле, окруженной со всех сторон океаном. Мужчины считали себя королями, их жены королевами, а дети говорили, что они принцы и принцессы. И, как заведено в монарших семьях, де Гарсиа носили свои родовые имена. Первых мальчиков называли Эсмеральдо, девочек Лиа, Тиа и Риа. Почему так? Вторую супругу беглого Фелипе родители нарекли Тианатаной, его теща была Лианатана, а золовка Рианатана.

Тиа кашлянула.

— Ну не стану вас утомлять подробным рассказом о древней истории своей семьи. Скажу лишь, что в конце восемнадцатого века мои предки переехали в Англию, потом в Германию, затем в Испанию, там и остались. Де Гарсиа де Кастильо, наша фамилия стала звучать так, вернули один из замков, и до того момента, как Франко^[3] пришел к власти, жизнь семьи текла безоблачно. Когда каудильо воссел на трон, братья моего отца уехали кто куда: Америка, Великобритания, Канада. А папа поспешил в СССР, он считал себя коммунистом, хотел жить в Москве. Самое интересное, что папуля избежал репрессий, советская власть к нему почему-то всегда благоволила: дали огромную квартиру, прикрепили машину с шофером.

Они с супругой жили как райские птички. Мамуля, естественно, не работала, родила меня и Лианатану. Папуля преподавал иностранные языки. Он был бонвиван, жуир, обожатель женщин, на всех европейских языках свободно изъяснялся. Во все тяжкие Эсмеральдо пустился, когда жена неожиданно умерла. На похоронах супруги вдовец рыдал так, что упал в обморок, все полагали, что он долго будет безутешен. Но через неделю после поминок утром из папиной спальни вышла горничная Лена. Мама сдерживала мужа, железной рукой управляла им. После ее кончины отец стал вести себя, как хотел. Каждый день у нас шумели вечеринки, гости оставались ночевать, все пили-ели-курили. Мне происходящее совсем не нравилось, я сидела в своей комнате, рисовала картины, планировала стать художницей. А вот Лиа обожала веселье, она всегда находилась в гостиной, плясала со взрослыми, пила вино, курила сигареты с марихуаной. Отец не обращал внимания на нас, мы росли, как крапива. Когда мне исполнилось семнадцать, отец умер от передозировки, перенюхал кокаина. А Лиа впервые оказалась в клинике для наркоманов.

Тиа сложила руки на груди.

— Хорошо помню, как я утром проснулась, посмотрела на календарь и обрадовалась: тридцатое декабря! Завтра Новый год! Сегодня ставим елку, вешаем игрушки... Взрослые поздно вечером зашуршат пакетами, мы с сестрой не заснем, будем подглядывать в замочную скважину, ждать, когда в гостиную тайком понесут подарки... И вдруг до меня дошло. Ничего не будет. Родители умерли, Лиа, еле живая, лежит под капельницами. Некому покупать, украшать рождественское дерево, не окажутся под ним красивые коробки. Я заплакала, потом решила: надо все делать самой, вытерла лицо и пошла на кухню. А там! Пир горой. Наша домработница с компанией! Еды полный стол, выпивка... Я всех разогнала и взялась за хозяйство. Пригласила тихую порядочную женщину в горничные. Где взяла деньги? Вызвала оценщика, к которому отец всегда обращался, тот сказал:

— Знаю эту коллекцию, у вас подлинники великих мастеров. Никого из посторонних в дом не пускайте. Ограбят вмиг!

Тиа рассмеялась.

— При отце у нас проходной двор был! И ничего не пропало, потому что гости и подумать не могли, что у нас на стенах висят раритеты. Все так смеялись, когда хозяин, выпив, начинал рассказывать про ссору прапрапра... с испанским королем. Приятели считали Эсмеральдо веселым, щедрым фантазером, который охотничьи истории про свое аристократическое происхождение сочиняет. Учтите, Эсмеральдо говорил о родовитости в те годы, когда граждане Страны Советов опасались

признаться, что их предки во времена крепостного права в барских покоях вениками размахивали. Любого могли вызвать в партком и строго спросить:

— Значит, ваша родня дружила с графами?

И бесполезно было объяснять, что «дружить» и «служить» — разные глаголы. Прощай, долгожданная путевка в солнечную Болгарию, да и в Крым в профсоюзную здравницу не поедешь. Вроде придаться не к чему, у человека крестьянское происхождение, но зачем его предки ходили в дом к Шереметеву со шваброй? Ох, что-то с гражданином не так. Наши люди у графьев ковры не чистили. Пусть ненадежный человек сидит дома, живет в коммуналке, отодвинем его очередь на квартиру подальше. Советские люди понимали, что язык, который надежно спрятан за зубами, — залог семейного благополучия. А у Эсмеральдо он мотался, как у коровы хвост. Поэтому ему не верили. Одни считали его дурачком, который спит с кем-то из дочерей членов Политбюро, и поэтому у него иммунитет. Другие думали, что он энкавэдэшник, умело притворяется идиотом. А что еще можно было предположить, входя в роскошные апартаменты неподалеку от Кремля и видя на столе икру, сервелат, ветчину, швейцарский сыр — раритетные продукты для рядового обывателя тех лет. Да зарплаты педагога не хватит на два дня такой жизни. Ясно, что мужик где-то еще получает большие суммы. На самом деле благополучие Эсмеральдо объяснялось примитивно. Когда в ящике письменного стола заканчивались купюры, хозяин, насвистывая веселую мелодию, снимал со стены очередную картину и вызывал оценщика Григория Петровича Кузнецова.

— Кого? — подпрыгнула я.

Глава 23

— Григория Петровича Кузнецова, — повторила Тиа, — папа с ним где-то познакомился. Где именно, не спрашивайте, понятия не имею. На самом деле Гриша не имел права заниматься оценкой, он работал учителем или директором в подмосковной школе. Но он любил искусство, знал о картинах все, смотрел на пейзаж и мигом рассказывал, где его художник рисовал, в каком году, вываливал кучу сведений о живописце. Григорий держал в голове все аукционные цены, был в курсе, какой музей сколько заплатил за ту или иную работу. Загадка, где он в советское время полную информацию находил? Интернета-то не было. Эсмеральдо звал Григория, тот ему рассказывал все про полотно, потом отец обращался в аукционный дом и, если ему сильно занижали стартовую цену, уносил картину в другое место. Гриша просвещал Эсмеральдо, объяснял ему, как надо беседовать с продавцами, учил особой лексике. Люди все разные, многим хочется нагреть руки на наивности и безграмотности обладателя шедевра. Возьмут и скажут: «На предлагаемом вами портрете сплошные кракелюры, цена поэтому резко падает». Некоторые владельцы картин умрут, но не признаются, что они кое о чем понятия не имеют, не спросят: «Вас ист дас кракелюры?» И лишаются денег. А папа, когда один хитрец песню о снижении цены завел, в лицо ему рассмеялся: «Милейший, кракелюры — трещины на красочном слое или лаке на картине — обычное явление. Сквозные или частичные, тонкие или широкие, они присутствуют на большинстве полотен старых мастеров. Вам рассказать, чем обусловлено их возникновение? Мне сообщить вам, что мошенники делают на копиях кракелюрную сетку, чтобы дурачки решили: «О, перед нами точно подлинник!»? Прощайте, с вами, пронырой, дела иметь не желаю». Думаете, отец знатоком искусства был? Да нет, Григорий его подготовил.

Тиа опустила голову.

— После похорон папы денег не осталось совсем. Я позвонила Кузнецову, попросила: «Помогите мне найти картину для продажи и займитесь поисками покупателей». Он не отказал, коротко ответил: «Конечно». Если бы знать, чем моя просьба обернется!

Хозяйка умолкла.

— Полагаю, Кузнецов не из христианского милосердия читал владельцам картин лекции по искусству, — предположила я.

— Он брал десять процентов от суммы, которую получали клиенты, —

объяснила Тиа.

Я молча смотрела на собеседницу. Вот вам и бедный директор провинциальной школы! Теперь понятно, на какие средства Регина купила дом в Подмоскowie. Здоровенный трехэтажный особняк и бескрайний участок, скорее всего, оплачены из заначки супруга. Надо проверить, брала ли она ипотеку, но что-то мне подсказывает: нет.

— Григорий определил полотно для продажи, — вещала тем временем Тиа, — все отлично получилось. Кузнецов к нам с Лианатаной несколько раз заезжал потом, спрашивал, чем помочь. Мне в голову прийти не могло, что сестра с ним роман завязала. У них была внушительная разница в возрасте, Григорий Петрович отнюдь не красавец, обычный мужик самого скромного вида, женат. И вдруг! Лианатану стало тошнить по утрам. Шок! Я устроила сестре допрос, та, как волчонок, огрызаться принялась: «Мне восемнадцать. Я уже взрослая. Хочу малыша, он моя радость, я уже люблю его». Естественно, я попыталась растолковать ей азбучные истины: дети должны появляться на свет в законном браке, становиться матерью в юном возрасте глупо, нужно получить профессию. Пока не поздно, надо избавиться от беременности. Но ни к чему положительному эта беседа не привела. Лиа с кулаками на меня набросилась: «Гадина! Уговариваешь сына убить?» И объявила мне войну, заявила: «Полкквартиры мои! И пятьдесят процентов денег, которые ты за картину получила, тоже!»

Тианатана склонила голову набок.

— Я показывала вам холл, куда двери из комнат сестры выходят. Так вот, в конце коридора, там, где он в холл перетекает, обезумевшая дурочка стену возвела, хорошо, что не кирпичную. Пробила на лестницу вторую входную дверь. У нее оказались две ванные, в одной она оборудовала подобие кухни, сделала из дедовских апартаментов две квартиры и прекратила общение со мной. Слава богу, она не сообразила лицевой счет разделить. Кто ее любовник, я тогда не знала. Новорожденного мне не показали, только детские крики я постоянно слышала. Понятия не имела, какого пола чадо на свет явилось: мальчик или девочка? Спустя пару месяцев после постройки нашей личной «берлинской стены» меня взяли на работу. В России появились богатые люди, те, кто вмиг разбогател на продаже продуктов, автомобилей. Они начали ездить за границу, лечились там, покупали вещи. Предприимчивый мужик Семенов Валерий понял, где золотые монеты зарыты, и основал фирму «Медтурист», ее клиенты летали в Германию, Францию, Италию, проходили там всякие врачебные процедуры, а потом опустошали местные торговые центры. У меня свободное знание английского, немецкого, французского, испанского,

итальянского, восточные языки не считаю, я подучила необходимые термины и стала сопровождать нуворишей. В Москве почти не показывалась. Укачу на два месяца с одним клиентом, вернусь, а мне через день новых туристов дают. Один раз, идя домой, я увидела Григория, который от Лианатаны выходил. Но поскольку младшая сестра забрала себе полквартиры со всей обстановкой и картинами на стенах, я не удивилась. Понятно! Дурочка наследство распродает. А потом!

Тиа приложила ладонь ко лбу.

— В очередной раз возвращаюсь в Россию, в двери записка: «Срочно позвони. Григорий». Конечно, я схватилась за телефон, оценщик ко мне приехал. Разговор у нас вышел долгий, я только моргала, когда Кузнецов правду выкладывал. Он без обиняков заявил: «Лиа в клинике. Передозировка героина». Я так и села! Моя сестра наркоманка? Что может быть ужаснее? Но Кузнецов на этом не успокоился, давай дальше вещать. От его слов мне вмиг дурно стало. У сестры, оказывается, растет девочка, названа Рианатаной, отец ее Григорий. Лиа давно сидит на героине, Гриша ее лечит, но толку нет. Под конец он вопрос задал:

— Тиа, возьмешь племянницу под свое крыло? Лиа — не жилец на белом свете. Она с пагубным пристрастием не справится, погибнет. Я дочку забрать не могу, жена не знает о Лианатане и о том, что я оценщиком подрабатываю, у нас есть дочь Аня, ровесница Рии, разница у малышей в возрасте несколько дней.

Я настолько обомлела от новостей, что стала оправдываться:

— Я не справлюсь с крошкой, работы много.

Хотя объясните, по какой причине я должна заниматься чужим ребенком, который появился на свет из-за глупости и блуда?

Кузнецов начал настаивать:

— Бросай службу. Я алименты Лие плачу, но, если ты Рианатану примешь, тебе деньги давать буду.

Естественно, я выгнала его. Через год Лиа умерла, Рианатану определили в детский дом, я ремонт сделала, восстановила первоначальный облик апартаментов. Когда вошла в ту часть, которую сестра себе отгородила, меня чуть не стошнило. Грязь неопишуемая, стены голые, ни одной картины, мебели нет. В комнатах на полах рваные матрасы валяются. Наркоманка все продала, отраву покупала. Поскольку лицевой счет мы не разделяли, я просто стала жить как раньше.

Тианатана вскинула подбородок.

— Думайте что хотите, ничье мнение меня никогда не интересовало. Да, я не взяла к себе Рианатану. Не люблю детей, не умею с ними

обращаться, у меня своя жизнь. Если б я хотела родить, могла найти такую возможность, но материнство никогда меня не привлекало. И у Рии был родной отец, который не пожелал ссориться с законной женой, решил, что сестра любовницы съест кашу, которую прелюбодей заварил. Ну уж нет. Собирать в чужом пиру похмелье — не мое хобби. Связь с племянницей я никогда не поддерживала, желания видеть ее не испытываю. Вот так.

— Но девочка прописана здесь, — напомнила я.

Тиа закатила глаза.

— Верно. По месту жительства матери. Я понимала, что, когда она вырастет, могут возникнуть проблемы, но не делала никаких телодвижений, не пыталась ее лишить квадратных метров. Прошли годы, и вдруг в гости прикатила Регина Львовна, законная жена Григория. Я ее визиту отнюдь не обрадовалась, но вежливо спросила:

— Что вас ко мне привело?

— Гриша скончался. Перед смертью он мне открыл правду о внебрачных дочерях, — заявила баба.

Я в очередной раз подпрыгнула.

— Дочерях? У Лианатаны было несколько детей?

Глава 24

Тианатана налила в пустые чашки остывший чай.

— Нет. Слава богу, у Лии родилась только Рианатана. Но Григорий был любвеобилен, хуже павиана. Умирая, он покаялся жене, что постоянно ей изменял. Для меня осталось загадкой, каким образом некрасивый, немолодой Гриша ухитрялся соблазнять юных девушек. Чем он их привлекал? Регина пояснила:

— У Гриши две внебрачные дочери. Рианатана и...

Тиа умолкла, потом продолжила:

— Имени не помню. Простое очень. Маша, Таня, Лена...

— Катя? — подсказала я. — Степкина?

Хозяйка провела ладонью по скатерти.

— Совсем не помню. Пусть она Екатерина, эта девочка ненамного старше Рии, на пару месяцев, а вот моя племянница почти в один день с законным ребенком Григория от Регины родилась. И ее имя я тоже не запомнила. Валя, Галя...

— Аня, — вздохнула я.

— Возможно. Когда Регина стала про интимную жизнь блудливого самца вещать и постоянно спрашивать: «Вы понимаете?», я не выдержала и на очередной вопрос дала ответ:

— Мне ясно, что супруг не хранил вам верность, имел на стороне двух незаконнорожденных девочек, которых сделал почти одновременно с ребенком, рожденным в браке. Интересы к чужим похождениям я никогда не испытывала, они мне противны. Однако в связи с услышанным у меня возник вопрос: зачем вы приехали?

Регина заявила:

— Гриша попросил взять девочек на воспитание, я человек добрый, поэтому стала матерью троих детей. Пришла вас предупредить: Риа у вас прописана законно, вычеркнуть ее из домовой книги вы не сможете. Если хитростью девочку выгоните, она на вас в суд подаст. Но есть ведь и другой суд, Божий. Я человек воцерковленный, пойду в храм и прокляну вас на иконе. Под каким христианским именем вы крещены?

Тиа усмехнулась.

— Нельзя назвать Регину умной. Я ей спокойно ответила: «Не ныряла в купель и не собираюсь этой глупостью заниматься. В проклятие не верю. А вот в том, что полиция вас может отсюда вывести, уверена на сто

процентов. Немедленно покиньте мой дом. Я хозяйка квартиры, что хочу, то и делаю!»

И выгнала оборзевшую бабу. Когда за Региной дверь захлопнулась, мне тревожно стало. Законы я знаю плохо, а ну как Риа на самом деле права на квадратные метры имеет? Я обратилась к опытному адвокату. Тот мне объяснил, какие бумаги оформить, чтобы Риа в случае возникновения у нее претензий на квартиру осталась ни с чем. Конечно, я собрала весь пакет, подстелила соломки. Но никто более не появлялся, меня не тиранил. Я и успокоилась. Отлично помню, как однажды вечером, ложась спать, стала размышлять: «Хорошо, что Регина исчезла, наверное, она скончалась, раз не приезжает и не пытается у меня комнаты отвоевать. Хотя опасаться мне теперь некого и нечего, все сделано так, что Рианатана с носом останется. Регина прикидывается сострадательной женщиной, которая решила детей любовниц мужа воспитывать. Некоторые ей в ноги поклонятся, осанну пропоют. Но я-то понимаю, почему она девочек пригрела. Ко мне приехала, чтобы дорожку к роскошной московской квартире протоптать. И от старшей девочки тоже что-то получить собралась. Хитрая, но глупая дрянь. Стала меня пугать своим проклятием, почему-то она вдруг испугалась, что я Рианатану выпишу. Спасибо ей за безголовость, предупредила меня о своих планах. Я теперь во всеоружии». Думала, думала, заснула, а ни свет ни заря звонок в дверь разбудил. На часах было восемь утра. Я халат накинула, по коридору потопала. Кто в такую рань приехал? У меня много друзей, масса знакомых, но все они люди прекрасного воспитания. Без приглашения не явятся. И тут меня осенило! Людочка Ветивицкая! Она на этаж выше живет, с ее маленького балкона на мой широкий, прямо как терраса, вещи ветер зашвыривает. Люда по старинке бельишко на улице вывешивает. Улетят у нее тряпочки, бежит Ветивицкая ко мне. И я распахнула дверь, не посмотрев в домофон.

На площадке оказалась не Люда, а Регина. Я ее сразу узнала. С хамкой явились два человека, мужчина и женщина. Вдова Кузнецова, забыв поздороваться, пальцем на меня показала и спросила:

— Вы родная тетка Рианатаны? Ведь так?

Я растерялась, поэтому машинально ответила:

— Да.

Нахалка продолжала:

— Лианатана, ваша сестра, давно скончалась. Апартаменты никогда не принадлежали другим людям, только семья де Гарсиа в них жила. Верно?

Вопрос снова адресовался мне, но я уже успела справиться с удивлением, поэтому вежливо, но твердо ответила:

— Информация верна. В этих апартаментах мои предки де Гарсиа де Кастильо поселились давно. А теперь соизвольте объяснить причину вашего визита.

Мужчина открыл рот, но Регина не дала ему высказаться.

— Риа все сделает ради Анечки. Девочки считают себя близнецами. В ваших хоромах полно дорогих картин, подлинников, они стоят таких денег, что закачаешься. Да хоть в холле посмотрите.

И тычет пальцем в полотно, которое на стене красуется. Несмотря на странность ситуации, мне стало смешно. Да, я владею коллекцией редких работ кисти великих мастеров, но есть и мусор. Что будет, если снять, допустим, вот это полотно?

Тиа показала на картину в дорогой раме, которая висела слева от больших, явно старинных напольных часов в резном деревянном корпусе.

— Ничего, — пожала я плечами, — останется пустое место и крюк.

— Вот именно, — кивнула хозяйка, — и еще след, потому что под творением рук Ханта^[4] краска не выцвела. Тем, кто войдет в комнату, вмиг станет ясно: что-то отсюда убрали. Эсмеральдо не хотел делать ремонт, но и не желал, чтобы его многочисленные гости догадались: он продает живопись. Поэтому отец заказывал копию и водружал ее на место проданного подлинника. Тех, кто по-настоящему разбирается в живописи, единицы, остальные приходят в восторг, посмотрев на табличку с именем автора. Регина показывала на мазню, творение рук современного маляра, но ее спутники закивали, зацокали языками:

— О! Кустодиев!

Потом мужик стал снимать ботинки. Я ехидно поинтересовалась:

— Молодой человек, что вы собираетесь делать?

Он ответил:

— С порога видна стоимость жилья и какая у него начинка. Но мы обязаны дать официальное заключение по оценке апартаментов. Не хочу натоптать, поэтому вот обувь скидываю.

У меня в глазах потемнело.

— Что? С какой стати вы собираетесь производить сие действие?

— Нас Регина Львовна пригласила, — воскликнула женщина, — ее воспитанница Рианатана хочет взять в нашей банке крупную сумму под залог принадлежащей ей недвижимости.

Тиа хлопнула ладонью по столу.

— Я схватила телефон и сказала: «Считаю до трех. Немедленно уходите, или я обращаюсь в полицию! Риа здесь прописана без права на жилплощадь! Убирайтесь».

Они убежали, но Регина посмела вернуться, стучала в дверь, кричала:
— Впустите!

У нас приличный дом, соседи меня уважают как представителя древнего аристократического рода. Скандал — пятно на моей безупречной репутации. Исключительно ради сохранения своего честного имени я открыла дверь и велела:

— Немедленно уходите. Не испытывайте мое терпение.

И начался цирк! Баба стала умолять:

— Я хочу строить дом. Мечтаю помогать детям, у которых родители развелись и снова брак заключили. Я их у себя поселю, стану им родной матерью.

Я растерялась.

— Желаю вам успеха. Зачем вы ко мне явились?

Регина пустилась в объяснения:

— Денег нет. Риа может кредит взять под залог своих квадратных метров. Мой пансион начнет приносить доход, я погашу долг банку, с вашей квартирой ничего не случится.

Тиа рассмеялась.

— Она решила, что я дурочка, которая позволит себя облапошить. Уж не знаю, зачем сей пройде на самом деле деньги понадобились, но я в тот момент разозлилась и просто вытолкала ее вон. В буквальном смысле схватила за плечи. Никогда так ни с кем не поступала. Представляете, до чего меня эта особа довела? Де Гарсиа де Кастильо дерется, как базарная торговка! До сих пор стыдно. Хотела бы ту сцену забыть, да не получается. Так когда я ее вытолкала, Регина заорала:

— Я людей пришлю, они голову тебе открутят. Риа полной хозяйкой этих хором после твоей смерти станет.

Тианатана покраснела.

— Не очень приятная история, — заметила я.

Хозяйка схватила со стола салфетку и начала ею обмахиваться.

— Слабо сказано. А вот наконец и кофе с чаем. Татьяна, поставьте поднос на стол и удалитесь.

Тианатана наполнила мою чашку и сделала глоток из своей.

— До того случая я жила в плане безопасности весьма беспечно. Но после сменила входную дверь на стальную. Подключилась к пультам охраны.

Тиа взяла из вазочки шоколадную конфету и развернула фантик.

— Попыталась забыть про этот визит, однако не сразу получилось. Мебель в квартире антикварная, дубовая, она «живет», издает звуки. Лягу

спать, какой-нибудь шкаф скрипнет, я подпрыгиваю на кровати: а-а-а, кто-то ко мне войти пытается, убить меня хочет!

Тианатана неожиданно рассмеялась.

— Поставила в спальне швабру, схвачу ее — и вперед. Палка со щеткой — отличное оружие! Анекдот просто! Увидит преступник даму в халате с «ленивкой» в наманикюренных лапках и лишится сознания от хохота. А я его шнуром от занавесок свяжу, в полицию сдам, медаль за храбрость получу. Потом я перестала нервничать, а мерзкая баба меня более не беспокоила.

Глава 25

Выйдя от Тианатаны, я позвонила в офис и, рассказав Димону о беседе, спросила:

— Как у нас дела?

— Народ к Ивану толпой идет, подарки несет, — засмеялся Коробков. — Вот думаю, наш с Лапулей презент боссу сейчас вручить или в ресторане?

— Лучше в ресторане, — посоветовала я, — надеюсь, никто из приглашенных не проговорился о празднике.

— Наши люди умеют молчать, — заверил Димон.

— Кто-то мог машинально ляпнуть: «Увидимся в восемь», — вздохнула я.

— Наши случайно не ляпают, — возразил Коробков. — Ты куда катишь?

— В офис, — объяснила я. — Кто-нибудь из членов бригады на месте?

— Один я сижу у компа, — протянул Димон, — Елизавета в Васюкине, Федор отправился к Пшенкиной, а! Михаила тоже нет! Может, тебе лучше поехать... э... куда-нибудь, чтобы вечером быть неотразимой на юбилее, о котором нельзя громко говорить?

— Зачем? — спросила я. — Отправлюсь в ресторан прямо из кабинета, платье-туфли в машине едут, утром их прихватила.

— И в салон не зарулишь? — удивился Коробков. — Макияж, прическа, цветы в локонах, стразы, приклеенные к челке. Лапуля уже давно красоту наводит, маникюр-педикюр, укладка, эпиляция...

— Цветы в локонах — не мой стиль, — между прочим, уже въезжаю на служебную парковку.

Прежде чем войти в свой кабинет, я поднялась к мужу и нашла его в окружении разнокалиберных пакетов и большого количества букетов.

— Откуда они узнали, что у меня юбилей? — жалобно спросил супруг. — С утра веники тащат! Чувствую себя кинозвездой! Разве мужчин принято клумбами одаривать?

— Расслабься, народ хочет продемонстрировать тебе свою любовь, — улыбнулась я, — потерпи, через неделю ажиотаж закончится.

— Семь дней?! — испугался Иван. — Почему так долго?

— Не знаю, — ответила я, — но, по моим наблюдениям, поздравления сначала потоком падают на юбиляра в день даты, затем капают еще шесть

суток. Просто улыбайся и говори: «Спасибо, очень приятно».

— Я так и делаю, но уже устал, — пожаловался Иван Никифорович.

Я протянула мужу пакет.

— Уж извини, я тоже с презентом. Давай считать, что это не поздравление, просто новая рубашка.

— О-о-о! Спасибо, — обрадовался Иван, — я всегда...

Договорить он не успел, дверь кабинета распахнулась, появилась главный бухгалтер Зинаида с большой коробкой в руках, за ней шагал рядовой состав финчасти в количестве десяти женщин. У всех дам сверкали лаком монументальные прически, вместо обычной одежды они нарядились в нечто парчовое, бархатное, со стразами и вышивкой, а многострадальные ножки впихнули в лодочки на высоком каблуке. Да и макияж впечатлял. На щеках большинства бойцов денежного фронта цвел ярко-розовый, добытый из коробочек румянец, а помада поражала буйством оттенков. В толпе даже нашлась девушка с зелеными губами. Зато брови у всех были одинаковыми: широкие, густые, чернее некуда. Похоже, тетеньки ходят к одному мастеру, который, используя единственный трафарет, сделал им вечный татуаж.

— Дорогой наш Иван Никифорович! — звонко произнесла Зинаида. — От всех душ поздравляем с юбилеем. Желаем здоровья, счастья, повышения по службе, денег побольше.

Главбух откашлялась.

— Мы всем коллективом написали для вас стихи.

В твой веселый день рождения
Нам разреши тебе сказать
И подарить поздравленье,
Долгих лет пожелать...

Зинаида махнула рукой.

— Пожелать, пожелать, пожелать, — хором подхватили красавицы.

— Большое спасибо! — воскликнул Иван. — Очень приятно. Давайте подарки и...

Муж замолчал. Я навесила на лицо самую сладкую улыбку. На что угодно готова спорить, Иван явно собирался завершить фразу словами: «... уходите побыстрее», но вовремя осекся.

Из толпы выдвинулась Елена, заместительница Зины, и закричала:

Этот день не громкий праздник.

Нет красного числа в календаре,
Но мы счастливы до жути, что
Вы появился на земле!

Последний глагол явно был неправильный, но это не помешало «поэтессе».

— Большое спасибо, очень приятно! — уже с меньшим восторгом повторил шеф.

Елену сменила старейшая сотрудница Нина Ивановна.

Дни пролетают все быстрее,
Вот уже и ты старик.
Но мы же знаем,
Иван Никифорович вечно душой молодеет
И в гроб ложиться не спешит!

Глаза мужа округлились, но он кивал:
— Спасибо, спасибо!
Вперед выскочила бойкая Леночка и затараторила:

На горизонте маячит пенсия,
Жить осталось на год меньше.
Но вам не стоит переживать,
Мы спляшем и выпьем
И тихо в ночь уйдем.

На сей раз супруг не смог выдать из себя слов благодарности, он стоял и моргал.

Бухгалтерши зашептались. Я быстро схватила коробку конфет с подоконника, открыла ее и промурлыкала:

— Девочки, угощайтесь! Поскольку народу очень много, а кабинет небольшой, то сладкое, торты-пирожные-мармелад-шоколад вас ждут в столовой. Там же чай-кофе, какао-лимонад.

— Но мы еще не закончили, — возразила Зина. — Тамара, хватит стесняться!

Из заднего ряда выползла толстушка в красном платье.

В день рождения вспомните вы
О старухе с косой, что ночью однажды

Придет за тобой.
Не советую смерти бояться.
Памяти о вас на века оставаться.

Иван попятился и плюхнулся в кресло. Я решила притормозить парад рифмоплетов.

— Дорогие, у вас очень большое стихотворение...

— Каждая из нас от души написала один кусок поэмы, — заявила Зина, — все хотят свою часть прочитать.

— М-м-м, — простонал муж, — прекрасно. Спасибо!

— Теперь Вера, — приказала главбух.

И тут, на наше счастье, в дверь постучали, она открылась, раздался сердитый бас:

— Эй, бухгалтерия! Вы там чего застряли? Мы тоже хотим подарок вручить. Времени мало, в шесть босс сваливает.

— До восемнадцати мы не успеем, — расстроился кто-то из финсотрудниц.

— У вас, наверное, есть рукопись? — осведомилась я. — Отдайте ее Ивану Никифоровичу, он перед сном внимательно ее прочтет. Сейчас ему спокойно насладиться вашей поэмой не дадут.

Зинаида положила на письменный стол папку.

— Хорошая идея. Только потом скажите, понравилось ли! Мы жутко старались, теперь переживаем.

— Спасибо, очень приятно, — попугаем повторил супруг.

Орда тетушек выдвинулась в коридор.

— Почему они вещали про мою скорую смерть? — недоумевал Иван.

— Забудь, — посоветовала я и увидела бригаду Виктора Мосова в полном составе. Компьютерщик Женя и агент Тимофей вдвоем тащили нечто огромное, плоское, явно тяжелое.

— Забыли, — завопил из приемной хор женских голосов, и орда бухгалтерш влетела в кабинет.

— Эй, бабы, вы тут уже целый час торчали, — возмутился Мосов, — теперь наша очередь.

— Подарок назад унесли, — пояснила Зина, — стихи до конца читать не станем, только презентик вручим. Антонина, Наташа, Вера, музыку!

У одной из женщин в руках оказалась дудка, у двух других детские барабаны. Началось исполнение «симфонии». Звуки вонзились в уши, как раскаленные ножи в масло.

— Тетки! — взвыл Виктор. — Вы с ума сошли?!

Зинаида проигнорировала его вопли:

— Теперь, когда отыграли фанфары, позвольте вручить вам, нашему глубоко обожаемому шефу, подарок! Вот!

Главбух засунула руку в пакет и вытащила оттуда нечто чудовищное, круглое, серо-желто-белое, покрытое бородавками. Я прищурилась, чтобы лучше рассмотреть странный предмет.

— Что это? — тоже не понял Иван.

— Даже мне интересно стало, — пробормотал Мосов. — Ну и хренятина!

— Перед вами подушка в виде мозга, — объяснила главбух, — она набита перьями экологически чистой куропатки и луково-гречишно-чесночной шелухой. Каждый вечер, ложась на нее и вдыхая волшебнопьянящий аромат, вспоминайте нас и забывайте о работе. Берите!

Иван взял жуть.

— Нюхайте! — приказала Зина.

Муж поднес кошмар к носу и принялся отчаянно чихать.

— Супер, да? — обрадовалась главбух. — Нам всем очень понравилось, и недорого, и полезно.

— Подарила? — рявкнул Мосов. — Теперь проваливайте!

Бухгалтерши скорчили недовольные гримасы, но дружно удалились.

— Парни, снимайте пленку, — велел начальник.

Женя и Тимофей в мгновение ока выполнили его приказ. Я увидела египетскую пирамиду, а перед ней монументальный трон. На золотом стуле восседала фигура с телом собаки и головой Ивана. На макушке у мутанта красовалась огромная корона.

Я начала отступать к двери. Возможно, пес — это какой-то египетский бог. Почему я подумала о стране, в которой теперь любят отдыхать россияне? Так ведь пирамида. Где она еще может стоять? В Мексике? Верно, только там эти сооружения другие. Похоже, Мосов решил дать понять Ивану, что тот божество. Однако появились вопросы. Из множества вариантов выбрали тот, что с телом собаки. Может, это намек вовсе не на божественность начальника, а на то, что он ищейка? Гончая? Но тогда к чему пирамида и трон? Ваня — царь? Однако у него корона, которую в торжественные моменты носит английская королева. И что за мелкая крыса сидит у ног, то есть у лап царственной ищейки? Грызун весьма тучен, ему нужно срочно сесть на диету. И мордочка у крысы, она... Я прищурилась, внезапно поняла, что у шушеры мое собственное лицо, и выпала в коридор, трясясь от хохота.

Глава 26

— Что подарили Ивану? — поллюбопытствовал Димон, когда я вошла в переговорную. — Судя по твоему виду, нечто эпохальное и...

В комнату влетела Елизавета, Коробков сразу замолчал. Девушка опустилась на стул и выпалила:

— Ну я вам сейчас много интересного расскажу.

— А у меня ничего хорошего, — сообщил Федор, возникая на пороге.

— Они обедать ходили, — объяснил Димон, — почти одновременно вернулись, увидели, что тебя нет, и потопали в столовую.

— А там одни торты, конфеты, пирожные, — возмутился Михаил Юрьевич, — только сладкое.

— Вовсе нет, — возразил эксперт, садясь за стол, — бутерброды с колбаской, сыром, все бесплатно. Еще салаты в корзиночках из теста, шашлычки, обильный стол, однако.

— У какого-то местного начальника юбилей, вот он и решил сотрудников попотчевать. Хорошая идея, — заметила Лиза.

— Нездоровая пища, — поморщился Ершов, — сей босс явно страдает ожирением, если сам так питается.

— Давайте лучше сразу к делу, — предложил Коробков. — Таня, ты не против, что я рулить начал?

— Нет, — ответила я, — все правильно. Не стоит вести пустые разговоры. Кто первый?

Федор поднял руку.

— Пшенкина Фаина оказалась деловой конкретной дамой. Криса у нее в квартире нет. И никогда он там не жил. Брак фиктивный. У Фаины был авторитарный папаша, который даже после смерти решил управлять дочерью. Отец считал всех женщин дурами, а дочь самой главной идиоткой, поэтому до самой своей кончины не позволял ей принимать самостоятельные решения. Мать Пшенкиной рано умерла, отец воспитывал девочку один. Вернее, он нанял ей армию гувернанток, шофера, чтобы возил наследницу в школу, потом в институт, компаньонку, которая везде таскалась за Фаиной, чтобы та не подружилась с плохими людьми. Фая окончила вуз, стала работать, она оставалась девушкой в прямом смысле этого слова. У бедолаги просто не было возможности уединиться с мужчиной, цепные псы не дремали и кусали любого рыцаря, собиравшегося сорвать созревший абрикос. Сочный плод висел на ветке,

потом стал плавно превращаться в курагу. Фае очень хотелось простого женского счастья, но отец постоянно говорил:

— Посмотри на себя в зеркало. Красоты нет, ума тоже. О какой любви может идти речь? Парням нужны мои деньги. Ты лишь способ подобраться к капиталу, возможность стать зятем самого Пшенкина, влезть в руководство фирмы. Работай, дура, набирайся опыта, в жизни главное — трудолюбие.

Фая днем исправно выполняла обязанности личной помощницы отца, а ночью тихо плакала в подушку. Спустя годы Николай Сергеевич заболел, услышал от врачей, что жить ему осталось всего ничего, испугался за глупую, неспособную принимать стратегические решения, не знающую правды жизни Фаину, и его занесло в противоположную сторону. За пару дней до смерти Николай вызвал адвоката, нотариуса и составил завещание.

Когда конверт вскрыли, Фаина узнала, что фирмой покойного папы до ее бракосочетания будет руководить совет директоров. Бизнес она в свое полное распоряжение получит лишь после замужества. Но есть одно условие: супруг должен быть минимум на пять лет моложе Фаи.

— Похоже, отец сошел с ума, — не удержалась от резкого замечания Фаина. — Где я найду такого жениха?

— Он перед вами, — живо ответил адвокат, — у нас именно такая разница в возрасте. Я готов заботиться о вас всегда. Полон решимости находиться во главе фирмы вашего отца.

— Я вас не люблю, — возразила Пшенкина.

— Ерунда, — отмахнулся юрист, — привыкнете. И, даю слово, не стану вам докучать. Делайте что хотите, отдыхайте, гуляйте, покупайте вещи, посещайте спа.

— В моих планах только работа, развитие семейного дела, — возразила Фаина, — образ жизни дыни на бахче меня не прельщает.

— Роль светской дамы нравится каждой, — улыбнулся юрист, — оставьте бизнес умным мужчинам вроде меня.

Фая чуть не выпалила: «Если ты такой гигант разума, почему тогда получаешь зарплату из чужих рук, а не сам платишь деньги своим сотрудникам?» Но Пшенкина умела прикусить язык и вслух произнесла:

— Я должна подумать.

— Пожалуйста, — не стал спорить адвокат, — все равно лучше меня вам никого не найти. Я идеально подхожу по всем параметрам, начиная с возраста, о котором упомянуто в завещании. Не соблюдете папины условия? Не достанется вам фирма.

Вечером того же дня Фаина, которая после погребения отца миглом

уволила шофера, охрану, домработницу, то есть весь штат прислуги, нанятый Пшенкиным, отправилась в ночной клуб. На нее, немодно одетую и значительно старше остальных посетителей, никто не обратил внимания, в свою компанию не позвал. Пшенкина одна сидела в снятой ложе и смотрела на танцпол, где отрывалась молодежь. Фая испытывала тоску пополам с горечью. Ее юность прошла под железной пятой отца. Она никогда не плясала с мальчиками до утра, не пила ядовито-розовые или кислотно-зеленые коктейли, не носила мини-юбки и обтягивающие маечки. И зачем она сюда приперлась? Глупая старая дева. Она решила, что встретит на молодежной тусне будущего супруга? Замуж за мерзкого адвоката Фая никогда не пойдет. И что делать? На глазах у нее закипели слезы, и тут в ложу поднялся парень с гитарой.

— Вы кто? — удивилась Фаина.

— Крис — композитор, певец, поэт, — представился юноша, — сочиняю музыку, стихи. Здесь подрабатываю на жизнь. Похоже, вы богатая, одна целую ложу сняли. Давайте спою вам за небольшие деньги.

— Если никуда не торопишься, лучше просто поболтаем за те же деньги, — предложила Фая, — у меня трудный период.

— Что случилось? — с неподдельным интересом спросил Крис.

И сдержанная, не приученная вываливать перед посторонними людьми свои проблемы Фая неожиданно рассказала Крису про жизнь с отцом и завершила долгий разговор словами:

— Адвокат считает меня кретинкой. Я уверена, что он воспользовался болезненным состоянием папы и посоветовал ему внести пункт о моем молодом муже. Отец находился под воздействием сильных лекарств, они ему мозг затуманили. Но он считался дееспособным, вот юрист и постарался. Мерзавец решил, что я мигом соглашусь за него замуж выйти. А вот ему!

Крис увидел фигуру из трех пальцев, которую сложила Фая, и рассмеялся.

— Пошли танцевать.

— Я не умею, — смутилась Фая.

— Тут никто не умеет нормально двигаться, — успокоил ее Крис, — народ пьян, каждый прыгает как хочет. Давай, хватит изображать подушку.

Фаина провела чудесный вечер, Крис угостил ее коктейлем, потом он пел на сцене и махал Пшенкиной рукой, а девочки-посетительницы наполнились завистью к женщине, ради которой старался юноша с гитарой. Утром Фая очнулась в маленькой комнате на узком диване, рядом спал Крис. Неделью они вели рок-н-рольный образ жизни. Фаина везде ездила с

Гумбановым на дешевом, еле живом от старости мотоцикле, а парень тратил на любовницу свои деньги. У Пшенкиной он ни копейки не взял. Ночевала пара в конуре, которую бог весть где снимал никому не известный певец. На восьмой день угар прошел.

Фая и Крис сели рядом, поговорили ладком. Ни у парня, ни у женщины не было никаких иллюзий. Оба понимали, что не останутся навек вместе. Просто в тот момент, когда Фаине стало невыносимо тоскливо, а Крис из-за неудач на музыкальном поприще рухнул в яму отчаяния, они случайно встретились и пожалели друг друга. Это была любовь на неделю.

— Это здорово, — радовался Крис, — кое у кого даже одного счастливого дня в жизни не было. А у нас целых семь получилось. Слушай, давай поженимся. Мне от тебя ничего не надо, сам пробьюсь, не привык жить за счет баб. Но тебе нужен штамп в паспорте, чтобы получить фирму, урыть адвоката. А мне позарез необходима московская прописка. Просто поможем друг другу.

— Ну... это... как-то, — забормотала Фая.

Крис щелкнул ее по носу.

— Эй, что ты делаешь? — взвизгнула Фаина. — Больно.

— Скорлупу бью, — засмеялся рокер, — яйцо рушу, в котором ты окопалась. Папаша твой идиот. Хорош его бояться. Неделю ты нормальным человеком была. Вот и оставайся им. Получишь фирму, я столичный адрес, и разведемся потом. Напишу бумагу, что никогда не стану претендовать на твои квадратные метры и все имущество, заверю ее у нотариуса. О'кей?

И они пошли в загс.

— Но брак не аннулировали, — заметила я.

— Нет, — кивнул Федор, — Фаина объяснила, что после того щелчка по носу у нее возникло ощущение рухнувшей бетонной стены, которая сжимала ее в день первой встречи с Крисом. Благодаря Гумбанову она стала другим человеком, возглавила бизнес. С рокером у нее до сих пор прекрасные отношения, но у него и у владелицы крупной фирмы напряженные графики, найти день для встречи им трудно. Когда Фая свободна, Крис находится на гастролях. Когда он может пригласить Пшенкину в ресторан, у той забот по уши. Два года тому назад им удалось вместе провести отпуск. Друзья улетели в отель «Соло». Гостиница расположена на крохотном острове, в ней всего четыре номера. Там, вдали от фанатов, журналистов и просто любопытных зевак, оттягиваются знаменитости. И перелет, и проживание — совсем не дешевое удовольствие. Но за комфорт вкупе с секретностью надо платить. Фаина и Крис выкупили все номера. Она полетела вместе со своим любовником,

Крис с девушкой, которую представил Пшенкиной как невесту.

Федор вынул из сумки айпад.

— И вот вам чудесный кадр. Океан, песок, Гумбанов, Фаина и...

— Анна! Звезда продюсерского центра Игрова! — воскликнул Димон. — Вот это фортель! Фигура у нее на зависть всем! Надо понимать так, что запечатлел веселую компанию мужик Пшенкиной.

— Да, — согласился Федор, — бизнесвумен о нем никакой информации не сообщила, но понятно, что красавец женат. Иначе зачем так шифроваться?

— Значит, Крис и Аня жили вместе, — резюмировала я.

— Но они, по словам многих свидетелей, прессы, постоянно скандалили, — протянула Елизавета. — Крис многократно орал, что ненавидит новую звезду Никиты.

— Ты веришь журналюгам? — рассмеялся Федор.

— Нет, — начала оправдываться Трифонова, — я понимаю, что в интернете и в прессе правды не найти. Но ведь о ненависти Гумбанова к Ливровой говорили и сотрудники центра Игрова. Татьяна велела мне туда съездить, потолкаться по коридорам, не сообщать, кто я, откуда, прикинуться девушкой, которая хочет администратором наняться. В офисе половина сотрудников уверена, что Крис пытался убить Анну, потому что его пожирала зависть к певице. А вторая часть считает, что Гумбанов пытался лишить жизни Лаврову, потому что певица стала звездой номер один, по мнению Никиты, он вкладывал в Анну много денег.

— Похоже, их плохие отношения — хорошо поставленный спектакль, — протянула я, изучая снимок, который показал Федор, — пара выглядит совершенно счастливой. Их скандалы — пиар-акция, которую затеял наш заказчик Никита Сергеевич Игров.

— Врун! — вскипела Лиза.

— Шоу-бизнес такой, — кивнул Димон, — кому нужна правда жизни?

— Я не об этом говорю, — отмахнулась Елизавета, — Игров пришел сюда с просьбой найти Криса и доказать его непричастность к тому, что случилось с певицей. Но не сообщил правды о взаимоотношениях рокера и Анны. Он не знал, что в этой комнате лгать нельзя? Ведь информация о связи между двумя звездами выводит Гумбанова из-под подозрения!

— С чего ты так решила? — удивился Федор.

— Константин испытывал к Анне сильное чувство, — отрезала Лиза. — У него на фото такой взгляд! Сразу понятно: это любовь.

— От любви до ненависти один шаг, — усмехнулся Димон, — но и обратный путь короток, некоторые мужчины сначала терпеть не могут бабу,

а потом вдруг опля! Она становится для него лучше всех.

— Многим порой любимую придушить хочется, — пробормотал Федор, — схватят ее за горло, сдавят как следует, потом на труп глянут, раскаются, похороны оплатят. Мы, мужики, эмоции плохо сдерживаем. Сначала в глаз заедем, потом шубу купим. Когда я в убойном служил, большинство мужиков, кто убил жену-тещу-любовницу, ничего заранее не планировали. Баба вечером начала: «Нам поговорить надо, ты такой-сякой...» Парень молчит, терпит, ждет, когда она заткнется, а та лишь сильнее заводится, видя, что мужик вроде как спокоен. Ну и в какой-то момент он вскакивает, хватает что под руку попало и в дуру кидает, берет ее за плечи, встряхивает. Голова скандалистки резко назад откидывается, потом вперед и... Хлыстовой перелом шейных позвонков. Частая травма при ДТП, от нее подголовник спасает. Но у глупой любительницы скандалить из спины предохранительная подушка не торчит. Упс! Труп! Приедешь на такое происшествие, мужик бьется в истерику:

— Не хотел убивать ваще! Просто из себя вышел!

— Ужас, какие парни несдержанные, — воскликнула Лиза, — мы, женщины, умеем терпеливо и тихо переживать трудности в отношениях.

— Ага, — засмеялся Федя, — была у меня девушка. Тихая! Спокойная! Милая! Ни одного замечания за год совместной жизни. Всегда на губах улыбка! Слова поперек не сказала. Я уж начал думать, не жениться ли на ней. Идеальная хозяйка и вздорности-глупости-скандальности-истеричности никакой. А потом! Прихожу домой, по всей квартире вонь, дым. В ванне гора тряпья тлеет. На кухне записка: «Дорогой Феденька! Я устала собирать по всем углам и закоулкам твои раскиданные носки. Ненавижу их! Мой психолог объяснил, что подавленные желания вредят здоровью, поэтому сегодня я в последний раз сгребла гадость, которую ты расшвырял, бросила ее в ванну, заодно добавила к ней рубашки, трусы (ненавижу стирать исподнее), высыпала туда геркулесовые хлопья, которые ты каждое утро лопаешь (ненавижу варить овсянку), положила пульт от телевизора (ненавижу, когда ты в экран пялишься), отправила в общую кучу футбольные журналы (ненавижу, когда ты их читаешь), полила все это твоим шампунем с ароматом виски (ненавижу запах алкоголя) и подожгла!!! И как же мне сразу стало хорошо, любимый! На радостях я пошла в магазин, хочу купить новую сумочку, скоро вернусь. Целую». И как вам такое?

— Совершенно неадекватный поступок, — оценила поведение девушки Лиза, — в корне неправильный!

— Рад, что у тебя... — начал Федя, но Елизавета его перебила:

— Жечь шмотье нужно исключительно после свадьбы. До бракосочетания надо терпеть все закидоны идиота, улыбаться ему и помнить: потом оторвешься, когда штамп в паспорте поставишь. Вот получишь его, тогда отомстишь за свои мучения.

Миркин открыл рот, да так и остался сидеть.

— Федь, где ты шампунь с ароматом виски купил? — любопытствовал Димон.

Я кашлянула.

— Давайте займемся делом. Елизавета, что интересного в городке Васюкино ты узнала?

— Может, в детстве Анны сей населенный пункт и считался городом, — затараторила Лиза, — но сейчас это просто забытый богом маленький поселок. Рассказываю по порядку.

— Отлично, мы слушаем, — кивнула я.

Глава 27

В советские годы в Васюкине работал завод, где производили порошок для чистки разных бытовых предметов, там трудились и жители окрестных деревень. В начале девяностых предприятие умерло. Народ осел дома. Через несколько лет фабричные помещения купил бизнесмен, который начал производить стиральные средства, и местный люд снова устроился на работу. Пролетело время, владелец фирмы куда-то делся, цеха закрылись. Больше никто интереса к фабричным помещениям и административному зданию не проявлял, постройки тихо ветшали, потом осыпались и развалились. Васюкино из небольшого городка плавно превратилось в деревеньку. Народ побежал в разные стороны, в домах остались лишь те, кому некуда деться. Школа, больница и магазины закрылись. В наше время в Васюкине осталось четыре улицы: Ленинская, Комсомольская, Первомайская и Заводская. Электричка на полустанке более не останавливается. Рейсовый автобус тормозит за три километра от населенного пункта в местечке Самойлово. Вот там очаг цивилизации, есть и супермаркеты, и баня, и ларек с газетами-книгами, и лавка с хозяйскими товарами, и рынок, и больница, и отделение полиции, и школа. Васюкинцы ездят в Самойлово на велосипедах, мопедах или бредут пешком.

Летом в Васюкине сказочно: лес, речка, ягоды, овощи со своего огорода. К бабушкам привозят внуков, и начинается бурная жизнь. В конце августа дети уезжают, четыре улочки погружаются в сон. Осенью и ранней весной местные старики не могут добраться до Самойлова. Короткая дорога через лес раскисает, по грязи, в которой вязнут ноги, на велосипеде не проехать. А пешком по шоссе далеко. Правда, есть гужевой транспорт у деда Корнея: лошадь, телега и сани. Корней спокойно катается в баньку, но бесплатно соседей не возит, жадному деду надо заплатить. Когда местные старушки, которым хочется купить карамелек или баранок к чаю, начинают просить:

— Корнеюшка, ты все равно в городок на лошадке едешь, окажи милость, привези нам сладенького, — старик делает характерное движение пальцами:

— Гоните проездные, кобылка за так не бежит, ее кормить надо.

— Окстись, дед, — сердятся бабушки, — откуда у нас лишние деньги, сам знаешь, какие пенсии получаем.

— Нет денег, нет карамелек, — меланхолично говорит Корней.

Сейчас на дворе октябрь, мороз пока не ударил, Васюкино окружает море грязи.

Елизавета приехала в населенный пункт в семь утра. Бабушка Трифоновой живет в селе, моя новая сотрудница прекрасно знает, когда лучше прикатить в деревню, чтобы спокойно побеседовать.

Лиза вошла в первую избу, показала хозяйке удостоверение, стала расспрашивать про Ливровых. И тут Анна Ивановна, владелица дома, спросила:

— Твоя, доченька, машина у забора стоит?

— Да, — подтвердила Трифонова.

— Красивая, — восхитилась старушка, — большая! Сколько ж таких, как я, в ней поместится?

— Вы худенькая, — улыбнулась Лиза, — сзади четверо утрамбуются, одна впереди.

— И как долго иномарке пять километров по шоссе рулить? — вкрадчиво продолжала Анна Ивановна. — О-хо-хо! Ни хлеба заводского дома, ни печенья, ни конфеток. Газет нет! Журнал по вязанию еще в сентябре вышел, а у меня его нет.

Елизавета правильно поняла старуху и предложила:

— С удовольствием отвезу вас куда надо.

— Вот удача, вот радость, — засуетилась Анна Ивановна. — Можно подружек прихватить? В бане сто лет не парились, как засентябрило, в тазах моемся!

В час дня пять румяных старушек в белых платочках пили чай у Анны Ивановны. Одна из них, Елена Петровна, оказалась тучной, она ехала впереди, остальные отлично разместились сзади. Лиза купила пассажиркам в подарок торт, зефир, конфеты, колбасу-сыр, и они, полные благодарности к доброй девушке, которая, в отличие от сквалыги Корнея, ни копейки у них не попросила, да еще выставила угощение, вывалили все, что знали о Ливровых.

Григорий Петрович родился в Васюкине, а Регину Львовну он привез из другого городка, и ее бабули до сих пор считают чужой, не парой Грише. Кузнецов имел репутацию идеального семьянина. То, что у него двое внебрачных детей, никто и понятия не имел. Местный люд принялся судачить, когда появилась Екатерина. У местных кумушек вопросов, почему вдова взяла сироту, не возникло. Государство платит тому, кто заботится о ребенке без родителей, пенсию, да еще дает разные льготы. Васюкинцы решили, что Регина поселила у себя Катю из корыстных соображений, но не осудили ее. Она вдова, на руках подросток, ясное дело,

деньги нужны.

— Неладно выходить замуж за того, кто тебя старше, — сплетничали одни бабы, — помрет и оставит тебя с голодным ртом.

— И молодой помереть может, — парировали другие, — схватит «белочку», и прощай.

Не успели васюкинцы обсудить появление Кати, как Регина привезла Рианатану. Вот тут народ обомлел. Диковинное имя удивляло, а то, как Риа похожа на Аню, изумляло до глубины души.

Население мучилось вопросами. Откуда школьница? Где Регина ее взяла? Почему девочка и родная дочь выглядят близнецами?

Первой мук любопытства не выдержала Валентина Сергеевна Титова, она пришла к соседке и напрямую поинтересовалась:

— Риа тебе кто?

Регина смутилась, но ответила честно:

— Она дочь Григория от любовницы.

Валентина понесла весть подружкам. И бабы, посоветовавшись, решили: Ливрова нагло врет. Все видели, какой замечательный муж Григорий Петрович, не пил, каждую копейку в дом нес, его супруга и дочь постоянно ходили в обновках. А вот Регина могла устроить мужу головомойку, она часто на него кричала. Нет, Риа не от Гриши, ее родила неверная жена. Регина изменила мужу, тайком сдала девчонку в приют, а сейчас, когда супруг ушел на тот свет, прелюбодейка вернула в семью плод левой любви.

И все поверили придуманной истории. Людей не смутило, что Аня и Рианатана появились на свет почти одновременно, с разницей всего в несколько дней. Все до единого считали Регину шлюхой, улыбались, увидев ее в местном магазине, но стоило ей покинуть лавку, покупательницы вместе с продавцами начинали возмущаться:

— Совести у нее нет! Гриша в гробу переворачивается, он так жену любил!

Защищала Регину одна Настя Ковалева, она, услышав очередную порцию сплетен, сердилась:

— Эй! Включите мозги! Девчонки-то ровесницы!

Но Настю никто не слушал. Конечно, Ковалева на стороне распутницы, у Анастасии у самой двое мальчишек не пойми от кого! Она и Регина одного поля ягоды.

Несмотря на осуждение общества, Регина жила счастливо, работала, хорошо одевала девочек. А те радовали мать. Риа решила стать медсестрой, поступила в училище, местные бабы опять стали завидовать Регине. Вон

какая у нее жизнь шоколадная. Раньше муж холил, лелеял, теперь некогда брошенная в приюте дочь в медицину подалась. «Скорой» в Васюкине не дожидаться, тапки откинешь, пока машина с фельдшером приплюхает, и не факт, что у того нужные лекарства есть в наличии. А у Регины своя медсестра дома, со шприцами и ампулами. Из больницы все припрет домой. Вон как сложилось! Регина кинула дочь, а та ей теперь подмога и опора.

Несмотря на внешнюю удивительную схожесть, по характеру две сестры были полярно разными. Риа веселая, болтушка, проказница, любительница вечеринок, танцев, всегда душа компании, вокруг нее вертелось много друзей. Аня молчаливая, тихая, если не сказать мрачная, приятелей у нее не было, девочка постоянно сидела дома, читала или играла на гитаре, которую взяла у Лени, дяди-алкоголика. Риа постоянно выступала на школьных вечерах, ее всегда встречали аплодисментами и провожали овациями. Незаконная дочь талантливо изображала разных людей, разыгрывала смешные сценки.

— Тебе надо в вуз, где на актеров учат, — в один голос твердили и взрослые, и дети.

— Нет, — возражала Риа, — хочу людей лечить. Мне так жалко тех, кто от болезни мучается.

Аня лишь один раз решилась выступить на школьном концерте, вышла на сцену, исполнила песню собственного сочинения и была освистана зрителями. Ни текст, ни музыка никому не понравились. Анна шептала себе под нос какие-то слова про смерть, любовь, тоску... Певицу не выслушали до конца. Если суммировать все вышесказанное, то Рианатану любили, Анну же считали высокомерной, противной и злой. Если Аня встречала на тропинке старушку-соседку с тяжелой сумкой, она никогда не предлагала ей помощи. Правда, если бабушка просила донести поклажу до избы, Анечка никогда не отказывала. А вот Риа сразу кидалась к пенсионерке с криком:

— Ой, ой, скорей отдайте торбу, вам тяжело.

А еще об Ане ходил слух, что она убивает кошек и собак. Пару раз девочку видели издалека в сопровождении животных, которых потом обнаруживали мертвыми. Почему все решили, что фигура, мелькавшая вдалеке, Анна? Когда был жив Григорий, он покупал дочери самые красивые платья, бело-розовые в кружевах, у Ани была прелестная шубка из кролика, ярко-бирюзовая со стразами на воротнике и манжетах, роскошная курточка, вся в пайетках и бисере. После смерти отца Аня обновки не получала, донашивала прежнюю одежду, юбки ей стали

коротки, доха превратилась в полупердончик и местами полысела. Но все соседи по-прежнему считали Анну шикарной. Катя и Риа же носили простые пальто и сарафаны. Благодаря старым, но броским нарядам Анечку замечали издали. И та красивая куртка, расшитая бисером и пайетками, сослужила ей плохую службу.

Однажды летом в Васюкине вспыхнул пожар, огонь охватил избу Кривоносовых. Хозяев, Геннадия и Нины, дома не было, они уехали в Москву. Дети, пятилетний Коля, его младшая сестра Вера и старшая Лена, которая училась в одном классе с Аней и Рианатаной, остались ночевать без взрослых. Отчего вспыхнул огонь, никто понятия не имел, но пламя вмиг охватило старый дом. Лена выбросила в окно Колю и Веру, успела выскочить сама и потом рассказала милиции, что их дом подожгла Аня.

— Она на меня разозлилась, — плакала школьница, — я взяла у нее с парты без спроса фенечку, плетеный браслетик, и потеряла. Анька мне ничего не сказала, только посмотрела, как на таракана. И вскоре пожар начался. Когда я из избы выбежала, увидела в кустах Аню. Она на огонь любовалась и радостно смеялась. Время было за полночь. Все давно спали. Что Анька около нашего дома, который далеко от места, где она живет, ночью делала? Уж не случайно мимо шла.

— Ты хорошо рассмотрела того, кто в кустах стоял? — уточнил следователь. — Было темно.

— Луна светила, — всхлипнула Лена, — пламя мрак развеяло.

— Ты лицо разглядела? — не отставал следователь.

— Ага, и одежду, — заявила Елена, — розовая куртка, на груди красное сердце пайетками вышито. Они прямо сверкали. Такая дорогая вещь есть только у Аньки, ей отец все лучшее покупал.

Следователь поговорил с Анной и отпустил ее. Почему он так поступил? Он ничего никому не объяснил, Аня тоже молчала. Зато языки обывателей заработали со скоростью вентиляторов. Как народ узнал о показаниях Елены? На этот вопрос Елизавета ответа не получила. Местное общество объявило Анне бойкот, с ней перестали здороваться, продавщица в магазине, увидев в окно, что Аня приближается к ее торговой точке, мигом вывешивала табличку «Закрыто». Почему поселок сразу поверил Елене, дочери погорельцев? Отчего никто не сказал: «Подождите, следователь отпустил девочку, может, она ни при чем?»

Если у вас плохая репутация, то не стоит удивляться, когда вы услышите обвинение в тех грехах, которых не совершали. Аню подозревали в том, что она убивала животных, отправила на тот свет своего дядю, и бабушка, которая завещала любимой внучке свой дом и участок,

ушла из жизни не без помощи внучки. Поджог плавно встал в один ряд со всем остальным.

Получив аттестат, Аня внезапно покинула Васюкино. А погорельцы неожиданно построили добротный дом. Оставалось лишь удивляться, откуда у бедных многодетных людей, которые перебиваются случайными заработками, прорва денег на сруб, мебель, холодильник и даже телевизор. Вскоре по местечку разнеслась весть. Кривоносовы сделали Регине предложение: та строит им жилье, а они договариваются со следователем, который был одноклассником главы семьи погорельцев, и дело о поджоге тихо уплывает в архив. Если Регина не согласится, то следак расстареется ради друга, гадкая девчонка окажется на зоне для малолеток. И поделом ей за все!

Все поверили не пойми откуда возникшему слуху.

— Вот почему Анька уехала, — бурно обсуждали все случившееся соседи, — напакостила в Васюкине по полной, и мать ее подальше отправила.

Я молча слушала Лизу. Да уж, прав Грибоедов: «Злые языки страшнее пистолета».

Глава 28

— Ты в новой рубашке, — удивилась я, когда муж сел рядом со мной за стол.

— Очень понравился твой подарок, — улыбнулся Иван, — как только открыл пакет, сразу решил: надену ее в ресторан.

Я заморгала:

— Ты знал, что мы готовим банкет?

Иван Никифорович расхохотался.

— Вы с мамой прямо шпионы! Шептались постоянно с загадочным видом, бросили в гостиной справочник «Рестораны Москвы» с закладками. Как только я входил в комнату, обе замолкали, а потом демонстративно принимались обсуждать погоду. А ваши совещания в спальне у Рины! Но окончательно вас сдал Роки. Бульдозка пришел ко мне в кабинет, держа в зубах бумажку, на которой мама записывала меню торжественного ужина. Ну и Мози постарался, притащил список гостей, правда, пожевал его немного, но все равно видно, кто зван.

— Хотели удивить тебя сюрпризом, — сникла я, — только Рине не говори, что обо всем догадался, она жуть как расстроится.

— Разве я похож на идиота? — спросил Иван. — Естественно, промолчу. Аркадий Залманович достоин медали. Он так естественно врал мне про ремонт в своей клинике, прямо артист. Вы здорово поработали, меня вели якобы по коридору стоматологической лечебницы, повсюду висели плакаты про протезы. И рубашка супер. Спасибо за все. Надеюсь только, что торта с фейерверком не предвидится. У меня о нем неприятные воспоминания.

— Знаю, Рина рассказала, — хихикнула я, — заказан обычный бисквитный торт, только большой. Он у них называется «Фея». Тебе очень идет голубой цвет, но эта рубашка с секретом, под воздействием температуры тела она меняется.

— Правда? — удивился Иван.

— На обертке написано «Трансформер». И все рассказано. Неужели ты не заметил? — спросила я.

— Не обратил внимания, — признался муж, — а и правда, смотри, манжеты стали зелеными! Забавно!

— То ли еще будет, — азартно пообещала я, — вся сорочка станет другой. Вот начнутся танцы, и увидишь.

— Внимание, я тамада, — объявил Димон, — никто не говорит тоста, пока я его не вызову. Сейчас...

— Желаете вишневого сока? — оглушительно завопил официант, наклонившись к Ивану.

Муж не успел ответить, потому что внезапно раздалась оглушительная барабанная дробь. Официант дернулся от неожиданности, кувшин в его руке наклонился, мой супруг оказался весь облит соком. Над столом пробежал шепоток.

— Простите, извините, отрубите мне голову, — завопил лакей.

— А! Мерзавец! Таким не место в нашем ресторане, — заорал метрдотель, вытащил из кармана пистолет и выстрелил в подчиненного.

Наши гости, все сотрудники бригад и центрального аппарата, куда берут только самых опытных специалистов, не растерялись. Мы почувствовали себя в привычной обстановке, на мужика с оружием мигом нацелилось несколько стволов. Все патологоанатомы кинулись к упавшему официанту, у которого во лбу зияла здоровенная дыра от пули.

— Лечь на пол, раздвинуть ноги, — велел убийце Витя Лосин, — руки за спину, ладонями наружу.

— Нет, нет, не надо, — испугался метрдотель, — сейчас...

Продолжить ему не удалось.

Петр Гаврилов ловким движением повалил его на пол, живо защелкнул на запястьях наручники и недовольно пробурчал:

— Ну почему вечно так? Идешь спокойно выпить, пожрать, и на тебе! Полетели с женой отдыхать, так в самолете один идиот в соседа нож воткнул. За что мне это?

— Спокойно, ребята, он жив, — заявил один из экспертов, поднимаясь с колен.

— Хочешь сказать, что с дырой во лбу размером с блюдо для жареного поросенка есть шанс остаться в живых? — удивился Димон.

— Слишком уж большое входное отверстие, — пробурчал баллистик Гена. — И крови под башкой нет. Шняга!

«Труп» открыл глаза и дрожащим голосом завел:

— Господа, уберите оружие. Это розыгрыш. Фишка нашего ресторана. Веселая развлекательная программа. Якобы я проливаю на именинника сок...

— Рубашку вы по-настоящему испортили, — огрызнулась я.

— Нет, — захихикал Степа, эксперт второй бригады, — она уже чистая. Имеем дело с так называемой исчезающей жидкостью. Могу сообщить ее состав. Тринитро...

— Не надо, — остановил Степана Димон, — отлично знаем, что ты умнее цирковой собаки.

— А метр меня пристреливает, — ныл официант, — понарошку. Обычно народ пугается, визжит, под стол лезет. А когда все описались, я встаю и кричу: «Сюрприз!» А вы пушки выхватили, Леню с ног сшибли, мордой в пол ткнули.

— Так автопилот сработал, — оправдывался Петя, снимая «браслеты», — Леонид, вставайте.

Метрдотель кряхтя поднялся.

— Родственники не предупредили, что среди гостей полицейские. Но мы вас развели. Вы поверили!

— Я нет, — возразил Гена, — вмятина у него во лбу такая, словно из пушки пальнули. Но тогда башку разнесет на фиг. И парень бы сразу рухнул, а он сначала ладонью за лоб схватился. Наклейку-имитацию присобачил. Быстро сработал! Молодец!

— Мы тоже с Серегой вмиг поняли, — сказал патологоанатом Витя, — что это туфта! Наклейка хорошего качества, даже вблизи как рана выглядит. Но нас-то не проведешь. И пульс на шее бился.

— В другой раз кровушки под головушку ему налейте, — посоветовал его коллега Игорь, — для убедительности.

— Раз все живы, давайте выпьем, — предложил Димон. — Ура!

Хлопнули пробки шампанского, потом наступила тишина.

— Оно не льется, — сказал кто-то, — полная бутылка, а не течет.

— Еще одна шутка. Отлично. Теперь принесите немедленно нормальный алкоголь, — потребовала я.

— Вино на стол! — велел метр.

Мы получили возможность спокойно выпить. Иван взял салатник и повернулся ко мне:

— Похоже на «Цезарь».

— Положи чуть-чуть, — попросила я.

Муж воткнул ложку в гору зеленых листьев, посыпанных сухариками, и ойкнул. Салат раздвинулся, оттуда появился здоровенный червяк толщиной с руку ребенка.

— Фу! — передернулась я.

— У нас в миске жаба сидит, — восторженно сказал женский голос, — такая миленькая, из чего-то вроде желе.

— Здесь такой же червяк, — добавила я.

— У меня челюсть с зубами, — заржал патологоанатом Гоша, поднимая вилку, — не очень натурально сделана. Вот тут перепутали

немного. Этот клык выглядит иначе.

— Страшные закуски! — взвыл метрдотель. — Всех охватывает ужас!

— Глаз! — как ребенок обрадовалась эксперт Раечка и вынула из сумочки пластиковый пакет для улик. — Сейчас сохраню его.

— Эй, ты не на месте преступления, — толкнул ее Мосин, — мы в ресторане!

— С каких пор в харчевнях подают салаты с частями тела? — спросила Раиса. — Может, на кухне кого-то убили?

— Рая, ты что, не поняла? Спала, когда Ивана Никифоровича облили? Это прикол, — объяснила я, — розыгрыш. Всем должно стать страшно. Гости заорут, под стол полезут в истерике, и тут распорядитель объявит: «Господа! Глаз из желатина!» Так?

Леонид мрачно кивнул.

— Страшно? — удивилась Рая. — Почему?

— Потому что в салате лежит глаз, — рассмеялся Димон.

— И что? — заморгала эксперт. — По какой причине я должна лишиться сознания при виде органа зрения? Это хороший объект для определения количества электролитов в теле и...

— Раиса, отнюдь не все бабы служат там, где ты, — остановил ее Мосин, — девяносто девять из ста теток при виде этого ингредиента в салате выпрыгнули бы в истерике в окно.

— Ресторан находится на первом этаже, но на окнах тем не менее решетки, — быстро уточнил один из официантов.

— Весьма разумно, — похвалил Иван.

— А-а-а-а, — протянула Раечка, — ясненько! Шутка такая.

— Ну вот, дошло, как до жирафа, — обрадовался Мосин, — теперь давайте...

— И почему это смешно? — снова спросила Рая. — Не понимаю!

— Юморной будет горячая закуска, — пояснил метр. — А салаты ужасные, их бояться надо!

Раиса убрала пустой пакет для улик в сумку.

— В корне неверная позиция. Чего при виде трупа трястись? Он тихий, лежит, молчит. Бояться надо живых, вот от них жди неприятностей.

— Не повезло трактиру сегодня, — шепнула я мужу, — Раю глазом не испугать.

— Да уж, — согласился супруг, — нас тут надолго запомнят.

Метрдотель хлопнул в ладоши. Мигом примчалась толпа официантов, убрала салаты для розыгрыша и водрузила на их место новые миски.

— Леонид Сергеевич, вас к телефону, — сказала одна из женщин.

— Я занят, — буркнул метр, — угощайтесь, господа, эти салаты для еды.

Глава 29

Вечер потек своим чередом, народ жевал, поднимал бокалы, говорил Ивану Никифоровичу хорошие слова. Я бросала взгляды на супруга и испытывала разочарование. Рубашка не меняла цвет, позеленели лишь манжеты, а мне очень хотелось посмотреть, как работает подарок. Но потом я вспомнила, что продавщица сказала: «Сорочка трансформируется, когда температура тела, например, от стресса, скачет», и обрадовалась. Значит, Иван не чувствует ни малейшего дискомфорта.

— О! Поросенок, — обрадовался муж, когда внесли большое блюдо, — не маленький, однако. Интересно, что это за прикол? Горячее-то до жульена не подают.

— Выглядит как жареный, — заметила я.

Леонид Сергеевич подал Ивану столовый прибор.

— Вам предоставляется почетное право взять первый кусок.

— Ложкой? — удивилась я. — Нужна вилка.

Муж улыбнулся, встал и осторожно тронул ложкой жаркое. Поросенок вскочил и, лавируя между бокалами, тарелками, мисками с салатами, побежал по столу.

Раздался хохот. «Жаркое» внезапно село и стало яростно чесать задней лапой шею, потом пару раз энергично встряхнулось. Голова «пяточка» упала на скатерть.

— Собачка! — обрадовалась Рина. — На нее костюм жареной свинки надели. О! Как мило!

Псина прыгнула на пол и прогалопировала в служебное помещение. Я выдохнула и оглядела присутствующих. Муж смеялся в голос, Рина хлопала в ладоши, гости веселились от души.

Официанты налили вина в бокалы, подали жульен, потом горячее. Мужчины сняли пиджаки, ослабили узлы галстуков, женщины раскраснелись. Еда была вкусной, приколы закончились, рубашка мужа не меняла цвет.

Поздно вечером в зал выкатили гигантский торт размером с малолитражку, на которой ездит Ирина Леонидовна. Я быстро встала и подошла к метрдотелю.

— Надеюсь, фейерверка не будет?

— Мы всегда выполняем просьбы клиентов, — заверил Леонид, — ничего не делаем без обсуждения с ними.

— Но про глаза, червяков в салате и поросенка, который смылся с блюда, предупредить забыли, — напомнила я.

Метр удивился:

— Нет. Я объяснил заказнице, что наша фишка — банкеты с розыгрышами. Ей понравилось! Правда, с вами не беседовал, все решала ваша мама.

Из моей груди вырвался стон. Кто бы сомневался, что Рина придет в восторг при упоминании о резвой жареной свинке, «страшных» закусках и сохранит все в тайне даже от меня.

Послышалась барабанная дробь.

— А сейчас попросим нашего дорогого именинника первым взять кусок торта, — завопил Леонид.

— Почему свечей нет? — спросила Рая.

Метрдомитель сделал вид, будто не слышал вопроса, и продолжал:

— Иван Никифорович! Вот вам лопатка. Торт уже порезан, только взять надо.

Муж подошел к кремово-цукатно-бисквитному кондитерскому безумию и храбро воткнул в него прибор. Послышалась музыка, торт раскрылся. Из него выскочили три абсолютно голые девицы, волосы у них были высоко подняты, уложены пучками, поверх пучков торчали кокошники. Больше на милашках не было ни тряпочки.

— Ой да я мужа своего убилaaaa, — завопил откуда-то с потолка визгливый голос, — растерзала на кускииии. Изменил мне любииимый, сдохну теперь от тоскиии!

— Эх! — взвизгнула раздетая троица и начала отплясывать нечто, напоминающее канкан, кукарачу и вальс одновременно.

Все, разинув рот, уставились на красавиц с большими бюстами и объемными филейными частями. Лицо одной из стриптизерш показалось мне знакомым.

Лапуля быстро закрыла ладонью глаза своего мужа.

— Не смотри туда!

— На них комбинезоны, имитирующие обнаженку, — громко сказал Димон, — на самом деле все одеты, громадные грудь и попа пришиты, небось их из поролонa сделали.

— Правда? — обрадовалась Лапуля. — И когда ты это разглядеть успел?

— Так сразу, пока ты мне глаза не закрыла, — пояснил Коробков.

Одна из девушек повернулась ко мне спиной и начала энергично трясти тем местом, на котором следует сидеть. Она явно пыталась

исполнить тверк, получалось не слишком, но мое внимание привлек не плохой танец. На шее у стриптизерши сзади, у самой линии роста волос, была необычная татуировка — веночек из полевых цветов: незабудки, ромашки. Танцовщица наклонилась еще ниже, шлепнулась и тут же вскочила, громко сказав:

— И почему со мной вечно хренобредятина происходит!

Странное слово «хренобредятина» мигом подсказало мне, где я видела ранее красавицу. В кафе. Девушка сидела рядом со мной, просила отца пополнить ей кредитку и ушла, оставив на столике мини-айпад. Фамилия Безденежная не самая распространенная, и не так уж много девушек отзываются на имя Кристина. Я подумала, что легко смогу найти растеряшу с помощью нашей базы по прописке, забрала гаджет! И... забыла! Мини-айпад до сих пор ездит в моем джипе. И вот что интересно! Необычная татушка, сделанная там, где очень редко накалывают картинки, была и у Наты, помощницы Игрова, я видела ее, когда девушка упала в туалете, поскользнувшись на мокром полу.

— Веселый сюрприз от балерин, солисток Большого театра, — закричал Леонид, — восхищаемся и аплодируем Алисе Мироновой, Кате Чуриной и Кристине Безденежной.

Стриптизерши, рассылая воздушные поцелуи, побежали по залу.

Я встала, догнала девушек, когда они направлялись к двери, и сказала:

— Кристина! Вы, случайно, не теряли айпад?

— Да, — удивилась та, — маленький, в розовой обложечке, на ней картинка. Зайчик с бантиком. А вы откуда знаете?

— Одевайтесь и выходите на стоянку, — велела я, — верну вам гаджет, он у меня в машине.

— Ой! Правда? — обрадовалась студентка. — Где вы его нашли?

— В кафе на столике, — пояснила я, — вы там его забыли.

— Через десять минут прибегу, — пообещала Безденежная.

— Настоящий торт привезут? — нервничала Раечка. — Или только отлично сделанным муляжом подразнят?

— А вот и роскошная «Шоколадно-фруктовая бомба», — возвестил Леонид. — От Александра Селезнева, лучшего кондитера Москвы и Европы. Только что самолетом из Монако, из кондитерской «Ривьера Монте-Карло» доставили.

В зал вкатили здоровенный торт с массой горящих свечей.

— С днем рожденья тебя, с днем рожденья тебя, — запели официанты, — с днем рождения, Ваня, с днем рожденья тебя!

Под гром аплодисментов мой муж взял из рук метрдотеля другую

лопатку.

— Задувай, — закричал народ, — загадывай желание.

Иван набрал полные легкие воздуха, наклонился над горой крема и быстро затушил фитили, все, кроме одного. Муж опять сделал глубокий вдох... И тут из верхушки торта неожиданно высунулось нечто смахивающее на ракету, к потолку взвился сноп огня, Иван отпрянул. Я бросилась к супругу и обняла его. Слава богу, никто не понял, что он испугался, присутствующие завопили:

— Ура! Поздравляем!!!

Я крепко обняла мужа, а тот тихо сказал:

— Ну это не так ужасно, как тогда в детстве!

— Убью метрдотеля, — прошипела я, — сто раз ему сказали: никаких петард! Все! Конец Леониду пришел!

— Шоколадный гейзер! — ликовала Лапуля. — Обожаю!!!

Я обернулась. Железная штука, которая выползла из верхушки бисквита, перестала извергать огонь, раскрылась и превратилась в фонтанчик, из которого вытекала растопленная коричневая масса.

Я отпустила Ивана. Рина вскочила и быстро пошла к метрдотелю. Выражение лица матери юбиляра оставалось любезным. Но меня ее улыбка не обманула. Ирина Леонидовна сейчас напоминала чихуахуа Тоффи, который постоянно гуляет в нашем дворе. Песик маленький, само очарование с виду. Но если кто-то посторонний приблизится к его хозяйке Алине, то Тоф, дружелюбно виляя хвостом, вцепится врагу в ногу. Поверьте, зубы у собачки острые, а задора хватит на пять питбулей, он не отпустит того, кого счел обидчиком Алины, оторвать отважного рыцаря от его нижней конечности будет очень трудно.

Леонид Сергеевич понял, что дело плохо, и рысцой поскакал в сторону служебной двери. Рина заулыбалась еще шире и последовала за ним. Мою злость словно водой смыло, мне стало смешно. Интересно, что останется от распорядителя после того, как свекровь проведет с ним беседу? Говорят, некоторые брезгливые акулы выплевывают ботинки жертвы.

— Рубашка! — завопил Димон. — Иван! Вау! Круто! Где ты ее взял? Хочу такую!

— Супер, — заголосил Мосин, — отпад.

— Иван Никифорович, встаньте спиной, — попросила Раечка, — охота посмотреть, чем они там сзади занимаются.

Я повернулась к мужу и ойкнула. Сорочка супруга выглядела так, что словами не описать. Цвет не изменился, остался голубым, только манжеты стали зелеными. Зато на ткани появились картинки. Разные зверушки и

обнаженные фигуры мужчин и женщин. Можно не стану описывать, чем вся орда занималась?! Сотрудник магазина перепутал упаковки, взял на складе новинку, сорочку, на которой под воздействием температуры тела проступают принты. Если я правильно запомнила, управляющая несколько раз повторила парню, чтобы тот был предельно внимателен, на полках еще лежит спецзаказ одной фирмы, он предназначен только тем, кому исполнилось восемнадцать.

— Камасутра, — восхищался тем временем Коробков.

— Круче, — возразил Мосин. — Иван Никифорович, подними руку, встань бочком. Не могу разглядеть, чего они в гамаке вытворяют?

Виктор вскочил и пошел к растерявшемуся шефу, остальные гости тоже поднялись и побежали рассматривать мой подарок. Мужа начали вертеть из стороны в сторону, посыпались комментарии...

Я же вспомнила про Кристину и выбежала во двор.

Глава 30

Получив свой айпад, студентка впала в эйфорию.

— Огромное спасибо, мегаспасибо, суперспасибо, самое спасибо спасибо. Я уже простилась с моим зайкой. Решила, что его сперли. Если понадобится вам, только позвоните, сейчас номер продиктую.

— Что означает татуировка у вас на шее? — спросила я. — Оригинальная очень. Картинки на теле часто бывают однотипными, в особенности у женщин: сердечки, кошечки, розочки, звездочки. Венки из полевых цветов, да еще под волосами, редкость.

Кристина прикусила губу.

— Ладно. Вы айпадик мне вернули, любимую розовенькую заюшку. Расскажу правду. Только пообещайте, что отцу моему ни словом не проговоритесь!

— Нема, как кастрюля, — заверила я, — давайте сядем в машину.

Мы забрались в джип, и Кристина зачастила. Ее отец, очень богатый человек, развелся со своей женой Леной, когда дочке исполнилось десять. Бывшую супругу он ненавидит, родную дочь считает дурой и в придачу лентяйкой. Правда, алименты папаша платил исправно, но мамаша тратила их на себя, потом она снова весьма удачно вышла замуж и уехала жить в Швейцарию. Отчим Криси тоже не нищий, он даже побогаче Геннадия Петровича, ее родного отца. Но второй супруг Лены сказал:

— Яблоко выросло, пусть теперь само живет. Я не обязан содержать чужих детей, пусть задницу поднимет и работает.

Лена с ним согласилась, побоялась спорить с кошельком, который для нее открывается.

Геннадий же отнюдь не щедр, он бросает дочке на карту копейки и говорит ну прямо как отчим:

— Я в твои годы волчком крутился, мать содержал, учился. А ты все кланчишь! Бездельница.

Кристине очень обидно. Она ходит на лекции, ну разве что иногда их пропускает, живет в громадной квартире в центре Москвы, где когда-то обитала вся их семья. Знаете сколько у нее денег на коммуналку уходит? Отчим не желает оплачивать московское жилье, где прописана супруга, гудит: «Там Кристина шикаует. Пусть сама и вносит деньги». А папаша злится:

— Ленка после развода хоромы, которые я купил, себе отжала! Дочь!

Ты всерьез рассчитываешь, что я хоть копейку теперь на них потрачу?

Крисе хочется погулять, потусить в клубе. Готовить она не умеет, поэтому ест в кафе. Концы с концами у Безденежной никогда не сходятся, ее фамилия точно характеризует материальное положение студентки. Кристина не бездельница, она постоянно устраивается куда-нибудь, вот сегодня выпрыгивала из торта. Девушке двадцать с хвостиком, в институт она поступила после нескольких неудачных попыток взять штурмом МГУ. Узнав, что дочурка в очередной раз недобрала баллов, папенька обматерил ее, пристроил в помойку под названием «Академия рекламы и пиара», и теперь, когда Крися робко просит немного тугриков, Геннадий Петрович не забывает напомнить:

— Я плачу за твое обучение, ленивая тупая коза.

Несколько лет тому назад первокурсница Кристина не смогла расплатиться в кафе, на кредитке не оказалось денег. Ее выручил мужчина за соседним столиком, владелец клиники пластической хирургии Игнат Елин. Врач начал ухаживать за Безденежной, вспыхнул роман. Два месяца Кристина жила в сказке. Любые ее желания исполнялись мгновенно. Игнат купил любовнице машину, гору вещей, слетал с ней на Мальдивы, а потом вдруг сказал:

— Дорогая, твое лицо не совсем правильное. Хочешь стать такой?

Крися посмотрела на экран его ноутбука и захлопала в ладоши. На фото была она, но, если можно так сказать, в улучшенном варианте. Глаза стали чуть больше, рот чуть крупнее, скулы чуть четче, подбородок уже... Все эти «чуть» сделали из Кристины неземную красавицу.

— Да! Конечно, — загорелась она и мигом испугалась: — А шрамы? Они же останутся!

— Не беспокойся, — заверил врач, — мною разработана особая методика. Будет всего один след после операции. На затылке.

— Волосы вверх не смогу забрать, — засомневалась девушка, — сразу видно будет: чего-то со мной делали, еще подумают, что я больная на голову, раз в таком месте резали.

— Нет, — снова возразил Елин, — на шраме я набью красивую татуировку, веночек из полевых цветов. Как у всякого великого художника, у меня есть своя подпись, она закроет рубец.

— Вау! — восхитилась девушка и легла на стол.

Когда сошли отеки и синяки, Безденежная была разочарована: из зеркала на нее смотрела очень симпатичная, похожая на нее прежнюю девушка. Но! Совсем не красавица! Родное лицо показалось студентке чужим, знакомые удивлялись:

— Ты вроде изменилась, мордочка треугольной стала, и глаза немного другие, то ли они больше, то ли круглее.

Кресе приходилось врать: «Колю мезотерапию, от нее такой эффект». Но вскоре все и сама студентка привыкли к слегка изменившейся внешности. А вот Игнат отдалился от Кристины, стал проводить с ней меньше времени, постоянно твердил о занятости, потом и вовсе перестал отвечать на звонки любовницы. Она подкараулила Елина возле его дома и увидела, как он помогает выйти из своего роскошного «Мерседеса» хорошенькой блондинке. Безденежная скандала не устроила, поняла, что ее бросили, и убежала в слезах. На следующий день Игнат приехал к Кристине и спокойно объяснил:

— Дорогая! Постарайся меня понять. Перед тобой не вульгарный штамповщик подтяжек. Я великий художник. Мечтаю создать женщину с идеальным лицом. Думал, тебя операция в нее превратит. Но не получилось. Давай расстанемся без обид. Вот небольшая компенсация за моральный ущерб.

После ухода Игната Кристина открыла коробку, которую тот оставил в кресле, и нашла в ней конверт с большой суммой денег, шикарные бриллиантовые серьги и записку: «Я твой друг навсегда. Звони без стеснения в любой момент». Послание не было данью вежливости. Несколько раз, когда Кристине было совсем плохо, она набирала номер Игната, и тот мигом бросал ей на карту деньги, причем сумма всегда превышала ту, которую она просила. Елин совсем не жадный, не противный.

— Если у вашей знакомой веночек на шее, как у меня, значит, Игнаша пытался скроить из нее идеальную красавицу, — говорила Кристина, — татушка на этом месте — его фирменный знак. Ну я побегу. Спасибо за айпадик!

У меня в кармане зазвонил телефон. Я попрощалась с Кристиной, посмотрела, как та вылезает из машины, и взяла трубку.

— Ты где? — спросил Димон.

— На парковке, — пояснила я. — Что в зале?

— Веселье потоком, — успокоил меня Коробков, — торт по третьему куску едят, пляшут и поют.

В подтверждение слов Димона из наушника раздались нестройные голоса:

— Катится, катится голубой вагооон!..

— Кто в лес, кто в сарай, — оценил хоровое выступление наш компьютерный гений. — Хватит в автомобиле нычиться. Я тебя чудесно

понимаю, сам бы куда подальше отполз. Но мое дезертирство никто не заметит, а насчет твоего исчезновения уже кое-кто шепчется.

— Кое-кто, который говорит обо мне кое-что, меня не волнует, — отрезала я.

— И Ваня тебя ищет, — добавил Димон.

— Прибегу через минуту, — пообещала я, хотела спрятать телефон, но тот снова зазвонил.

Теперь из трубки донесся незнакомый голос:

— Татьяна Сергеева? Начальница особой бригады?

— Да, — подтвердила я.

— Юрий Петрович Булькасов на проводе. Вы дружите с Константином Гумбановым?

— Это имя мне знакомо, — осторожно ответила я. — В чем дело?

— Передаю трубку.

— Алло? Татьяна, это Крис, — зашептал рокер, — к Фае Пшенкиной приходил ваш сотрудник Федор, он меня искал. Оставил визитку, на ней ваш телефонный номер, попросил позвонить Фаину, если я объявлюсь. Она мне всю информацию передала. Я не собирался ни с кем общаться. Но... тут... такая, блин, ботва. Помогите! Меня... того, повязали.

— Задержали? — уточнила я.

— Вроде того, — согласился Крис, — хорошие деньги при себе имел. Но они закончились. Сейчас нечем полицейскому заплатить.

— Что случилось? — спросила я рокера. — Где вы?

— В Подмоскowie. Недалеко от МКАДа. Морду одной ... набил. Обратиться не к кому. Тут банкомата нигде нет, велите меня отпустить, — взмолился певец.

— Дайте трубочку сотруднику, — попросила я и опять услышала:

— Булькасов на проводе.

— Что натворил Гумбанов?

— Нанесение телесных повреждений лицу женского пола без нанесения ущерба здоровью данного лица, сопровождаемое нецензурной бранью и оскорблением сотрудника органов правопорядка, который находился при исполнении служебных обязанностей, — отпартовал полицейский.

— Константин стукнул по носу какую-то женщину, обматерил ее и человека в форме, — перевела я слова полицейского на человеческий язык.

— Меня, — объяснил Юрий Петрович, — обозвал лицом нетрадиционной ориентации и собакой женского пола, которая вмешивается в личные отношения граждан. Но я исполняю служебные

обязанности. Если лицо мужского пола занимается обливанием лица женского пола биологическими отходами жизнедеятельности человека, а потом наносит ему удар малой тяжести по средне-задней поверхности спины предметом первой пожарной безопасности, снятым со щита первой пожарной безопасности безо всякой на то надобности со стороны пожарной безопасности, то служебная инструкция дает на этот счет указания, которые невозможно трактовать двояко.

— Господин Булькасов, сделайте одолжение, говорите по-человечески, — взмолилась я.

— Так не по-собачьи мяукаю, — обиженно отреагировал Юрий Петрович, — речь у меня четкая, ясная.

— Когда домой придете, жене так же расскажете? — спросила я.

— Она у меня малообразованная, всего девять классов, — признался полицейский, — юридические термины не знает. С ней, конечно, я снисходительно беседую, учитывая ее дремучесть. А вы начальница особой бригады.

— Лучше мне тоже, как супруге, поясните, — попросила я, — учитывая и мою дремучесть.

Булькасов кашлянул.

— Ну... типа... еду я на тарантайке по участку. Гляжу, из ворот участка номер два выбегает тетка, вся ваще грязная. За ней с матом выскакивает мужик, в руке у него ведро. Догоняет бабень, хренак ее тем, что держал, промеж лопаток. Лицо женского пола упало. Он рядом встал и давай материться:

— ...! ...! ...! ...!

Все обороты не помню, много их было сказано.

Я из драндулета вышел и к нему, вежливо советую:

— Отойдите от гражданки.

И тут такая вонь! Бабень оказалась дерьмом облита, а у него в руке ведро, у которого дно конусом. Точно мужик инвентарь со щита пожарной части спер. Я продолжаю:

— Обливание граждан биологическими отходами приравнивается к хулиганским действиям.

А он как заорет:

— Вали отсюда, козел ...! Ща и тебе вмажу.

Я его скрутил, в машину засунул, сказал тетке:

— Гражданка, знаете, где отделение полиции? Помойтесь и приходите, составите заявление на лицо, облившее ваше лицо дерьмом.

Она в ответ:

— Пошел ты, ...!

Вскочила, в ворота вбежала, калитку захлопнула!

— Значит, предъявить Константину обвинение в хулиганстве не получится, — обрадовалась я, — потому что никто не жаловался.

— Пока нет, — подчеркнул Булькасов, — но к утру у лица женского пола шок пройдет, и оно прибежит. Позвоню ей еще.

— Похоже, вы с этим лицом женского пола, которое испачкал Константин, знакомы? — уточнила я.

— Всех на участке не назову, а Регину Львовну знаю, — ответил Юрий Петрович, — у нее пансионат семейного типа. Я еще рапорт о нападении на сотрудника при исполнении служебных обязанностей составляю...

— Сейчас приеду, — пообещала я.

— Так уж ночь на мягких лапах подкралась, — неожиданно поэтично высказался Булькасов.

— Не хочу, чтобы Константин в каталажке спал, — объяснила я.

— Если завтра к восьми утра прикатите, я положу его в своем кабинете на диване, — пообещал Юрий Петрович, — являюсь временно исполняющим обязанности начальника, ответственным сотрудником. Скоро босс на пенсию выйдет, мне повышение светит.

Я усмехнулась. Ну и ну! Сей «ответственный сотрудник» выложил незнакомой женщине по телефону всю информацию о Гумбанове, поверил на слово, что я начальница особой бригады. Очень надеюсь, что господин Булькасов никогда не сядет в теплое кресло в личном кабинете.

Глава 31

— Помылись? — уточнил Иван, глядя на Криса.

Рокер взлохматил ладонью мокрые после душа волосы.

— У вас в мужской раздевалке фена нет! Как голову сушите?

— Никак, — пожал плечами Федор, — у всех наших мужиков прически почти под ноль. Лохмы никто не носит.

— Надо не только о себе, но и о посетителях думать, — закапризничал Гумбанов.

— Так посторонние у нас не моются, — усмехнулся Коробков, — вас под душ отвели, потому что наших девушек пожалели, уж очень вы воняли. У нас-то не нежные носы, а Татьяна и Лиза...

— Поспи-ка ночку в грязном кабинете, без одеяла, белья, подушки на диване, ровеснике Чака Берри, и я потом рожу скривлю, — огрызнулся Крис.

— Не бейте никого, не попадете в полицию и останетесь мирно дома дрыхнуть, — посоветовал Илья.

— Не знаю, кто такой Чак Берри, — сказала Елизавета, — но уверена, что пора прекратить пустой разговор и перейти к делу.

— Чак Берри — американский музыкант, легенда рока. Исполнял блюз, ритм-энд-блюз, — пояснил Михаил Юрьевич, — однако Лиза права, давайте вернемся к нашим проблемам. Понимаю, Крис, что вам совершенно не хочется вести предстоящую беседу, потому вы стали жаловаться на отсутствие фена. Но сколько ни тяни кота за хвост, а поговорить придется.

— Спать хочу, — зевнул Крис, — давайте завтра ля-ля.

Димон засмеялся.

— Мил-человек! Никак не получится. Я тоже не прочь секунд шестьсот подушку давить. Мне Сергеева всю ночь глаз сомкнуть не давала.

Иван Никифорович поднял бровь.

— Да? Татьяна, чем вы с Дмитрием занимались?

— Наверное, Коробков имеет в виду мою однофамилицу, — подыграла я супругу.

— Она-то небось храпела, — вздохнул Димон.

— Несовпадение в показаниях, — заметил Федор, — определись уж, спала Татьяна или тебя будила.

Димон пошел к кофемашине.

— Начальница — как Юлий Цезарь. Сама сладко дрыхла, а мне покой не светил, потому как Танюша велела кое-что найти. У компа я до утра сидел.

— Тянем время, потому что ждем адвоката Криса? — спросил Илья.

— Я выгнал его, — покраснел Гумбанов.

— Чем он вызвал вашу немилость? — удивился Иван.

— Глупости трепал, — обозлился рок-певец, — я ему позвонил, сказал: «Привези бабло в полицию! ...! ...! ...!» А он: «Этого делать нельзя, только хуже будет». Ну я и послал дурака подальше. На ...! ...! ...!

— Адвокат дал вам полезный совет, — остановила я матерящегося певца, — если бы дали Булькасову взятку, то нарушили бы закон. И с большой долей вероятности вас могли бы за руку схватить.

— Мыть вам тогда долго голову холодной водой и не ныть по поводу отсутствия фена, — перебил Федор, — запихнут на зону, куда только на телеге доехать можно, а там дрова берегут, котел не топят.

— Старая ... на меня заявление написала? — окрысился рокер. — Нет! Получила по морде и тихо умылась! И о чем это свидетельствует? Знает Жучка, чью кошку сожрала. На моей стороне правда. Из-за этой гниды Аня в коме!

Димон поставил перед Крисом чашку с кофе.

— Сливки дать?

— Сам их пей! — фыркнул певец.

— Если относится к человеку как к врагу, то он тебе и станет врагом, — заметил Ершов, — мы хотим разобраться. И к вам есть вопросы. Похоже, скандалы с Анной, вражда двух исполнителей, о которой, потирая липкие ладошки, постоянно пишет пресса, рекламный ход?

— Раз вы знаете, чего спрашиваете? — неожиданно тихо ответил рокер. — Сахару дадите? Или его, как и фена, нет? Суровые мужики не сушат волосы и не употребляют сладкое?

Коробков водрузил перед Гумбановым стакан с бумажными пакетиками с рафинадом.

— Угощайтесь.

Крис взял две упаковки и разорвал их.

— Терок с Аней у меня не было. Скандалы за кулисами, которые я устраивал, туфта. У нас с Аней... ну... любовь. Уже давно. Не первый год. Это я ее на кастинг к Игрову отправил. Вещь, которую она на конкурсе исполнила, мной написана. Анька гениальная певица, но композитор из нее, как из клизмы балалайка. И поэтессой ей никогда не стать.

— Вы для Лавровой сочинили песню? — уточнил Михаил.

— Ага. И все остальные тоже мои, — признался наш гость. — «Лунный рассвет», за который она главную премию радиостанции «Россия рулит» получила, и «Любовь зла», что во всех чартах несколько месяцев на первых местах держится, тоже мои.

Константин обвел присутствующих взглядом.

— На всех углах твержу: «Анька долго не продержится, харизмы нет, талант односторонний, песни одинаковые, текст и музыка никудышные. Но пипл все схавает, потому что сиськи у нее зашибенные и задницей крутит». Почему так про любимую девушку говорю?

Гумбанов залпом опустошил чашку.

— Какого черта мы шифровались? Когда я с Анной познакомился, она в ресторане пела. Я сразу понял: она редкий талант. И что делать? Если приведу свою девушку к Никите, тот ее даже слушать не станет. Почему? Он мне имидж хама придумал, бабника, павиана сексуального, без тормозов и стопора. И что получится, когда я Ньюшу за руку притащу? В офисе новости со скоростью тараканов расползаются. Не успеет Аня к Игрову прошмыгнуть, как все узнают, что мы с ней спим. И полетит весть птицей: Гумби влюбился, бабу свою продвигает, во все тяжкие пустился, безголовую любовницу за волосы в рейтинг тащит. Отстой полный. Я теряю имидж сексмашины, к Аньке относятся предвзято, считают, что она не талантом, а кое-чем другим дорогу на сцену прокладывает. Меня многие терпеть не могут, полно журналистов, которые Гумбанова ненавидят. Мне эти мерзоты гадить побаиваются, понимают, назад быстро ответ прилетит. Надысь сморчок по фамилии Брюханов прогавкал в эфире, что я мелодии ворую. И где он? Никита с моей подачи владельцу радиостанции звякнул:

— Дорогой, Гумби и другие мои птенчики ничего тебе больше для эфира не дадут. Мы ушли в ротацию на частоту «Песня для всех».

Тот перепугался:

— Как? Почему? Эй, ты этого не сделаешь! Под твоих людей мы рекламу продали, меня на бабло выставят. Чего случилось?

— Спроси у Брюханова, — посоветовал продюсер.

И что? Где радиоврун? На помойке. Но это я. А с Аней церемониться не станут, начнут болтать: «Выезжает на имени любовника. Скоро он ее бросит, пойдет ко дну Лаврова». Фанатки, которые на меня слюни пускают, разозлятся, что я влюбился, а парни перестанут брутальным считать. Трендец! Игров ситуацию в секунду просчитает, мозг у него четкий, отрежет Анне: «Петь не умеешь. Уходи, не позорься».

Поэтому мы молчали. Я знал, что скоро кастинг объявят, где Ньюша всех сделает. Можете что угодно обо мне думать, я бываю груб, несдержан,

но я гениальный композитор и поэт, Аня же талант.

Рокер показал на пустую чашку:

— Еще кофейку, лучше с коньяком.

— Простите, спиртного нет, — разочаровала я музыканта. — Значит, это вы позвонили в «Скорую»?

— Да, — кивнул Крис, — увидел ее без сознания, вызвал врачей и спрятался в своей машине. Смотрел из окна, как приехали доктора, потом из подъезда вытащили носилки.

— И что вы сделали, когда Анну увезли? — спросила я. — За ней помчались?

Музыкант отвернулся к стене.

— Я за руль сесть не смог, вызвал такси, машина быстро приехала, но я весь извелся, ожидая ее. Бегал по спальне, мне казалось: что-то пропало. Думал, может, грабитель залез? Украл чего, Аня его увидела...

— Домушник не станет хозяйку лекарством поить, — возразила я, — схватит стул и ударит ее. Вы просто очень нервничали, поэтому и подумали про вора.

Рокер сделал глоток из чашки.

— Я был у нее в клинике, говорил с врачом, тот моим фанатом оказался, я рассказал ему все про нас с Нюшей. Приехал ночью, когда он дежурил. Доктор уверен, что Анна пыталась покончить с собой. Сказал: «Нет ни малейших признаков того, что лекарство всовывали насильно. На теле отсутствуют следы борьбы. Рот не поврежден. Возникла рвота, организм пытался защитить себя, часть препарата вышла наружу, поэтому смертельного исхода не получилось. Единственное, что настораживает: отсутствие письма. Женщины любят оставлять записки».

Крис протянул Димону пустую чашку:

— Ну налей же еще! Сколько просить можно! Видишь, пустая! Так плескай! Врач не знал, что Анна другой породы. Она никогда ничего никому не объясняет. Молчит. Другая бы давно дала по морде Рианатане, кошке драной! Аня же тихо уехала из Васюкина, где ее обвинили во всех грехах, прямо ведьму из девочки сделали. И мать ее не защитила.

Крис изо всей силы стукнул кулаком по столу.

— Регина на всех перекрестках кричала: «Обожаю Анечку!» Каждому говорила: «Люблю доченьку, она самая лучшая». Но на самом деле ей на всех плевать, и на Аню в первую очередь! Злая, жадная бабища! Регина Львовна ради денег на любую пакость готова. Без разницы ей, что и с кем делать! Ни копейки родной дочке не дала, ничегошеньки ей от наследства отца не отломилось. Григорий Петрович знал, что умирает, он перед

смертью позвал жену, дочь и сказал:

— Простите меня. Слаб я. Не мог перед женщинами устоять. Не стал бы, Анята, при тебе о внебрачных дочках говорить, да ты Рианатану увидишь и все поймешь. Вы с ней как близнецы!

Потом попросил жену:

— Ты знаешь, где спрятана валюта, которую я на оценке картин и другого антиквариата заработал. Раздели ее поровну, одну половину потрать на Аню, она мечтает певицей стать. Получит аттестат и пусть едет в Москву. Ее доли хватит на покупку просторной квартиры и оплату учебы. Не знаю, что из этого выйдет, но надо дать Ане шанс. Вторую половину раздели между Рианатаной и Катей. Возьми их из приютов. У Екатерины никого нет. У Рианатаны есть тетка Тиа, но та племяннице рваного носка не даст.

Аня мне рассказала, что мать здорово в лице переменялась, когда слова мужа слышала. А тот продолжал:

— Не волнуйся, Регина, ты с пустым карманом не останешься. Дети получают только тот заглашник, о котором тебе известно. Да у меня еще один есть, в разы больше первого. Вот он твой. Но отдадут его тебе лишь после того, как удостоверятся, что ты Катю и Рианатану под опеку взяла и что им с мачехой хорошо. В противном случае ничего тебе не обломится. Хочешь получить капитал? Позаботься о моих девочках. Если вы подружитесь и они захотят в Васюкине остаться, то построй большой дом, чтобы не тесниться. Если отношения не заладятся, когда им по восемнадцать лет исполнится, купи каждой квартиру, их доли на жилье хватит. В руки им денег не давай, потратят на глупости. До совершеннолетия им про наследство знать не надо, и ты, Аня, сестрам тайну не открывай, чтобы не соблазнять их. А уж Анечка пусть музыке в столице учится, у нее большой талант.

Регина уточнила:

— Я беру подростков из приюта. Если они после вопроса: «С кем хотите остаться?» — ответят, что со мной, я могу построить большой дом, и заживем там вместе. Коли не уживемся вместе, после совершеннолетия квартиры им куплю. Но пока твои дочери не повзрослеют, про то, что деньги на их апартаменты припрятаны, я помалкиваю. Вдруг с банкиром чего случится? Не один год ему капитал прятать.

Григорий задумался.

— Лучше так. Ты над ними опекунство оформи, два года вместе проживете, и ступай к банкиру. Он детей спросит. Если те уверенно скажут: «Хотим жить с Региной», получишь всю сумму, и строй дом. Но в случае

отказа жить с тобой в восемнадцать лет им про вклад сообщат, а ты денег не увидишь.

Крис оперся ладонями о стол и привстал.

— Доперло до вас теперь, по какой причине баба сироток приголубила? Один ответ: раз они с ней живут, то накопления Григория в кармане у Регины! Не из благородства, милосердия или других добрых чувств она девчонок взяла. Деньги! Денежки! Деньжатки! Деньжищи! А их гадине не отдали бы, пока не удостоверились, что внебрачные дети Григория из приюта взяты.

— Подождите, — попросила я, — поправьте, если я ошибаюсь, но сомневаюсь, что Кузнецов хранил незаконные деньги в каком-нибудь банке. Григорий много зарабатывал оценкой картин, но он свои доходы скрывал, налоги не платил. Никто о том, что директор школы прекрасно в искусстве разбирался, понятия не имел.

Глава 32

Крис бестактно ткнул в меня пальцем:

— И она у вас супермегадетектив? Татьяна, ты про черных банкиров не слышала? Раньше, в девяностых, их тьма была, но и теперь хватает. Не желаешь дома миллионы прятать? Правильно. Любой сейф вскрыть можно, или так хозяину вломить, что он сам ключи отдаст. А в банк оттащить боишься, потому что речка из купюр тайком притекла. Государство ничего из нее не почерпнуло. Вот люди и несут к черным банкирам тугрики, те вопросов не задают, закупают бабло и процент платят. К клиенту там, кстати, лучше, чем многие официалы, относятся, в любое время можешь вклад взять, хоть днем, хоть ночью. Григорий доверился Филиппу Карпухину. Он его имя, фамилию при Анне назвал, дал ей визитку мужика и предупредил:

— Фил в курсе моего завещания. Я бумаги составил, ему вручил. Тебе, Аня, он денежки выдаст, когда аттестат об окончании школы покажешь.

— Ну и что? При разговоре с отцом из детей присутствовала только Аня. Катя и Риа понятия не имели, что им Григорий мешок золотишка на покупку квартир приготовил. Регина могла спокойно не сообщать ничего девочкам, забрать себе накопления и делать с ними что заблагорассудится, — заметил Илья.

— Ха! — выкрикнул Крис. — «Чернушники» дотошные, все указания вкладчика, даже завещательные, добуквенно исполняют, иначе бизнеса лишатся. Не пойдут клиенты к тем, кто обманывает. Не отдаст Фил Регине бабки, если она волю покойного не выполнит! И что баба затеяла? Взяла из детдома Рию и Катю, прописала их в васюкинской избе, отвезла Филу документы и через пару лет сказала ему:

— Девочки хотят со мной жить. Гоните валюту, которую Гриша им оставил.

Карпухин никому не доверял, он Регине велел:

— Покажите документы об удочерении и приведите девчонок, сам у них спрошу, где им жить хочется.

— Нет проблем, — ответила баба.

Привезла девиц, а те на вопрос: «Хотите жить с Региной Львовной?» — хором закричали: «Да! Никогда от нее не уйдем». Им было то ли четырнадцать, то ли пятнадцать лет. В детдоме не очень-то сладко жилось. Аня мне рассказывала, что мать, привезя Рию и Катю, первое время их

нещадно баловала: купила много красивой одежды, кормила деликатесами, обнимала, целовала, без конца о своей любви к сироткам говорила, игрушками их закидала. Дети купились на ласку и подношения, наивно думали, что в рай попали, а Регина лучше всех людей, вместе взятых. Вот так детские денежки к рукам Регины и прилипли. Как только она их заграбастала, вмиг отношение к падчерицам изменила. Сделала их бесплатными слугами.

— И откуда вы столько подробностей знаете? — удивилась Лиза.

— Аня рассказала, — объяснил Крис. — Она сначала о себе молчала, но потом... когда мне фильм случайно попался... Я потребовал объяснений. Ну... не интересно, что услышал.

— Вы увидели ленту категории «только для взрослых», где Анна исполняла главную роль, — осенило меня, — значит...

Я замолчала, не стала продолжать: «Значит, Риа не врала Варваре Бариновой, владелице фирмы «Силанс», где служила сиделкой. Медсестра не снималась в порнолентах, ее перепутали с Аней, они похожи, как близнецы.

— Не особенно приятно узреть свою девушку в разных позах с чужими мужиками, — провокационно сказал Михаил Юрьевич, — уж и не знаю, как бы я отреагировал на столь увлекательное зрелище!

— Осуждать все горазды, — огрызнулся Крис. — Анюте пришлось из Васюкина уехать, потому что местные дураки ей бойкот объявили. Придет Ньюша в магазин, попросит печенья, продавщица ей: «Нет!» Девочка на пачки сзади бабы показывает: «Вот же оно!» А та в ответ с ухмылкой: «Продано». Учителя с Аней сквозь зубы говорили, одноклассники от нее отвернулись. На день рождения она в класс конфеты принесла, так никто ни одной не взял. Только Митрофан, плюшевый бурундук, подарок соседки Эсфири, был ей отрадой. Молва обвиняла девочку в том, что она своего дядю жизни лишила, подожгла соседей, собак-кошек убивала. Бабушку отравила, потому что хотела ее дом и сотки получить.

Гумбанов стиснул губы, потер ладонью лоб и воскликнул:

— Старуха от возраста померла. Она родной внучке с детства шептала: «Все мое твоим будет. Невестке Регине ничего не оставляю. Не заслужила она. Чужая». А все остальное Риа совершила!

— Вам это рассказала Анна? — уточнила я.

— Думаете, она оболгала сводную сестру, чтобы в моих глазах белой и пушистой выглядеть? — оскалился Гумбанов. — Ха! Мне все равно, задушила кого-то Анна, застрелила или утопила. Однофигиственно! Я ее люблю всякую. Из соседской кошки сварила холодец? Зарубила топором

бабку? Ну и молодец! Значит, очень есть хотела, а старуха ее довела! И вопросец! Откуда мне про слухи, которые в дерьмовом болоте под названием Васюкино кипели, знать? Включите мозги! Аня звезда! О ней пресса судачит, обсуждает наши скандалы-драки. Но ни один журналюга про убийства, которые она якобы в юности совершила, не накропал. Почему, а?

Крис обвел нас взглядом и повторил:

— Почему? Такой сладкий кусок дерьма. Ваша версия?

— Просто пресса ничего не знает, — ответила я.

— Во! — обрадовался Гумбанов. — Пять копеек тебе, купи вафли. Есть у некоторых селебрити секреты, до которых «Желтуха» с «Болтуном» не добрались. Если уж стервятники ничего не слышали, то мне откуда знать? Аня про детство-юность сама все рассказала. Устала она одна с этим жить, не железная. Захотела, чтобы ее пожалели. Из Гадюшино-Говнюкино-Васюкино она умотала, едва аттестат получив. Аньке только восемнадцать исполнилось, она в школу поздно пошла. Оказавшись в Москве, Нюша в паспорте загогулинку над «и» добавила, и вперед. Ливрова стала Лавровой.

— Неужели никто этого не заметил? — покачал головой Федор.

— Прикинь, нет, — засмеялся Крис. — Да и кто ее удостоверение личности изучал? В институт она документы не подавала, ей сразу сказали: бесплатные места уже распределены. А денег на учебу у Нюши не было.

— Стоп, стоп, — произнес Ершов, — а как же ее часть отцовского наследства? В отличие от сестер, Аня о ней знала, должна была потребовать деньги.

Рокер поднял пустую чашку:

— Еще налейте. Вы меня постоянно с мысли сбиваете. Замолчите. Говорю, как хочу. Все расскажу, если мешать перестанете. Риа и Анна прямо как близнецы, их даже вблизи путали. Но сходство только внешнее, характеры у них разные. Аня тихая, всегда всех оправдывает, объяснение чужим мерзостям найдет, сама на подлость не способна. И не лживая. Да, она многое о себе не расскажет, промолчит. Но, если настаивать, откроет правду, даже неприятную для себя. А вот Рианатана! Та врала как дышала. Удрала как-то раз ночью через окно с подругами в речке купаться, утром кто-то из соседей Регине жалуется: «Твоя девчонка, то ли Риа, то ли Анька, в красном платье за полночь к мосткам через мой огород бежала, все огурцы помяла, плати за ущерб».

Регина кинулась к Рианатане:

— Куда за полночь носилась? В красное нарядившись?

Та круглые глаза сделала:

— Спала я. Но слышала сквозь сон, как у Аньки рама скрипела. И сарафан такого цвета только у нее есть.

Мать к родной дочке с тем же вопросом и слышит в ответ:

— Я никуда не ходила.

Она шкаф распахивает. На вешалке одежда грязная, мокрая. Мать орать:

— Чей прикид?

И вламывает Ане. А на самом деле Риа из Аниного гардероба платье без спроса взяла, потом потихоньку вернула. Постоянно так поступала. Пожар в селе случился, в кустах видели Аню в приметной куртке, поджигательницей ее посчитали. Риа куртку надела, не Аня. А насчет смерти дяди... Кто уколы делать умел? Рианатана. Она в девятом классе в медучилище пошла. Ньюша шприц никогда в руках не держала. Зато она свидетелем разговора случайно стала. Утром пошла в школу, поскользнулась, в лужу грохнулась, пришлось домой возвращаться. Ночью дождь лил как из ведра, на рассвете солнце взошло, припекло, стало душно. Все окна в избе были открыты. И в доме, где Леонид жил, они тоже были нараспашку. Аня мимо дядькиной халупы топала и слышала голоса. Леонид говорил: «Риа, я в клинику ночью зарулил, когда ты дежурила. К Светке приходил, она мне ампулки дает, не бесплатно. Моей подружки не было на посту. Пошел я Светку искать, сунулся в местную аптеку, дверь почему-то открыта, а там ты у шкафов в сумку ампулы кладешь, меня не заметила. Я понял, что происходит. Светка по пьяни разболтала, как наркоту тырит. Больному ее выпишут, а Светлана ему ерунду вколет, ампулу мне продаст или кому-то еще. Ты, голубушка, это раскусила и тоже на конфеты себе заработать решила. Молодец. Но надо делиться. Теперь мне бесплатно ампулы приносить будешь. Если откажешься, пойду в больницу и о твоём бизнесе главврачу расскажу. Я-то наркоман, для себя беру, за это не посадят. А ты с целью продажи, тебе срок светит!»

Аня быстро домой шмыгнула и никому, как обычно, ничего не сказала. Через неделю дядя Леня чего-то не то себе вколол, и каюк. Соседка видела, как Аня в его домик со шприцем в руке входила. Просто дура Ньюша, да? Идет родственника убивать, «баян» на виду несет. Риа это была! В Аниной одежде! Испугалась она, что мужик про нее правду расскажет, бесплатно ему наркоту давать ей жалко было, догадалась Ньюшу подставить.

— Почему же Анна не рассказала, что слышала, не объяснила, что сестра ее вещи без разрешения берет? — удивилась я.

— А вот мне интересно, по какой причине Анну не привлекли к

ответственности? — задала свой вопрос Лиза. — Отчего ее следователь после разговора оставил в покое? Реанатана же рассказала, что Анну со шприцем видела.

Глава 33

Рокер вытащил из кармана блистер и выщелкнул из него таблетку.

— Не напрягайтесь. Это гомеопатия. Нервы ни к черту. До концерта трясет, на сцене драйв прет, потом колотит в гримерке. Какая-то дистония у меня.

— Вегетососудистая, — поморщился Аверьянов, — чудо-диагноз. Когда кто-то говорит: доктор определил у меня дистонию, я понимаю — лень врачу в недомогании до конца разобраться. Вот и нацарапал в истории болезни, что такие же, как он, великие спецы корябают. Нет такого диагноза, это врачебная отмазка. Не знает дуб в белом халате, что с вами? Значит, дистония! Вегетососудистая. На нее все списать можно.

— Так почему Анну не наказали, если считали виновной? — повторила я Лизин вопрос.

Крис потер затылок.

— Она следователю правду рассказала, что хочет уехать из Васюкина, поступить в музыкальное училище. Соседка, которая видела, как Аня выходила из дома Леонида, время указала: якобы в полдень она шла. Но Ани в этот час в городке не было. Она с мая месяца знала, что мать ее в Москву не отпустит. Анюте седьмого исполнилось восемнадцать, она полагала, что сразу получит отцовское наследство, но фига ей досталась.

— Почему? — удивилась Лиза.

Рокер поморщился.

— Регина хитрее обезьяны. Не знаю, кто ей этот ход подсказал, навряд ли сама такая умная. Но когда Нюша восьмого числа к матери подошла с вопросом: «Я теперь совершеннолетняя, скажи, где мне деньги получить? Хочу документы в училище подать», та глаза выпучила:

— Какие деньги?

— Те, что папа мне оставил, — напомнила дочь.

Мамаша секретер открыла, вытащила оттуда лист бумаги.

— Доченька, ты забыла? Вскоре после кончины мужа я страшно заболела от горя, потребовалось много средств на спасение моей жизни. Ты подписала вот этот документ, отказ от папиного наследства. Дом, сад, имущество — все перешло в мою безраздельную собственность. И деньги, что у черного банкира хранились, тоже. Он бланк с печатями увидел и запас мне передал.

— Ловко, — хмыкнул Димон.

— Анна не помнила, что подмахнула столь важный документ? — не поверила я. — Как это возможно? Ей же не два года в тот момент было.

— Анютке то ли двенадцать, то ли тринадцать стукнуло, — вздохнул Крис, — она мне так объяснила: «Мама действительно попала в больницу. Что с ней случилось, понятия не имею. Она мне позвонила, велела приехать ее навестить. Лежала не в Васюкине, а в районной клинике в отдельной палате. Я прикатила в город, в палате находился еще мужчина, не врач, он в обычном костюме был. Мать заявила: «Доченька, мне предстоит операция опасная, на нее требуется разрешение родственников».

— Бред! — возмутился Аверьянов. — Да, бывает, что у мужа, отца, сестры-брата просят позволения на вмешательство. Но лишь тогда, когда больной без сознания или психически неадекватен. И уж точно не обратятся по такому вопросу к ребенку.

Крис прищурился.

— Откуда школьнице знать такие тонкости? Анюта испугалась за мать, поставила везде, где ей мужик показал, свою подпись. Документ она не читала.

— Дальше можете не объяснять, — остановил рокера Иван, — девочку обманули, подсунули отказ от наследства, деньги уплыли в руки Регины.

Крис кивнул:

— Верно. Мамаша потом стала возводить дом неподалеку от Москвы. Строители поставили коробку, провели коммуникации, а вот на отделке Регина сэкономила. Она наняла одного штукатура, он же маляр, плиточник и все остальное. Мужик Рие, Анне и Кате объяснял, как стены выравнивать, обои клеить.

— С ума сойти, — не поверила Лиза. — И у них получилось?

— Знаете, почему Регине особняк понадобился? — ухмыльнулся Крис. — Она придумала из Васюкина уехать и пансион для «лишних» девочек открыть.

— Это как? — не понял Демон.

— Ты богатый мужик, — пустился в объяснения рокер, — вдовец, у тебя есть ребенок школьного возраста. В доме появляется новая жена, подросток ей хамит. Папаша сдает отпрыска Регине на постоянное проживание, платит не хреновые деньги. Особняк у Ливровой трехэтажный. На первом и втором этажах комнаты воспитанников, прачечная, кладовки, ну и так далее. На самом верху живет хозяйка. В доме разные кухни, санузлы, две гостиные, со второго этажа на третий никому, кроме Регины, не подняться, последний пролет лестницы находится за запертой дверью. Угадайте, у кого единственный ключ есть? Помещение

для хозяйки отделявали опытные профессионалы, на себе она не сэкономила. Остальные комнаты до ума доводили один дядька и детская команда. Добрая воспитательница себе все получше, подороже брала, а детям досталось самое дешевое. Ане, Риа и Кате закутки приготовила по семь метров.

— Меня принимали в дешевой части дома, — пробормотала я, — там чисто, аккуратно, но бедненько. Екатерина до сих пор живет с приемной матерью, но, похоже, затаила большую обиду на Регину. Молодая женщина во время моего посещения находилась на грани истерики, она упрекала свою воспитательницу в жадности, говорила, что у нее в апартаментах шикарная обстановка, хрустальные люстры, занавески из шелка, мебель итальянская, посуда наивысшего качества. А Катя и воспитанницы в бедных интерьерах живут, все у них самое дешевое. Хозяйка меня в свои владения не пригласила, мы беседовали внизу. Но когда я вышла во двор, то обратила внимание, что на окнах первого и второго этажей висят незатейливые занавесочки, а на третьем они другие. Ничего о стоимости штор не скажу, видела их только издали, но, может, Катя права?

— О жадности Регины можно сказки слагать, — фыркнул Крис, — но скаредность ее исключительно на других распространяется. Себя она любит. Аня поняла, что не видать ей музыкального училища. Откроет мамаша пансион, а его надо убирать, еду воспитанникам готовить, стирать белье. Регина никогда прислугу не наймет, девочек пахать заставит. Вот Ньюша и решила сбежать от матери. Она давно жила в маленьком домике на участке покойной бабушки. И что она придумала? Прикрепила на дверь записку: «Не мешать, не стучать, не открою. Готовлюсь к экзамену по английскому». Заперла дверь, занавесила окна и уехала в столицу. Она все тщательно рассчитала, знала, что мать отправилась на стройрынок, раньше семи вечера точно не вернется, всегда в это время возвращается, потому что каждый прилавок изучит, где дешевле ищет. Аня рассчитывала в восемнадцать тридцать вернуться. Она побывала в училище, выяснила, что у нее шансов поступить на бюджетное отделение нет, очень расстроилась, в полчетвертого приехала на вокзал... И тут облом! Электричку отменили. Следующая пойдет аж в девять вечера. Ньюша на перроне маялась, дома около половины двенадцатого оказалась. Думала, ее хватились. Но нет! Никто девочку не искал.

— Если я в школьном возрасте где-то задерживалась и в двадцать ноль-ноль не возвращалась, мама начинала всех подруг обзванивать, потом бросалась в милицию, — вздохнула Елизавета.

— У вас была нормальная семья, — объяснил Гумбанов, — а у Регины

вроде трое детей, да все врозь. Они вместе за стол не садились, не было такой традиции. Мать только одно беспокоило: девчонки нормально на стройке вкалывают? Она их могла на неделю в коттедже оставить, и плевать на учебу. Но поджог произошел в июне, в школе выпускные экзамены начались, двух рабов, Катю и Аню, временно освободили. А Риа в училище была, у нее практика в больнице как раз началась, только в свободный день обои красотка клеила. Регина-то после смерти мужа стала директором учебного заведения. Начав стройку, она на пенсию ушла, но прекрасно понимала: детям надо аттестаты получить и в комод их спрятать. Если ее дочь и Катя экзамены завалят, неприятности начнутся. Аня следователю во всем призналась, билет на электричку показала, очень просила матери ничего не говорить. Мужик все ее слова проверил, в училище позвонил, на вокзал тоже, узнал, что Анна правда в Москву каталась. Вот и вся история. Не она из дома Леонида выходила. А кто? Да Риа! Сама пакости делала и все на Аню сваливала. Но сложите информацию в одну кучу! Рианатана в больнице помощницей медсестры в то лето была, лекарства ей достать легко, уколы делать она умела, и повод у нее был Леонида отравить. Вспомните мой рассказ про то, как Аня беседу дяди и сестры подслушала. Еще вопросы есть?

— Почему следователь не вызвал Рианатану? — поразились я.

— А мне откуда знать, — хмыкнул Крис, — и Анюта не в курсе. Она надеялась, что после восемнадцатилетия в мае получит деньги и все-таки попадет в музыкальное училище на платное отделение. Но! Облом! Нюша не дура, ума хватило понять: без школьного аттестата ей только сортиры мыть. Поэтому терпела ненависть окружающих, тихо в домике сидела, экзамены сдавала. На выпускной не пошла, на следующий день после того, как аттестат получила, села в электричку и в Москву смылась. В никуда уехала. Без денег. Не зная, где ночевать. Очень боялась, что Регина ее остановит или поймает. Поэтому совершила побег в день очередной годовщины смерти отца. На первой электричке в пять утра унеслась, записку оставила матери, рассчитывала, что та все-таки на кладбище поедет, а не за дочкой в столицу бросится. Но Регина ее, похоже, и не искала.

Рокер умолк.

— Дальше, пожалуйста, — попросил Иван.

Крис отвернулся к стеклянной доске.

— Нюша на вокзале в столице сидела в зале ожидания, куда идти, не знала. Никого в Москве у нее нет, в кошельке почти пусто. Но домой она точно решила не возвращаться, хотела на вокзале переночевать. Весь день

голодная провела, ближе к вечеру устроилась в кресле, скрючилась, и тут подходит к ней женщина.

— Девушка, я Ангелина, ассистент режиссера, вот мое удостоверение. Мы снимаем фильм о провинциалах, которые Москву решили покорить. Вы хотите попасть в столичный вуз? Вам общежитие не дали?

Расспросила Аню тщательно, да так ловко разговор повела, что выпускница ей всю правду про мать выложила. Ангелина заулыбалась:

— Сама в таком же положении была, когда во ВГИК поступать явилась. Пошли. Устрою тебя ночевать в студии, покормлю.

Гумбанов потер шею.

— Анька тогда про порнуху и не слышала, наивная не по возрасту была. Очутилась она в большой квартире, там повсюду камеры стояли. Ангелина поесть Анечке дала, в ванную отвела, смотрела, как Нюша моется, и восхищалась: «Какая ты красивая, в кино сниматься тебе надо». На следующий день парень приехал, актер. Ну очень красивый. Он в Аню сразу влюбился, позвал к себе жить. Нюша, глупышка, от Сержа без ума была...

— Вербовщик, — буркнул Федор, — подонок со смазливой мордой, прикидывается женихом, потом подталкивает «любимую» к съемкам в порнухе.

— Ну да, — согласился рокер, — пару месяцев они счастливо жили, потом любовник песню запел: «Взял денег у барыги, чтобы собственный клип снять, а сумку с валютой украли. Долг отдавать нечем. Меня убьют. Спаси, Анечка, снимись в кинушке. Ничего дурного нет, я твоим партнером буду, из посторонних только оператор и режиссер. Мы ленту в погашение моего займа отдадим». И чего ждать от вчерашней школьницы, у которой еще никаких отношений не было? Она, дурочка, ему поверила, считала, что помогает дорогому, единственному. Два года в сексиндустрии пахала, потом ей режиссер сказал: «Усе! Ты уже не свежий бутон». И пристроил Нюшу петь в трактире. Неплохой, в принципе, мужик оказался.

— Неплохие мужики не ведут подпольные съемки порно, — отрезал Федор.

Крис посмотрел на него.

— Ты просто не знаешь какие «спилберги» встречаются. Аньке не самый дурной вариант подвернулся. Деньги ей платили, квартиру сняли, к врачу отправляли. А порнуха... Кое-кто из первых лиц Голливуда в бедные годы ею зарабатывал. И у нас одна красотуля есть, сейчас популярная, в сериалах светится, так она в юности в особых лентах снималась. Думаю, и другие с тем же грешком найдутся, просто этой бабе не повезло, пресса

узнала о ее приключениях в юности и всем растрезвонила. Про Ньюшу же молчок. Тут уж как фишка ляжет. Повезет — тишина. Выплывет правда на свет — скандал. Так не только с порнухой. У одной нашей культовой актрисы дочь любовника своего зарезала. Она на игле сидела, и он был наркоманом. Посадили девку. И что? А ничего. Журналисты не в курсе. Как так получается? Я не понимаю! Одна звездулина в ресторане официанту, который ее обсчитал, пару ласковых слов скажет, так через час уже пожар полыхает. «Звезда избила служащего», «Певица сломала челюсть парню, который принес ей холодные макароны», «Любимица публики зарезала владельца бензозаправки, где пила кофе». Наврут пять вагонов, неделю упражняются. А у известного телеведущего сын из окна жену выкинул и... тишина.

Дверь распахнулась, в комнату вошла Ната, правая рука Игрова.

Глава 34

— Ты чего приперлась? — буркнул Крис.

— Добрый день, — сказала Ната, — меня пригласили. Что-то случилось? Извините, что опоздала. Но, сами понимаете, занята больше некуда. Никита Сергеевич требует, чтобы я все время находилась на связи. Сейчас у меня есть пятнадцать свободных минут, потом нужно лететь на радио, договариваться...

— Садитесь, хотите кофе? Чаю? — перебила я блондинку.

Иван Никифорович взял свой телефон и нажал пальцем на экран.

— Мне некогда, — недовольно поморщилась помощница продюсера, — секунды лишней нет. У вас ко мне дело? Или просто так дернули занятого человека...

Выплеснуть возмущение до конца Ната не успела. Иван протянул ей трубку.

— Вам хотят пару слов сказать.

— Кто? — заморгала Ната. — Алло! Никита Сергеевич?! Да, я у них. Как? А радио? А программа на телике? А совещание, куда вы мне велели ехать? Кто? Елена?! Никита Сергеевич! Она полная дура! Все угробит! Да. Поняла. Конечно. Хорошо!

По лицу Наты поползли красные пятна, она бросила на стол айфон.

— Игров очень просил меня ответить на все ваши вопросы. Не могу послушаться, поэтому отложу дела наипервейшей срочности. В чем дело?

— Вы москвичка? — поинтересовалась я.

Собеседница вскинула подбородок.

— Отвратительно снобистский вопрос, который сразу выдает в вас девицу из села, где в галошах по лужам ходят. Да. Москвичка. Коренная.

— Назовите свою фамилию, — перебил ее Иван, — отчество, дату и год рождения.

Ната округлила глаза.

— Кузнецова. Наталья Ильинична, восьмое августа...

— Где живете? — не успокаивался шеф.

— Снимаю квартиру в элитном комплексе, — выделив голосом прилагательное, ответила Ната.

Я постаралась как можно достовернее изобразить удивление:

— А почему живете не дома, не по месту прописки?

— Не обязана вам ничего объяснять, — разозлилась Кузнецова, — но

ладно. Район, где прошло мое детство, сейчас превратился в рассадник гастарбайтеров. На улице русской речи не услышишь.

— У вас на шее сзади необычная татуировка, — сказала я, — веночек из полевых цветов.

— У меня еще на заднице картинка, хотите полюбоваться? — схамила Наташа.

— Заманчивое предложение, — обрадовался Федор, — с удовольствием им воспользуюсь, когда беседу закончим. Так откуда татушка?

— Захотела и набила, — огрызнулась Ната.

Мне надоела пустая беседа, я встала, подошла к экрану и взяла указку.

— Некоторое время назад в паспортный стол обратилась москвичка Кузнецова. Она предъявила испорченный паспорт. Ее фото было разрисовано. Рожки на голове, усы, борода, губы-подушки, уши как у эльфа, волосы красные. Наталья объяснила, что снимок разукрасил трехлетний сынишка подруги, согласилась заплатить штраф, у нее при себе были все необходимые справки и фото. Это снимок страницы первого в своей жизни паспорта, который получила Наталья Ильинична Кузнецова. Не очень вы на нее похожи. Вообще ничего общего. За время, которое пролетело с момента, когда школьница Кузнецова получила бордовую книжечку, до того дня, когда чей-то ребенок испортил фото, прошло немало времени. Наталья... Не стану говорить: постарела. Повзрослела. Изменила цвет волос, надела очки. У нее увеличались губы, нос изменился, но в паспортном столе никто не удивился. Госпожа Кузнецова получила новый документ с пропиской по старому адресу.

— И что? — отрубил Наталья. — Дурачок набезобразничал!

— Татуировка на шее, я обратила на нее внимание, когда вы, уходя от нас в первый раз, пошли в туалет, стали падать, длинные волосы свесились в сторону, обнажив шею. Цветочки были на виду считанные секунды, вы очень быстро вернули волосы на место, и я тогда не удивилась. Сейчас татушка у женщин не уникальное явление и не свидетельство их пребывания на зоне, как было в советские времена, а дань моде. Но потом я случайно встретила студентку, у которой был точь-в-точь такой же веночек на том же месте, и спросила, кто ей делал тату. Выяснилась интересная деталь. В столице есть пластический хирург, который ищет внешне безупречную спутницу жизни. Когда он видит более или менее подходящую девушку, завязывает с ней отношения, окружает заботой, осыпает подарками. Через два-три месяца врач понимает: надо подправить внешность любовницы, тогда он получит свой идеал, и предлагает девушке

операцию. После пластики лица очередной принцессы врач испытывает глубокое разочарование. Опять не получилось. Не родилась на столе уникальная красотка. И он расстается с дамой. Без агрессии. Все мило и щедро. Татуировка-веночек маскирует шрам от операции — фирменный знак этого типа. Он разработал какую-то оригинальную методику, делает лишь один разрез. Не ждите от меня подробного описания операции. Понятия не имею, что и как происходит, да это нам и не нужно. Важно одно: хирург может изменить внешность радикально. Рианатана, вам пришлось в голову убить Аню, когда вы поняли, что получите другое лицо?

Крис вскочил:

— Что? Ты Риа?

Кузнецова молчала.

— Попали в точку, — подтвердила я. — Настоящая Наталья Кузнецова давным-давно живет в интернате. Детство она провела в приюте, куда ее добрая мама сдала, сейчас находится в доме престарелых. У Натальи неутешительные диагнозы: умственная отсталость, ДЦП и букет других болячек. Родителей у нее нет, поэтому о бедняге заботится государство. Она никак не могла прийти в полицию с испорченным паспортом. Это сделал кто-то другой.

Крис сжал кулаки и шагнул к нашей гостье.

— Ты ...! Ты решила отравить Аню! Подсыпала ей лекарство!

— Нет, нет, нет, — испугалась Риа, — просто... я... просто...

— Что? — заорал рокер.

— Вам лучше сесть, — попросила его Лиза.

Странно, но Крис молча подчинился.

Надо отдать должное Рие, она умела принимать быстрые решения.

— Хорошо, вы правы, я Рианатана. И сейчас все объясню!

— ...! — выпалил Гумбанов.

— Дайте ей сказать, — попросила я рокера.

Незаконная дочь Григория Петровича заговорила без остановки. Ее никто не перебивал. Спустя некоторое время я подумала: некоторые могут позавидовать даже тому, кому намного хуже, чем им самим. Не успела эта мысль промелькнуть в голове, как на телефон прилетела эсмэска от мужа: «Был у меня знакомый, который с обидой говорил: «Повезло Николаю, ему ноги в аварии оторвало, теперь он не работает, пенсию получает и льготами пользуется. А я как вол пашу, и никаких привилегий».

Я кивнула. Ну да, встречаются такие люди. Вот и Рианатана такая. Из ее рассказа стало понятно: единокровную сестру просто корчило от зависти к Ане.

Только не подумайте, что Риа сейчас честно оценила свой характер и призналась, кем на самом деле является. Нет, она говорила о себе только самое хорошее, но правда звучала между строк. «Я всегда умела добиваться своего, — вещала помощница Игрова, — если понравится чужая вещь, я знала, как ее получить. Я целеустремленная, настойчивая...» И описывала разные ситуации, из которых становилось ясно, какой характер у девушки: она способна на любую гадость. Крис нас не обманул. Единокровные сестры, внешне похожие, как близнецы, внутренне оказались полярно разными.

Тихая молчаливая Анна, у которой была мечта стать певицей, не хотела дружить с одноклассниками, бегать по вечеринкам, постоянно менять наряды. Шумная и болтливая Риа, наоборот, изо всех сил старалась оказаться в центре внимания, пыталась стать самой популярной девочкой в Васюкине. Ей удалось добиться намеченной цели. И в школе, и в медучилище с ней мечтали дружить все. Ее любили не только дети, но и педагоги. А вот к Ане относились иначе, к ней на день рождения никто не приходил. Взрослые и одноклассники считали Аню заносчивой, злой, она всегда проходила мимо них, опустив голову, слова хорошего никому не сказала. То ли дело Риа. Та, увидев на знакомой новые туфельки, в ту же секунду начинала их нахваливать, просила примерить, восклицала:

— Вот бы мне такие!

Люди говорили потом: «Какая милая девочка, туфли самые простые, недорогие, а она так их расхвалила, сказала, что сама такие хочет. Ну очень приятно, когда к тебе так относятся».

И никто не понимал, что Риа не прикидывалась, ей на самом деле всегда нравилось все чужое: вещи, книги, игрушки, подруги. Она испытывала восторг, когда что-то у кого-то отнимала, даже ластик.

— Дай свой пенал, — просила она у одноклассницы, — попользуюсь и верну.

— Мне его только вчера купили, — сопротивлялась соседка по парте.

— Так ты жадина, — тянула Риа, — все ясно. Ладно, попрошу у Лены. Она добрая. И у нее родители богатые, за то, что Елена мне ерунду даст, не заругаются. Извини, забыла, что у твоих предков денег совсем нет.

— Мы не нищие, — пугалась подружка, которая прекрасно знала, что над ребенком из необеспеченной семьи в классе начнут издеваться, обзывать по-всякому, — дома у меня сто пенальчиков. Просто не ношу их на занятия.

— Дай тогда мне этот, — улыбалась Риа и получала вожделенный пенал.

Нам гостья рассказала эту историю, и, гордясь собой, спросила: «Понимаете, как я к цели с ранних лет стремилась? Что хотела, всегда получала». Мне сразу стало понятно: с малолетства Риа испытывала зависть и умела манипулировать окружающими.

Знаете, какой момент был для Рианатаны самым сладким? Думаете, минута, когда она хватала пенал, а в голове проносилась мысль: «Теперь он мой»? Нет. Наибольшую радость девочка испытывала, когда видела в глазах подруги горькое сожаление об отданном пенале. Когда он переключивался в портфель Рии, сразу переставал казаться ей прекрасным. Все знакомые, у которых Рианатана что-то брала, хоть на секунду да испытывали горечь от расставания с вещью. Всем было обидно, всем, кроме Ани. Риа без спроса брала у сестры одежду, обувь, книги, игрушки... Но в глазах Анны ни разу не возникало желания не отдать юбку или заколку. Сестра по отцу никогда не доставляла Рианатане такой радости, у Нюши не было ни грамма жадности.

Глава 35

Начав работать в клинике практиканткой, Рианатана вмиг стала общей любимицей. Больным нравилась симпатичная веселая девочка, ей прощали неумелые уколы, болезненные капельницы, угощали. В ее сумке часто теперь оказывались чужой шампунь, душистое мыло, духи, книги, полотенце. Многие больные, памятуя примету: если вернешь что-то из взятых в больницу вещей домой, опять в палате окажешься, отдавали юной медсестре все, что прихватили в клинику.

— Везет тебе, — стонала Катя, рассматривая добычу Рии, — а мне ничегошеньки не перепадает. Аня, глянь, как здорово!

— Да, — вежливо соглашалась Анна, — чудесный гель для душа.

Катя принималась выпрашивать у сестры жидкое мыло, у Рианатаны в душе загоралась радость. Очень приятно, когда кто-то хочет то, что у тебя есть, а ты ему это не даешь. Аня не завидовала Рианатане. Отсутствие у родной дочери Регины Львовны даже крупинки разрушительного чувства прямо убивало Рию, ей хотелось видеть, как сестра мечтает заполучить ее платье или обувь. Но Аня никогда не зарилась на чужое, а свое отдавала без сожаления, никогда не кричала, не злилась, всегда оставалась спокойной. Чтобы убрать с лица Нюши вечное выражение невозмутимости, Риа сначала распустила слух, что Анна убивает животных.

Вот тут я не выдержала и перебила девушку:

— Вы так умело это сделали!

— Да, — гордо вскинула голову Риа, — мне просто хотелось проверить, до какой степени Анька душевно холодная рыба. Насколько она бесчувственна?

— И как же вы осуществили задуманное? — поинтересовался Михаил.

— Я всегда отличалась умом, — не упустила возможности похвалить себя Рианатана, — план враз сложился, когда я нашла мертвую кошку соседки. Меня осенило, что надо сделать. Я надела Анькино розовое платье, взяла дохлятину, в сумерках подошла к избе тети Нины, подождала, пока она во двор выйдет, бросила ей через забор трупик. Баба заорала, на улицу выскочила, а я по дороге побежала. Наутро все Васюкино говорило, что Анька Муську придушила, к вечеру стали болтать, сколько она животных убила. И что? Думаете, сестра расстроилась? Заплакала? Фигу! Народ ей в спину шепчет: «Знаем, кто животных мучает», а она молча мимо идет. Ясно мне стало: Анька бездушная, никаких эмоций, ничего не

ощущает, ни горя, ни радости.

— ...! — коротко сказал Крис.

— С кошкой прекрасно вышло, — похвалила я рассказчицу, — со смертью дяди Лени и поджогом дома вы тоже безупречно справились.

В глазах Рии появилось беспокойство:

— Нет-нет, я тут ни при чем. Леню Анька отравила, я у нее потом под матрасом коробочку со шприцем нашла. И бабушку она убила, чтобы ее дом и сад по завещанию получить. И огонь она развела. Это все Анька сделала.

Крис сжал кулаки и встал. Иван Никифорович взял рокера за плечи и усадил. А Риа продолжала рассказ...

Аня, получив аттестат, сбежала из дома, Рианатана через короткое время тоже уехала в Москву и нанялась туда, куда брали, в муниципальную очень плохую больницу. Мало-мальски обеспеченные клиенты обходили ее стороной, врачи там служили злые, равнодушные, средний медперсонал был им под стать. Веселая милая Риа выглядела бриллиантом в курином помете. За ласковую улыбку девушке прощали неумение с первого раза поставить капельницу. Вот только ничего хорошего у больных взять не получалось. Сами понимаете, если человек пользуется услугами муниципальной клиники, о которой идет плохая слава, то, скорее всего, у него нет денег. Дешевая шоколадка — максимум, на что Риа могла рассчитывать. Медсестры активно судачили о своих коллегах, которые служили в платных клиниках, находили там богатых мужей среди больных и жили потом в особняках в окружении прислуги. Ох, как Рианатане мечталось проникнуть в какую-нибудь непростую клинику. Но все попытки, которые она предпринимала, были неудачными. Ее вызывали на собеседование, потом говорили: «Сообщим о нашем решении». А дальше тишина.

И вдруг! Судьба повернулась к Рианатане лицом, а не тем местом, которое у людей расположено пониже спины. «Скорая помощь» привезла Сергея, прямо скажем, не красавца. Парень вышел из магазина, поскользнулся на обледеневшем московском тротуаре, а дальше как в известной кинокартине: «Упал, очнулся, гипс». Лежал юноша в палате с двумя такими же бедолагами. На третий день пребывания он пояснил Рианатане:

— Могу арендовать ВИП-палату, но там один от скуки сдохну.

— Конечно, — поддержала беседу Риа, которая хорошо понимала: больному хочется похвастаться.

Те, у кого водятся деньги, к мерзкой больнице даже не приблизятся,

обратятся в платную клинику. Служила Риа в отделении, где лежали одни старики с переломами, в основном шейки бедра. Они постоянно утром говорили о скорой смерти, а днем и вечером смотрели шоу по телевизору. Сережа оказался самым молодым, веселым, у него был айпад, на который парень скачал интересные фильмы. Когда врачи уходили домой, а дежурный доктор заваливался спать, Риа заходила к Сергею и смотрела с ним вместе кино. Ей было комфортно рядом с человеком, который не ноет о скорой кончине и не жалуется на жизнь. Чтобы Сережа не отказался смотреть вместе с ней голливудские ленты, не сказал: «Чего пристала? Хочу один отдохнуть», Риа старалась ему понравиться, приносила из сестринской чай, вафли.

Потом Сережа выписался, Рианатана помахала рукой вслед раздолбанной иномарке, которая прикатила за ее бывшим подопечным, оглядела крохотную коробочку с зефиром, которую ей со словами благодарности за заботу вручил бывший пациент, и не удержалась от горького вздоха. Да уж! Принц! Почти пятьдесят рублей истратил. Да что с такого взять? Хотя жаль, что он уехал. Кино больше не будет...

Примерно через неделю после того, как парень в гипсе уехал в грязной тарантайке, девушка медленно шла к метро и слышала:

— Риа!

Медсестра завертела головой в разные стороны.

— Тут я, — сказал кто-то.

Риа посмотрела в ту сторону, откуда летел звук, и обомлела. У тротуара стояла роскошная ярко-желтая иномарка, одна из ее дверей была поднята почти перпендикулярно. На белоснежном сиденье сидел парень в джинсах и голубом свитере. Никаких известных фирменных знаков на одежде не было, но почему-то сразу становилось ясно: шмотки очень дорогие.

— Эй, ты меня не узнала? — засмеялся парень.

Риа моргнула:

— Сережа? Откуда у тебя эта машина?

— Залезай в салон, — велел нищий больной.

Через десять минут Риа узнала правду. Сергей — владелец крупной фирмы, которая занимается компьютерными технологиями. В поганой больнице он оказался случайно, упал на улице, от боли потерял сознание, очнулся уже в палате. И первой, кого Никитин увидел, оказалась Риа, которая понравилась ему сразу. Но Сережа уже обжигался на девушках, которые любили деньги Никитина, а не его самого. Поэтому он не стал ничего рассказывать о себе, остался в клинике, стал наблюдать за

медсестрой и с каждой минутой убеждался: Риа хорошо относится к неимущим. Последней проверкой была коробка зефира. Как поступит медсестра, увидев дешевое лакомство? Скривится? Скажет: «Неужели даже жалкой тыщонки за свои старания я не получу?» Рианатана мило поблагодарила Сергея, на ее лице играла улыбка. Такое поведение убедило Сергея в благородстве девушки. Умение Рианатаны прикидываться милой, доброй очень ей помогло. Жизнь медсестры изменилась волшебным образом. Сережа ее одел-обул, устроил в лучшую клинику, о которой мечтала Рианатана. Замуж, правда, не звал, но отношения сложились более чем близкие. Почти год Риа жила как королева. На день рождения Сергей подарил ей апартаменты. Жизнь казалась нереально прекрасной.

Как-то вечером Сережа сказал:

— У моих приятелей через неделю свадьба, вот наше приглашение.

Риа ликовала. Ага! Сергей решил познакомить ее с друзьями. О чем это говорит? Рианатана получает статус официальной девушки Никитина, а там и до колечка на пальчик недалеко.

Гуляли в шикарном ресторане. Риа пустила в ход все свое умение очаровывать людей и добилась успеха.

— Она прелестна, — говорили Сергею знакомые.

В середине вечера на эстраду вышла... Анна. Она тогда только начинала карьеру джазовой певицы, еще не была популярна, но уже выступала в гриме, кожаном купальнике, ботфортах. Несмотря на заштукатуренное лицо, Риа узнала сестру по манере запрокидывать голову, ходить, странно выбрасывая ноги, по необычному голосу, по родинке на плече. В душе Риа поднялось такое ликование, что и словами не описать. Анька выступает в кабаке, поет перед пьяными людьми, а Рианатана, разодетая в пух и прах, — душа компании богатых людей. Это для нее сейчас поет сестрица, которой не удалось добиться в Москве никакого успеха. В ушах у Аньки нет бриллиантовых серег, на пальцах не сверкают кольца, а волосы она сама феном сушила.

Риа тряхнула копной кудрей, завитых в одном из самых престижных салонов столицы, глянула на свой перстень, браслет... Вам не понять, что она испытала. Нет таких слов, чтобы описать ее состояние.

— Неплохо поет, — сказал Сергей.

— Да, она талантлива, — мигом согласилась Риа, вынула из сумочки пятьсот евро и спросила: — Милый, можно я дам исполнительнице? Хочется ее поддержать.

— Конечно, — улыбнулся любовник, — сам о том же подумал.

Рианатана встала и пошла к сцене. Она спиной ощущала взгляды

присутствующих и прямо читала их мысли: «Ах, какая красивая, дорого одетая, воспитанная милая девушка, ах, она лучше всех присутствующих, ах, ею залюбуешься».

Когда Аня окончила очередную песню, Риа сказала:

— Вы замечательно работаете. Мой муж и его друзья в восторге. Можно передать вам маленький подарок?

Аня наклонилась, чтобы взять деньги, девушки наконец-то столкнулись взглядами. Анна определенно узнала Рианатану, а та убедилась, что не ошиблась, с гитарой на сцене сейчас на самом деле прыгает ее единокровная сестра.

Помахав певице рукой с дорогим перстнем, Риа вернулась за столик и прижалась к Сергею. Пусть Анька лопнет от зависти, видя ее счастье и благополучие.

Глава 36

Следующие дни Риа провела в наилучшем расположении духа, она ждала пятницы. Во время свадьбы Сережа предупредил ее, что в конце недели они улетят вместе с компанией его приятелей на Карибы. Рианатана ликовала. Ну все! Она теперь совсем своя для парня, скоро он подарит ей вожделенное колечко.

В понедельник-вторник они общались, как всегда, в среду, когда Риа позвонила любовнику, тот сухо сказал:

— Я занят. На встрече.

Риа не заволновалась, попросила:

— Закончишь работать, звякни.

Но Сергей не выполнил ее просьбу. В четверг Риа не смогла соединиться с бизнесменом, его телефон был вне зоны действия сети. В пятницу Риа ощутила давящую тревогу, в субботу в восемь утра им предстояло улетать. Что с Сергеем? Где он? Почему ни разу не захотел поговорить с ней? Риа в очередной раз начала терзать трубку и слышала:

— Номер не существует!

В полной панике Риа с трудом доработала свою смену и поехала к Сергею домой. Но в поселок, где она часто проводила время, ее автомобиль не впустила охрана.

— На вас не заказан пропуск, — отрезал мужик в черной форме.

— С ума сошел? — взвилась Риа. — Не узнал меня? На мою машину постоянный въезд оформлен.

— Сергей Михайлович вчера его отменил, — пояснил секьюрити, — и устно предупредил: «Никогда не пускать».

Ничего не понимая, Риа вернулась в Москву, и тут ей с незнакомого номера пришла эсэмэска: «Квартира, машина и все мои подарки остаются у тебя. Желаю счастья с другим наивным дураком. Сергей».

Девушка мигом набрала определившиеся цифры и услышала все то же: «Номер не существует». У нее затряслись ноги, но Риа наконец сообразила позвонить в офис Никитина. Ответила секретарша Надя. Всегда приветливая, даже подобострастная, сегодня она говорила таким тоном, каким беседуют с надоедливymi просителями:

— Сергей Михайлович в отпуске.

— Где?! — закричала Риа.

— Не имею права сообщать адрес, — огрызнулась Надежда, — к

работе он приступит через два месяца. Можете записаться на прием. Ближайший свободный день — двадцатое февраля будущего года.

— С ума сошла? — обомлела девушка. — Я его невеста.

— Личную жизнь Сергея Михайловича я обсуждать не намерена, прощайте, — заявила секретарша.

Выходные Риа провела в слезах. В понедельник от полного отчаяния она соединилась с Алисой, женой друга Сережи, на свадьбе которого пела Анна.

— Кто это? — сонно спросила девушка. — Что вам надо? Мы в Нью-Йорке, здесь ночь.

— Алиса, — заплакала Рианатана, — объясни, что происходит? Где Сережа?

Из трубки донесся вздох.

— Ну... вообще-то я в это не вмешиваюсь. А что, он тебе ничего не рассказал?

— Нет, — прошептала Риа, — я эсэмэску получила: «Подарки оставь себе, прощай». Все.

— Сережа никогда не заберет то, что подарил. Даже у такой, как ты, не отнимет, — зло буркнула собеседница.

— Да что я сделала? — зарыдала Рианатана.

— Не догадываешься?

— Честное слово, нет!

— Сергей увидел кассеты с твоими фильмами.

— Какими? Я никогда не снималась в кино.

— Ой! Хватит врать! Жесткое порно.

— Что?!!

— То!

— Это не я! Никогда...

— Лицо там прекрасно видно, — перебила Алиса, — хорош врать. Нам шлюха в друзьях не нужна. Найдем Сереже хорошую девушку, не такую, которую сто мужиков поимело, а тысячи голой рассматривали.

— Это не я, — твердила Рианатана, — честное слово.

— Честное слово, — повторила Алиса. — В интернете этой гадости полно. Мы все копии получили. Не только бедный Сергуня. Попрошу мужа, он звезде три икс перешлет видео, полюбуешься на себя.

Медсестра осталась сидеть с трубкой в руке. Порнография?! За ней водится много грехов, но в порно она никогда не снималась. Послышался характерный звук, прилетело письмо. Риа открыла почту, запустила фильм и через секунду онемела. Она сразу поняла, что в грязной ленте

задействована Аня. И ей, Рие, чтобы обелить себя перед Сергеем и его друзьями, придется рассказать, что ее биография совсем не такая, как она сообщила. Девушка-то рассказала жениху хорошо отредактированную версию. По словам Рии, ее мать Лианатана де Гарсиа де Кастильо родила дочь от английского лорда, который, соблазнив юную девушку, смылся в Великобританию. Лиа скончалась от инфаркта, поэтому ее дочь в раннем возрасте очутилась в детдоме, где получила фамилию Кузнецова. В Москве живет ее тетка Тианатана в апартаментах, где племянница провела первые годы жизни... А теперь надо будет признаться, что родная мамаша — наркоманка, отец — дешевый хмырь из провинции, изменявший своей жене. Что она, Риа, плод прелюбодеяния и у нее есть сестра Анна, грязная шлюха из порнухи. В столицу Риа приехала из Васюкина, в Москве живет сравнительно недавно. Сообщить правду язык отказывался. Но, главное, Рианатана прекрасно знала, что Сергей может простить человеку многое, но ложь — никогда. И что ей делать? Девушка подумала, что в ее жизни наступил самый черный день. Но как она ошибалась!

Спустя неделю ее уволили из клиники, в приказе черным по белому было напечатано: «За поведение, порочащее моральный облик медсестры». Кто-то выложил во внутреннюю интернет-сеть элитной больницы порноленту с участием актрисы, в которой сотрудники и начальство мигом узнали Кузнецову. Все коллеги перешептывались, когда Рианатана, еле сдерживая слезы, шла из отдела персонала в раздевалку за своими вещами. Никто не подошел к ней со словами поддержки, ни одна живая душа не посочувствовала медсестре.

Придя домой, Риа разрыдалась, и тут у нее зазвонил телефон.

— Привет, — сказал знакомый с детства голос.

— Это ты порноактриса! — взвизгнула Рианатана.

— Докажи, что не ты, — возразила Аня. — Правда, здорово, когда другую за тебя принимают? Отлично, когда становишься героиней всех сплетен! У меня богатый опыт. Соседка видела, как я бросила ей во двор мертвую кошку. И много еще я гадостей сделала. Убила своего дядю. Бабушку жизни лишила. Подожгла дом соседей. Такой отвратительной девке, как я, пришлось бежать из Васюкина, где со мной перестали разговаривать, все отвернулись от меня. Ох, чуть не забыла. Я ведьма! Эсфирь научила меня колдовству. Риа, я знала, что ты постоянно надеваешь мои вещи, творишь гадости, а потом всем в уши шепчешь: «Аня так на меня похожа! Хорошо, что у меня другой характер. Я не бука, не злюка, не воровка, не убийца, не черная ведьма». Честное слово, не понимаю, почему ты меня так ненавидела? Хотя, возможно, просто хотела свои гнусные

поступки на другую повесить. И тебе это удалось, меня считали исчадием ада. Рианатана, я не собиралась тебе мстить. Я забыла свои детские горести. Но ты снова возникла в моей жизни, появилась у сцены в ресторане. Кстати, спасибо за пятьсот евро. Может, вернуть их? У тебя сейчас трудное время, работы лишилась, жених сбежал.

— ...! — выпалила Риа. — Это ты видео разослала! Всем расскажу, что в фильмах ты снялась!

Сестра расхохоталась.

— Удачи. Не поверят тебе, как не поверили мне, когда я, наивная, пыталась объяснить: «Не я кошку убила, не меня вы видели».

После той беседы Рианатана поняла, что устроиться в хорошую клинику — зряшная надежда. Анна небось разослала видео по списку. Но Кузнецова не сдалась. Обнаружив на сайте пластического хирурга объявление о вакансии администратора на ресепшен, она кинулась по адресу, познакомилась с Игнатом Елиным и снова оказалась в сказке.

Врач осыпал Рианатану подарками, через пару месяцев предложил сделать пластическую операцию, которая превратит ее в прекрасную женщину. Рианатана опять ликовала: вот он, выход! Теперь никто не скажет, что она порноактриса.

— Согласна, — сказала она Игнату, — но есть просьба. Можешь меня посильнее изменить, чтобы я совсем другой стала?

— Интересная задача, — обрадовался хирург, — обычно я слышу обратные просьбы: сделайте меня прекраснее, но не хочу новой внешности.

Елин постарался, потом Риа перекрасилась из шатенки в блондинку. Спустя некоторое время из зеркала на нее смотрела девушка с совершенно чужим лицом. Доктор, как всегда, испытал разочарование, решил порвать с ней, сказал:

— Дорогая, давай расстанемся друзьями, проси, что хочешь, квартиру, машину...

— С этим у меня полный порядок, — ответила девушка, — найди мне хорошую работу. Надоело слушать стоны и жалобы больных. Хочу туда, где весело. В шоу-бизнес.

— Нет вопросов, — обрадовался Игнат, — сейчас приятелю звякну, он как раз помощницу ищет.

Вот так Риа оказалась секретарем Никиты Сергеевича Игрова. И в первый же день увидела в офисе Анну.

Глава 37

Риа замолчала, в комнате стало тихо. Первым отреагировал Крис:

— Ты отравила Аню!

— Нет! — замахала руками Риа. — Нет!

— Я бы захотела отомстить, — протянула Елизавета, — Анна нанесла вам больной удар. Из-за нее вы лишились богатого жениха, влиятельных друзей, беспечной жизни. С детства у вас с единокровной сестрой сложились непростые отношения.

Риа прижала руки к груди.

— Как только она вошла в приемную, меня как током дернуло. Анька сказала: «Вы очередной секретарь? Надеюсь, хоть полгода продержитесь, Никита очень придирчивый». И дверь в кабинет Игрова ногой пнула. Она меня не узнала. Меня немного отпустило. Да, я стала думать, как ей нагадить. Но были проблемы.

— Что-то мешало отомстить? — уточнил Ершов.

— Ага, — жалобно согласилась Рианатана, — я недавно у Никиты работаю, но нашла к нему подход. У него мне очень нравится. Не сравнить с больницей. Сплошной праздник теперь. Командировки интересные.

Михаил Юрьевич кивнул:

— Вы, как и в годы учебы, снова в центре внимания. Вас слушают, вы всем нравитесь. В клиниках были в самом низу служебной лестницы, а в продюсерском центре вы личный секретарь, особа, приближенная к императору. Можете пустить артиста к Игрову или отказать в аудиенции. И хозяйские уши рядом, можно в них всякое нашептать. Вы вершительница судеб тех, кто мечтает о встрече с Никитой. Конечно, умная помощница понимает: есть люди, которым песок в ботинки сыпать опасно. Анна или Крис, например, или те, кто собирает кассу. Начнешь на звезд наезжать и сама окажешься на помойке, селебрити пожалуются, и конец помощнице продюсера.

— Верно, — согласилась Рианатана, — с Никитой нельзя палку перегибать, я знаю, надо легонько за вожжи дергать, чтобы своего добиться. Анька с Крисом — священные коровы. Я сумела лишь журналистов от сестры отогнать. Убедила Игрова, что папарацци Аньку нервируют, не надо ей часто интервью раздавать. Но не по-моему вышло!

— Никита Сергеевич не согласился на сокращение числа интервьюеров? — предположила я.

— Наоборот, сказал: «Я сам думал, что дураки с диктофонами ее злят». Но Аня от отсутствия прессы не огорчилась, как я рассчитывала. Наоборот, она меня поблагодарила: «Спасибо, что Никиту надоумила журналюг ко мне поменьше пускать. До смерти надоели со своими тупыми, вечно одинаковыми вопросами. «О чем вы думали, когда сочиняли свою лучшую песню «Луна на земле»? Я им в ответ умную чушь про тонкие струны души вещаю, о тоске, любви... Блевать охота. Знаешь, что у меня в голове вертелось, когда текст и музыка разом в мозгу появились? Где туалетную бумагу взять! На гастролях дело было, зашла в сортир при примерке, на унитаза устроилась... Блин! Рулона нет! А мне по-большому приспичило. Сiju, вокруг смотрю, что вместо бумаги подойдет. И вдруг! Раз! Песня! Вся! Вмиг сложилась!»

Я ей нежно сказала:

— Если еще раз незадача случится, напишите мне в ватсап, мигом выручу, привезу пипифакс.

Рианатана подняла глаза к потолку.

— Я думать стала, как же мне Аньке нагадить и себя не подставить. Я ненавижу Анну! В детстве у нее все лучшее было: одежда, обувь, игрушки. И комната у нее удобнее, в ней окна не было.

— Вот те на! — удивился Иван. — С солнечным светом-то лучше.

— Мне нравилось, когда одни стены, — топнула ногой Риа.

— Зависть не имеет логики, — заметил Ершов, — иногда человек мечтает даже о чужой беде.

— Я честно сейчас говорю, — торжественно заявила Риа, — Аньку не трогала. Не потому, что простила ей подлую рассылку порнухи. Нет. Не успела ничего конструктивного придумать. Боялась работу у Игрова потерять. В голову пришло, как Аньке нагадить и самой не спалиться.

— ...! — зло кинул Крис.

— А твоя любовь порнозвезда, — отбила подачу Риа, — жаль, не знала, что вы спите! Отправила бы тебе ее высокохудожественный фильм.

— Ну и чего? — пожал плечами Гумбанов. — Я давно в курсе. Нюша сама рассказала. Плевать. До меня это было. И многие проститутки, что за бабло с парнями спят, честнее законных жен, которые мужей не любят, но за золотую кредитку в постели страсть изображают.

— Откуда у вас чужой паспорт? — перевел беседу в другое русло Иван.

Риа не стала лукавить:

— Игнат помог, я попросила у Елина новый документ для себя. Он мне контакт мужика скинул, тот паспорт принес. Фамилия как у меня —

Кузнецова. А фото не похожее, вот возраст совпал. Парень мне велел снимок фломастером напрочь исциркать, пойти в паспортный стол к его человеку, сказал: «Дай ему ксиву, напиши заявление, что ребенок фотку испортил, приложи к нему свой снимок и уходи». Получишь потом ксиву со своим лицом. Деньги дашь мне в конверте». Я бы со своим паспортом осталась, но имя у меня заковыристое, мигом запоминается. Сяду в приемной у нового работодателя, на столе табличка: секретарь Рианатана Кузнецова. В офисе начнут новую помощницу босса обсуждать, кто-нибудь и воскликнет: «Рианатана? Имя редкое. С моей женой в клинике работала девица, ее так же звали. Выгнали шлюху вон, она в порнухе снималась». И побежала сплетня. Лицо у меня, спасибо Игнату, другое. А имечко прежнее, запачканное. Рианатана небось на всю Россию одна.

— У страха глаза велики, — вздохнул Ершов. — Вам надо было просто жить дальше.

— Обожаю, когда советы, как детей воспитывать, старые девы раздают, — вспыхнула Риа. — Вы в моей шкуре не побывали. С паспортом на другое имя и с другой внешностью я живу спокойно.

— Рад, что ты познала дзен, — зашипел Крис, — но я тебя заставлю нервничать. Не верю ни одному твоему слову. Ты Аню отравила! Ты к ней в гости поздно вечером в воскресенье напросилась и...

— В выходной? — заморгала помощница Игрова. — Да мне только во вторник из клиники сообщили, что к ним поступила певица Анна. Думала, ее тогда и положили. Когда Аньку полуживой обнаружили?

— Утром в понедельник, — ответил Аверьянов.

— Здорово, — обрадовалась Риа. — А когда отравили или сама она таблеток обожралась?

— В ночь с воскресенья на понедельник, — уточнил Илья, — время до минуты указать невозможно. Час-два-три-четыре ночи. Как-то так.

— Не нужна точность, — сказала Риа.

— Объясните, пожалуйста, почему вас так время интересует? — удивился Федор.

— В пятницу мы с Никитой смотались во Владивосток, — торжествующе заявила Риа, — большой секрет, но Никита аэрофоб, правда, странный. Три-четыре часа нормально летит. А вот если пять и больше, его мандраж колотит. Страх свой он скрывает, но один далеко не отправляется. Я с ним летала.

— Она говорит правду, — сказал Димон, глядя в ноутбук, — Кузнецова путешествовала с Игровым. Из Владика они, если по московскому времени, вылетели в полночь. Рейс по расписанию раньше, но самолет поздно

прибыл, соответственно, задержался с отлетом. До Москвы из Владивостока, как правило, лайнер добирается за восемь часов с минутами. Однако рейсу с воскресенья на понедельник не везло по полной программе. Он сел в Новосибирске, сработал датчик разгерметизации салона. До пяти мыкались в аэропорту. В Москве они оказались к обеду. Тогда Анну уже поместили в реанимацию.

— Вот видите, — выкрикнула Риа, — ни при чем я совсем. Черт! Почему раньше не сообразила вас про время спросить? Вот ступила! Не стала бы душевный стриптиз тут устраивать. Просто попросила бы проверить список пассажиров. Ну и дура я! Идиотка полная!

Глава 38

Спустя несколько часов я стояла в супермаркете и, глядя на стеллаж с консервами, пыталась вспомнить, что мне велела купить Рина. Точно не сайру в томате и не банку с надписью «Рыба кролик с заячьей капустой». Я потрясла головой. Рыба кролик? Есть такая на свете?

— Не ходи, подожди, — крикнул звонкий голос, и неподалеку от меня остановилась девочка лет десяти.

Она схватила банку с ярко-красной этикеткой, сунула ее в тележку, прикрыла пакетом с крупой и завопила:

— Все!

В зоне видимости появился паренек примерно того же возраста.

— Начинай, — скомандовала школьница.

— На каких полках? — спросил ее приятель. — Подскажи, Юль.

— Хитрый какой, — засмеялась Юля, — еще чего. Вспоминай, Андрюха.

— Так нечестно, — заныл паренек, — тут много всего.

— Я нашла, — топнула ногой Юля.

— У тебя книги были, — возразил мальчик.

Юля запрыгала.

— Мы поспорили. Сначала смотрим на товар. Потом убираем одну штуку. Надо сказать, чего нет. Ты сам меня в книги привел, я на них поглядела, запомнила и ушла. Ты вытащил том. Я вернулась и сразу сообразила: нет детектива Татьяны Поляковой «Змей-соблазнитель». Она мой любимый писатель, я ее произведения по два-три раза читаю. Но к книжным стеллажам меня ты привел. А мог выбрать что угодно. Я вот рыбные консервы отыскала. Говори, чего нет!

— Сайра есть, — забубнил мальчик, — кальмар тоже и осетрина.

Юля постучала пальцем по лбу.

— Тук-тук, откройся! То, что перед носом стоит, чудесно видно. Чего нет? Нет чего? Отсутствует какой товар? Ну? Раз, два, три... Ура! Я выиграла! Покупай мороженое.

— Нечестно это, — рассердился Андрей.

— Все по правилам, — в последний раз подпрыгнула девочка и пошла к кассам.

Продолжая возмущаться, мальчик поплелся за ней. Я посмотрела им вслед, вынула телефон и позвонила Ивану.

— Ты где? — спросил муж.

— В магазине, — ответила я. — Помнишь, как Крис во время разговора с нами вскользь бросил: «Когда Аню увезли, я за руль сесть не смог, вызвал такси, машина быстро приехала, но я весь извелся, ожидая ее. Бегал по спальне, мне казалось: что-то пропало. Думал, может, грабитель залез? Аня его увидела...» Я еще ему ответила: «Домушник не станет хозяйку лекарством угощать, схватит стул и ударит ее. Вы очень нервничали, поэтому и подумали про ограбление». А сейчас мне в голову пришло: что, если Крис тогда не зря о пропаже какой-то вещи подумал? Возможно, нечто ценное испарилось. Вдруг это ниточка, которая нас куда-нибудь приведет? Сейчас поговорю с Гумбановым, попрошу его приехать на квартиру к Ане. Пусть внимательно осмотрится.

— Ладно, — согласился муж, — я тоже приеду.

...Около восьми вечера рокер открыл дверь апартаментов Ани и попятился.

— Что-то не так? — спросила я.

— Воздух, — с трудом произнес Крис, — у Аньки всегда так пахнет. Она ароматические свечи любила, лампы с маслом.

— Любит, — поправила я, надела перчатки и нажала на выключатель, — Аня жива.

— Пока, — мрачно уточнил рокер, — мне врач сегодня сказал, что навряд ли она очнется.

— Доктор не Господь Бог, — рассердился Иван, — не надо никого раньше времени хоронить. А теперь внимательно осмотритесь. Почему, когда вы ждали такси, подумали о пропаже чего-то? Где вы находились?

Крис потер рукой лоб.

— Не соображу сейчас. Голова отказывает. Запах. Ощущение, будто Нюша здесь.

Я решила ему помочь:

— В кухню, туалет тогда заглядывали?

— М-м-м, — пробормотал Гумбанов.

— Не торопитесь, — попросил Иван, — давайте по порядку. Вы приехали к Ане. Дверь сами открыли?

— Звонил Нюше по телефону, ответа не дождался, — вздохнул рокер. — Приехал, в дверь трезвонил, тишина, я свои ключи вынул...

— Вот и начнем с этого момента, — кивнул мой муж.

Мы снова вышли на лестницу.

— Повторяйте свои действия, говорите о них вслух, — попросил Иван, — если что-то вам тогда показалось странным, необычным,

непременно скажите.

— Даже ерунду какую-то, — дополнила я.

— Понял, — кивнул музыкант, — ну... позвонил я... никакого ответа... ключ вынул... ключ... ага...

— Что вас встревожило? — заинтересовался Иван Никифорович.

— Аня жаловалась незадолго до случившегося, — забубнил рокер, — что замок у нее плохо открываться стал. Вроде как заедал. И у меня тогда он... ну... не так легко повернулся. Сейчас тоже туго шел.

— Так, — кивнула я, — вы молодец.

— Вошел в прихожую, потом в комнату, — продолжал Крис.

— В куртке, ботинках? — остановил его Иван.

Крис покачал головой:

— Многие рокеры грязнули. Но я очень аккуратный. Осень на улице, дождит. Сбросил ботинки, парку на вешалку пристроил. Я же не знал, в каком состоянии Аня. Думал, она проспала, будильник завести забыла. Случается с ней такое. У Ньюши домработницы в последнее время нет, не хотел пол напачкать.

— Звезда сама полы мыла, стирала? — с запозданием удивился Иван.

— Мы большинство времени по гастролям гоняли, — пояснил Крис, — дома не было никого. Перерыв между турне иногда один день. Утром из какого-нибудь города прилетишь, вечером тебе в другое место надо отправляться.

— Суровый график, — заметила я, — личная жизнь в таких условиях не простая.

— Зато встречаемся всегда, как в первый раз, — улыбнулся Крис, — надо сейчас бабла нарубить, пока на пике. Дом купить в Италии, «подушку» собрать. Мы хотим лет пять плотно работать, потом Аня родит, в Италию перекантует, я с ней. Будем в Россию на гастроли прикатывать, но уже не в режиме бешеной белки.

— Хороший план, — одобрил Иван.

Крис потер лицо ладонью.

— И к чему я про домработницу вспомнил? А! За день до несчастья мы с Ньюшей сюда приехали. Она свет зажгла, а вот тут... — музыкант показал пальцем на пол, — были грязные следы от обуви. Аня на меня налетела: «Свинство развел. Приходил без меня, насрал везде. Знаешь ведь, что Нинка умерла». Это уборщица, которая к ней ходила. Анька ей из аэропорта звонила: «Лечу в Москву». Нина бегом сюда. Хозяйка возвращается — все убрано, хлеб куплен. Хорошая баба, но пожилая совсем. Анюха меня ругать стала: «Нины нет, я сама полы мою. А тебе лень

штиблеты снять? Прямо в них в дом поперся!»

Крис сел на стул около зеркала.

— И правда грязь была в прихожей. Но я-то при чем? Сказал Ньюше: «Очнись, последний раз был здесь месяц назад». Она еще сильнее разозлилась: «Ты натоптал. Больше некому. Ключи есть у тебя, у меня и у Нинки. Связку домработницы ее дочь мне вернула. Сама я всегда туфли под вешалку сразу ставлю». Я тоже зафыркал: «Забыла, что я летал по Сибири? Сама ты нагадила». Слово за слово, мы поругались. Я разозлился, прямо тут, не заходя в комнату, выложил все, что о ее вздорности думаю, и ушел. Мне в пять утра предстояло на концерт уезжать, думал, посидим с Ньюшей, да ей поорать приспичило. Вообще я на нее не дуюсь. Смысла в этом не вижу, мужик не зуда с подзаводом. Не нравится баба? Нехрен ее воспитывать, просто уходи. Мне с Аней хорошо, но у нее, как у всех, недостатки есть. Любит она метлу оседлать. Я отлично знаю, полет на помеле несколько часов продолжается, потом Ньюша утихнет и станет вокруг телефона круги нарезать. Если же она сама трезвонить примется, мне к трубке подходить не стоит, потому что услышу очередную порцию брани, не доругалась она. И примерно через час-два мне на тел от нее вызовы посыпались.

Крис ткнул пальцем в Ивана:

— Если знаете, что ваша баба скандал сильнее раздуть хочет, возьмете трубку?

Муж без тени улыбки ответил:

— Моя баба времени на пустые выяснения отношений не тратит. Она меня просто пристрелит, если я сильно провинюсь. Молча. Но если чисто теоретически... То нет, я сделаю вид, что не слышал звонка, выключу сотовый, а спустя время сам с ней соединюсь. С женщиной лучше беседовать, когда она остынет, а то наговорит вам всякого-разного.

— Вот и я так же поступил, — вздохнул Крис, — в шесть утра на концерт приехал, в восемь освободился, глянул в телефон. А там вызовов сто! Все от Ани. И эсэмэски: «Помоги». «Приезжай скорей». «Моя смерть идет». До двух ночи такая байда лилась, и все! Как оборвало потом. Я перепугался, начал ей звонить, трубка выключена, кинулся к Ньюше... Дальше вы знаете.

— У вас было выступление в шесть утра? — поразила я. — Впервые слышу, что в такое время зрители в зале собираются. Где вы пели?

— На Новорижском шоссе, — объяснил рокер, — у олигарха одного. У него сыну исполнилось шестнадцать лет. Парень мой фанат, все его спальня в постерах группы «Черви в мозгах». Отец решил мальчику

подарок сделать. Родители не хотят мажора вырастить, на заре у сына подъем. Именинник в шесть, как всегда, по будильнику глаза открыл, а в комнате весь коллектив стоит, я запел «хеппи бездей»... Два часа мы с ним провели, завтракали, по саду гуляли, он с нами вместе песни исполнял. Чуть от счастья не умер, целовал всех на прощанье, как девчонка прямо.

— Так, — пробормотал Иван, — у нас уже две странности. Ключ плохо в замке поворачивался и следы на полу.

— Это ерунда, — отмахнулся Крис, — Анька наверняка сама напачкала и забыла. А замок просто забарахлил.

— С прихожей разобрались, — остановила я рокера. — Куда вы двинулись, повесив куртку?

— В спальню, — сразу ответил Крис.

— Уверены, что не в гостиную? — уточнил Иван.

— Там тишина стояла, — пояснил Гумбанов, — Анята, как встанет, шлепает кофе пить и обязательно телик врубит! Во всю мощь!

Мы переместились в комнату с огромной кроватью.

— Понимаю, тяжело, но попробуйте, — попросила я, глядя на неубранную смятую постель и на грязный таз на ковре.

— Когда Ньюшу унесли, — вроде спокойно произнес Крис, — я во дворе в автомобиле сидел. Понял, что сам рулить не смогу. Вызвал такси. Диспетчер предупредил: приедет через полчаса, не раньше. Я поднялся опять к Ньюше.

— Не побоялись, что вас кто-то увидит? — удивилась я. — День на дворе.

Гумбанов секунду помолчал.

— Да я об этом и не думал. Обычно если к Ньюше шел, то бейсболку на лоб надвину, очки на нос посажу. А в тот день прямо так побежал. Но никого не встретил. В подъезде пусто, консьержа в доме нет. Лифт пустой сверху приехал. Вошел я опять в квартиру, решил бардак после медиков убрать. Они на пол всего накидали, неаккуратные, жуть!

Я отошла к окну и увидела на подоконнике две коробки без крышек. В одной лежали два розовых пластмассовых кулона в виде собачек, в другой такая же кошка, но одна, вторая ячейка пустовала.

— Милые какие, — вырвалось у меня.

Крис приблизился ко мне.

— А, это! Среди фанов Ньюши много подростков, она им открытки всегда раздает. А недавно придумала кулоны в виде животных вручать. Ей сделали на пробу два варианта. Но что-то Ане в них не понравилось.

— Наборы существуют в одном экземпляре? — уточнила я.

— Да, — кивнул Крис, — две собаки и столько же кошек в коробке. Они для девчонок. Что мальчишкам, пока не ясно.

— Но тут одна кошка, — пробормотала я. — Куда вторая делась?

— Не знаю, — пожал плечами Крис и сел в кресло.

— Когда хочешь человеку жизнь спасти, не станешь думать о порядке, — вернулся к прежней теме Иван Никифорович.

— Ну да, — мрачно согласился рокер, — я мусор собрал, в пакет запихнул. Когда водитель на мобильный мне позвонил, вышел, отбросы в контейнер швырнул. А про таз забыл.

Иван начал обходить комнату по периметру.

— В гостиную заглядывали?

— Нет. Зачем? — проворчал Гумбанов.

Я обвела глазами просторное помещение.

— Ну... может, там кто затаился.

— В голову не пришло, — признался рокер.

Иван поднял с ковра красивый шелковый халат.

— Когда вы подумали: «Чего-то не хватает»?

Крис опустил в кресло, обитое атласом.

— За медиками убрал, вот сюда сел. И... И... Блин! ...! ...! Знаю! Знаю! Понял! Бурундук! Бурундучело-дудучело! Митрофана не увидел! Ну почему сразу не вспомнил, а? Почему?

— Нет плюшевой игрушки, которую Анне в детстве подарила экстрасенс Эсфирь? — уточнил Иван.

Рокер вскочил, сделал шаг и опять сел в кресло.

— Жуть печальная, Анюта с ней не расставалась. По всем гастролям таскала. Спала с куском плюша. Сколько раз ее просил: «Убери уroda с кровати». Нет! Посадит его у своей подушки, «спокойной ночи» ему пожелает. Психбольница на выезде. Один раз, еще до нашего знакомства, она Митрофана убогого постирала, тот слегка облысел. Нюша испугалась, что ее оберег копыта отбросит, и больше он воды не нюхал. Фу.

Крис поежился.

— Грязный! Вонял мерзко. Но для Анюты прямо идол священный. Я не вытерпел, как-то раз сказал ей: «Да выкинь эту парашу лохматую. Надоела!» И что она сделала? Заорала: «Пошел вон! Митроша мой оберег. Мне Эсфирь сказала, если он пропадет, я сразу умру. Один раз в детстве его у меня украли, спрятали, так я в больницу попала, чуть не скончалась». И давай про экстрасенса вещать. Еле ее успокоил. Нюша кричать перестала, замызганное дерьмо мне под нос сунула: «Извинись перед ним!»

Рокер повернулся к Ивану:

— Слышали когда-нибудь такое? Просить прощения у хрен знает чего?

— Как вы поступили? — заинтересовалась я.

Крис пожал плечами.

— Баба в истерике. Сопли льет, трясется. Психопатия разбушевалась. Что нормальный мужик в этом случае сделает? Уж не права качать начнет, не завопит в ответ: «Ухожу от дуры». Извинился я перед Митрофаном. Хренова игрушка, по словам Ньюши, удовлетворилась и простила меня, подлеца. Когда Аня наконец успокоилась, я ей сказал:

— Тебе надо было мне раньше объяснить значение Митрофана. Тогда бы скандала не вышло. А ты игрушку при себе держала, мне врала, что это подарок любимого папы. Зачем лгать?

Она ответила:

— Эсферь предупредила: никому нельзя сообщать, что Митроша оберег, иначе его защитные силы ослабеют. Почему в детстве мне плохо жилось? Все Васюкино знало: Митрофан меня хранит, вот он и не мог от людей, от клеветы и всякой гадости меня спасти. А как я уехала в Москву, тайны никому не открывала, и по-другому жизнь повернулась.

Я устал. Мне больше сказать нечего.

— Хорошо, — согласился Иван, — пойдете отсюда. Кстати, когда вы к такси вышли, дверь в квартиру Ани заперли?

— Забыл, — признался певец, — я ее для «Скорой» открытой оставил. А потом просто из головы выкинул, что закрыть надо.

Когда мы с мужем остались вдвоем в машине, Иван сказал:

— Надо проверить финансы Регины и Кати. И съездить к ним еще раз, задать вопросы про Митрофана, спросить, кто мог знать про то, какую роль бурундук играет в жизни Ани. Понимаю, это звучит глупо, но, возможно, исчезновение оберега толкнуло Анну к таблеткам.

— И нужно еще раз присмотреться к Крису, — добавила я, — я не считаю его виноватым, но пороемся в его делах с еще большим усердием. Прямо сейчас велю Димону начать.

Глава 39

Через неделю у нас с мужем наконец-то выдалось свободное утро, и мы стали разбирать гору подарков с дня рождения.

— Господи! — ахнула Рина, когда Иван развернул огромную картину, упакованную в пупырчатую бумагу. — Матерь Божья! Ну и красотень! Сил смотреть нет.

Бульдозка Мози тоже был потрясен увиденным, он попятился, взвыл и спрятался за мои ноги. Его брат Роки начал лаять. На шум в комнату вошел кот. Он явно собирался отшлепать братьев, которые подняли гвалт и разбудили его, мирно почивавшего на бархатной подушке после обильной утренней трапезы. Альберт Кузьмич с самым недовольным видом двинулся к орущему Роки, поднял лапу да так и застыл, парализованный зрелищем.

— Ангел мой, куда вы так помчались? — раздался в коридоре голос домработницы.

Я обрела дар речи:

— Надежда Михайловна, Их Кошачество в гостиной.

Бровкина вошла в комнату и подпрыгнула:

— Что это?

— Лучше спросить «кто?», — захихикала свекровь. — Прощу любить и жаловать. Перед вами изображение моего сына.

Прислуга закрыла глаза.

— Ой! Вот уж не думала, что вы, Иван Никифорович, без одежды такой! Ноги-то лохматые, с копытами! И хвост! Господи! Хвост! Это вообще как? Где вы его прячете обычно?

— В брюках, — сдавленным голосом сказала я, — а копыта в ботинках. Шерсть на теле Ваня бреет.

— А-а-а, — протянула Бровкина, — теперь понятно, почему постоянно на полу в ванной я горы коротких коричневых волос нахожу. Прямо пучки! И на подушке тоже. Думала, это собаки линяют.

— Да-да, — прошептала я, — супруг обожает ноги на подушку положить. Это вовсе не Мози с Роки линяют.

Надежда Михайловна стала отступать к двери.

— Ирина Леонидовна, кто же отец у вашего сына был? Человек? Или нет?

Свекровь, которая давно давилась смехом, только махнула рукой.

Бровкина же никак не могла успокоиться.

— Иван Никифорович! Ну и страх божий. Ох! Простите, несу сама не знаю что. Вы красавец! В особенности в одежде!

Я решила сказать домработнице правду:

— Мы пошутили. На полотне изображено мифическое существо, козлоногий сатир. Уж не знаю, что за произведение искусства взяли в качестве основы. Картину какого художника? Виноградник, солнце, лето. В центре сатир, рядом три нимфы.

— Весьма упитанные, — подчеркнула Рина, — а вместо морды героя мифов с ногами барана нарисовано лицо Вани. Ну просто ваще!

— Ноги козловые, — поправила я.

— Козлячьи, — мигом выдала свой вариант Рина, — но сути сей факт не меняет.

— Там год указан, — прищурилась Надежда, — тысяча семьсот сорок восьмой, и надпись: «Шеф резвится на пленэре. Подарок бригады под руководством Вадима Костромина». Господи! Иван Никифорович! Не предполагала, что вам столько лет! Выглядите прекрасно, а в молодости, когда вот это рисовали... вы... просто... просто... ну просто... как... ну... как... боевой баран индийского президента!

Выпалив последнюю фразу, Бровкина убежала. Мози сделал лужу и удрал за домработницей. Кот, вздыбив шерсть, бросился за оконфузившимся. Роки упал на живот и задом выполз в коридор. Я поразилась, собаки не умеют так передвигаться, даже человеку такой маневр трудно совершить.

— У сатира не бараньи, не овечьи, не козловые, не козлячьи, а козлиные лапы, — уточнил мой муж.

— Ноги, — заспорила я, — лапы у собак.

— Картина огонь! — продолжал супруг, заворачивая полотно. — Повешу в своем кабинете в офисе. Будет в пару к пирамиде, где я египетская собака.

— Не советую. Народ, зайдя к тебе, начнет писаться, как Мози, — развеселилась я, — работа встанет.

— А вот и нет, — возразил Иван, — наоборот! Пахота намного быстрее пойдет. А то усядутся у стола, кофе-чай пьют и бла-бла-бла. Никак их не выгонишь. С полотном другой ритм начнется. Вошел с докладом, сделал лужу и, живенько изложив, умчался. В мокрых штанах напитками наливаясь не станешь, долго в них не просидишь. Очень полезная картина.

У меня зазвонил телефон, я взяла со стола трубку:

— Слушаю, Федор! Так... вот оно что... О! Отличная новость!

Муж и свекровь терпеливо ждали, пока я завершу разговор.

— Что случилось? — спросила Рина, когда я вернула трубку на стол. Я отошла от груды пакетов и села в кресло.

— Побывав в квартире у Ани, мы выяснили, что из спальни исчез плюшевый бурундук. Кому он мог понадобиться? Старая грязная игрушка. Возникла у нас версия. Судя по отсутствию следов насилия на Анне, она сама приняла таблетки. По какой причине она предприняла попытку самоубийства? Из-за пропажи Митрофана. Плюшевого уродца певице в детстве подарила Эсфирь. Уж не знаю, каким она была экстрасенсом, но, похоже, дама владела так называемым «цыганским» гипнозом. Что это такое? Человеку от рождения дана способность подавлять волю некоторых людей. Но Эсфирь никогда не училась психологии, не знает методик, не умеет ввести пациента грамотно в состояние измененного сознания. И, что особенно опасно, не умеет правильно его из него вывести. Но активно берется спасать больных. Обычно такое «лечение» заканчивается плохо. Многие из таких «специалистов» искренне заблуждаются насчет себя, думают, что спасают людей, но на самом деле только усугубляют их плохое состояние. Эсфирь, похоже, хотела подарить Ане уверенность в ее таланте, решила раскрепостить замкнутую, молчаливую, не имеющую подруг девочку. Поэтому вручила ей бурундука, заявив: «Это твой оберег, талисман. Пока Митрофан с тобой, ничего плохого не случится. А вот если потеряешь его, жди беды».

Последнюю фразу она сказала, чтобы малышка не бросала игрушку где попало, держала ее рядом и думала: «Бурундук тут. Значит, у меня все получится». Детские психологи иногда делают привязку на какой-то предмет, но когда пациент налаживает отношения с окружающим миром, убирают установку. Эсфирь же просто «приковала» Аню к Митрофану и не разорвала цепь. Почему? Не знала, что это надо сделать. С самоучками, деревенскими лекарями всегда так. Вреда от них больше, чем пользы, часто последней вовсе нет. У Ани страх потерять Митрофана превратился в фобию. И тот, кто украл игрушку, прекрасно знал, что Аня не станет жить без подарка Эсфири.

Иван кивнул:

— Да. О том, как певица зависела от игрушки, нам подробно рассказал Крис. Еще Гумбанов отметил, что Эсфирь велела Ане никому об обереге не говорить, иначе у Митрофана ослабеют защитные силы. Даже Крис не сразу правду узнал. Сначала любовница ему врал про подарок от любимого папы. Но потом отношения их стали доверительными, и Гумбанов узнал историю бурундука. Рокер перестал подтрунивать над певицей и даже попросил прощения у игрушки. Крис на самом деле любит

Анну.

Я умолкла, потом продолжила:

— Мы стали думать: кто знал про Митрофана? И какой из владеющих сей информацией человек ненавидел Анну? Желал ей смерти? Риганатана? Но у нее алиби! Сестра в момент отравления Ани находилась в командировке. Катя и Регина Львовна? Степкина один раз уже прятала Митрофана в детстве, хотела подшутить над сестрой. Аня тогда в больницу попала, чуть не умерла от стресса. И вот еще интересный момент. Когда я беседовала с Региной и Катей, то у последней на шее висел совсем недорогой кулон: небольшая розовая кошка из пластмассы на простой цепочке из серого металла. Милая вещичка, но скорее подходящая девочке лет десяти, чем взрослой женщине. Помнится, я подумала: «Наверное, у хозяйек большого дома туго с деньгами». На Екатерине более не было никакой бижутерии или ювелирных изделий, ни серег, ни колец, ни браслета. Правда, у Регины в мочках ушей сверкали массивные подвески, щедро усыпанные драгоценными камнями, но ведь они могли сохраниться с прежних времен, это подарок покойного мужа, который продать — все равно что его память предать. Про розовую кошку на шее Кати я забыла сразу. Но когда мы пришли с Крисом в квартиру Анны, в спальне хозяйки на подоконнике я обнаружила две коробки без крышек. В одной лежали розовые пластиковые кулоны в виде собачек, в другой такие же кошки. И одной не хватало, зияла пустая ячейка. Крис пояснил мне, что Аня трепетно относится к своим фанатам, среди которых много подростков. Они ждут певицу после концертов у служебного входа, дарят ей конфеты, цветы. Им же надо что-то подарить в ответ. До сих пор Анна вручала открытки. А потом решила заказать для девочек кулоны. Что для мальчиков — пока не придумала. Наборы собак и кошек сделаны в одном экземпляре, они экспериментальные и не очень пришлись Анне по душе, у нее были замечания к производителю.

Я взглянула на Рину:

— Понимаешь? Катя никак не могла купить такой. Украшений еще нет в продаже, на подоконнике был образец. И их вообще не собираются продавать. Так откуда розовая кошка, родная сестра той, что лежит в коробке, на шее Кати? Напрашивается ответ: единокровная сестра была в квартире Ани, увидела кулон, не удержалась и утащила его. Говорила же, ей психологически лет десять. Я внимательно выслушала запись беседы в доме Регины Львовны. Вдруг чего-то сразу не заметила? И оказалась права! Катя в момент объяснения, почему она в детстве спрятала Митрофана, бросила фразу: «Хотела ей показать, что это просто кусок плюша, набитый

синим поролоном». Но материал, который запихивают в мягкие игрушки, обычно желтый. Пришлось звонить Крису, спрашивать: не видел ли он, что внутри бурундука? Рокер ответил:

— Ньюша его регулярно ремонтировала. Под тканью такая штука, вроде губки, синяя. Мерзость полная.

И откуда Екатерине знать, чем заполнен Митрофан? Когда Аня из Васюкина сбежала, оберег еще был целым, не разваливался. Мы решили покопаться в делах Кати. Начали, как водится, с денег. Димон нашел кредит, который она взяла в банке. Ипотека. Внебрачная дочь Григория Петровича купила квартиру на стадии стройки.

— Мы с ней побеседовали, — остановил меня Иван, — Екатерина сразу разрыдалась и призналась. Ей надоело работать бесплатной уборщицей, нянькой, поварихой в пансионе, который открыла Регина. Аня и Риа оказались смелыми, удрали от скаредной бабы. А их сестрица осталась. У нее ни таланта, ни денег, ни силы воли, ни уверенности в своих силах нет. Аня мечтала стать певицей, Рианатана грезил о богатстве, у двух сестер была цель в жизни, и они к ней шли через все препятствия. У Кати же ноль мотивации. Ее желания простые и короткие, как мысли Буратино. Поесть вкусно. Купить новое платье. Поспать до десяти. Не мыть туалет. Если мечты не воплощаются, Катя смиренно лопает что дают, ходит в чем есть, она не умеет бороться за свое. Но даже ее Регина довела до решительных действий. Катя задумала купить жилье, уйти от злой мачехи, наняться домработницей к кому-нибудь. Она тоже подняла голову, правда, осознание себя как личности у нее случилось значительно позже, чем у сестер.

Екатерина проявила не свойственную ей предприимчивость, нашла строительную компанию, обратилась туда, сказала, сколько она скопила денег. Застройщик предложил кредит в своей банке, объяснил, что более нигде ей ипотеку не оформят, учитывая, что у нее «белой» зарплаты нет. Процент оказался грабительским, но Катя согласилась и некоторое время аккуратно выплачивала долг. Как ей удалось собрать денег? Она еще бегаёт по домам, убирает, моет чужие апартаменты. Регина знает о приработке. Но воспитанница ей врала насчет оплаты и количестве клиентов. Полы она трет в шести домах, берет по пять тысяч в день. Получается тридцатка в неделю. А Регине сообщила, что ходит в две семьи за три тысячи. И отдавала скряге эти деньги. Довольно долго секрет ей удавалось хранить, но потом тайное стало явным. Регина разозлилась, назвала Катю вруньей и заявила:

— Вот ты какая! Я тебя жалею, кормлю, пою, за воду-газ-

электричество сама плачу. А нахалка деньги большие загребают. И куда ты их деваешь, а?

Катя испугалась, что Регина узнает про квартиру, и не нашла ничего лучше, чем сказать:

— В кино хожу, в кафе, отдыхаю.

— Вон оно как, — процедила сквозь зубы владелица пансиона, — значит, бездельничаешь, деньги на ветер пускаешь, много их у тебя, видно! С сегодняшнего дня платишь за еду, коммуналку, газ, электричество, воду.

И выставила Екатерине счет. Катя оказалась в сложном положении. Признаться, что приобрела однушку, она не могла, уйти прямо сейчас от Регины тоже невозможно, где жить-то?

— Вот вам и горячая любовь к своей воспитаннице, — возмутилась Ирина Леонидовна.

Иван кивнул:

— Да уж, горячее не бывает. У Кати отняли почти весь заработок. Выплачивать кредит стало невозможно, накопился долг, проценты набежали на проценты, застройщик велел погасить задолженность. В противном случае пообещал забрать первоначальный взнос в качестве возмещения своих убытков. Екатерина прорыдала три дня, потом решилась обратиться к Ане.

— Катя — активный читатель желтой прессы. Она знала, что единокровная сестра теперь звезда, — уточнила я, — порылась в интернете, выяснила, что у Ани продюсер Игров, и подстерегла ее у входа.

Певица молча выслушала просьбу дать в долг, потом спокойно ответила:

— Когда меня в детстве обвиняли во всех грехах, мне было очень тяжело. Но я молчала, понимала: не оправдаться мне. Один раз нервы меня подвели. Я вышла из магазина, где мне отказались продать шоколадку. Хлеб, за которым Регина меня послала, отпустили, а когда я для себя конфету попросила, тетка за прилавком буркнула: «Нет сладкого. Для тебя его никогда нет». Я побежала домой, слезы по лицу лились, во дворе тебя увидела. Ты спросила радостно: «Ревешь? Упала, ногу разбила?» И я дала слабинку, честно ответила: «Нет, просто очень обидно, хотела шоколадку купить, а...» Ты не дала мне договорить, воскликнула:

— Отвали, не грузи ерундой. Сама решай свои проблемы.

Я впервые обратилась к тебе за моральной поддержкой и получила плевков. Сейчас возвращаю тебе твои слова. Отвали, сама решай свои проблемы.

Муж взял со стола чашку с чаем и стал пить, я повернулась к Рине и

продолжила:

— Екатерина решила наказать Аню, сделать ей больно за то, что та, богатая, знаменитая, ее прогнала. Взяла ключи от ее квартиры, вошла в дом в тот момент, когда певица отсутствовала, и украла бурундука.

Муж вернул на стол пустую чашку.

— От туфель мстительницы на полу остались грязные следы, которые и заметила Анна. Певице в голову не пришло, что в доме побывал посторонний. Она накинулась на Крису, назвала его неряхой. Рокер обозлился и ушел, дальше прихожей он в тот вечер не двинулся. Думаю, его возлюбленная не сразу заметила пропажу своего оберега. Судя по звонкам Ани Крису, она лишь часа через полтора-два сообразила: Митрофана нет. Певица принялась писать жениху, пыталась поговорить с ним. А он, зная, что Анна любит в момент гнева схватить телефон, чтобы еще поругаться, отключил мобильный. И певица, на которую навалился невероятный ужас, приняла большую дозу транквилизатора. Рокер рано утром поздравлял с днем рождения сына богатого человека. С шести до восьми он и музыканты с пареньком пели. Потом Гумбанов подключился к сети, увидел звонки, эсэмэс от Ани и помчался к ней. Быстро доехать не удалось. Новорижское шоссе расширено, там вроде пять полос, но все они вливаются в узкий тоннель, образуется дикая пробка. Крис в ней немало простоял. Когда он вошел в квартиру, певица лежала без сознания. Вот так обстояло дело.

— Погодите-ка, — попросила Рина, — у меня масса вопросов. Где Катя взяла ключи от Аниных апартаментов? Как придумала историю с бурундуком? Судя по вашему рассказу, она вовсе не титан ума.

— Не в бровь, а в глаз! — похвалила я свекровь. — С Екатериной мы беседовали вчера вечером. И у нас тоже возникло недоумение.

— Мы пришли к выводу, что Екатерина не сама организовала эту акцию, — подхватил Иван. — Есть человек, который ее, как марионетку, за нитки дергал. Но Катя уверяла нас, что все «сама-сама-сама». И мы ее отпустили домой. Подумали, что она обрадуется, что легко отделалась, никто ее за кражу Митрофана даже не пожурил, и позвонит своему идейному вдохновителю.

— Даже обидно, что мы все так просто узнали, — поморщился Иван, — едва Катя выскочила на улицу, она схватилась за мобильный. Но разговор не состоялся, номер, который она набрала, не работал. Затем она звякнула в центр Игрова и с кем-то десять секунд говорила. Через час Екатерине позвонили с того номера, куда она пыталась дозвониться. Выяснить, что он оформлен на Инну Петровну Куприянову, было делом

пяти минут. Забегая вперед, скажу, что сегодня утром мы опять вызвали Екатерину, на этот раз беседа была совсем не любезной. В конце концов мы услышали всю правду. Желая найти контакт певицы, Катя обратилась в продюсерский центр по телефону, который указан в интернете. Ответила ей женщина. Контактom Анны она не поделилась, но спросила:

— Зачем вам Лаврова?

Катя ответила честно:

— Она моя сестра, хочу попросить у нее денег на погашение кредита.

Представьте удивление Екатерины, когда ей вечером позвонила незнакомка, та самая, которая днем ей ответила у Игрова. Она представилась Инной Петровной Куприяновой и объяснила: Анна никогда никому ничего не даст, просить ее бесполезно. Но есть очень богатый меценат. Он готов решить все проблемы Кати при одном условии: в указанный день и час она войдет в апартаменты певицы, украдет бурундука, разрежет его на части и сожжет. Процесс уничтожения Митрофана надо запечатлеть на видео. Как только олигарх получит «кино», Кате переведут деньги.

— И она поверила? — опешила Рина.

Иван встал и начал ходить о комнате.

— Помнишь, сколько на самом деле лет Кате? Психологически всего десять. Она мечтает о собственной квартире, хочет сбежать от Регины, но боится ее до полусмерти, совершает глупость за глупостью. Решает купить жилье, не проверив застройщика как следует. Подписывается на кредит под грабительские проценты. Расчитывает получить помощь от Анны, с которой не виделась после окончания школы и никогда не находилась в теплых отношениях. То, что Катя поверила Инне и согласилась сжечь бурундука, меня совсем не удивило.

— Катя пожаловалась Инне, что у нее нет ни камеры, ни телефона, с помощью которого можно сделать запись, — подхватила я. — Инна ее успокоила: «Олигарх вам все передаст. Завтра езжайте на Курский вокзал, номер ячейки и код сообщу позднее. То, что вы там найдете, оставьте себе как подарок, пользуйтесь». И действительно, Инна звякнула вечером, сообщила номер ячейки. Екатерина помчалась куда велели и нашла смартфон с наклеенной на нем бумажкой с номером. Радость Кати была бескрайней, она окончательно поверила в свою удачу. Богач ей подарил трубку! Значит, и кредит он оплатит!!

— Очуметь, какая железная логика, — восхитилась Рина.

Я развела руками:

— Не все люди умны, и отнюдь не каждый способен противостоять

своим желаниям. Кое-кто согласится на все ради получения материальных благ, даже близких людей не пощадит. В случае Кати мы имеем аптекарски чистую, стопроцентную глупость. Там же в ячейке лежал ключ от квартиры певицы, а в новом телефоне нашлось эсэмэс, в нем указывался адрес Анны, число и время, когда нужно казнить Митрофана. Катерина все выполнила. Бурундука она раскромсала ножницами, сняла его останки на видео, запечатлела, как бросает Митрофана в пламя. Костер она развела на заднем дворе участка, дождалась, когда Регина уедет, и совершила аутодафе оберега. «Кино» улетело к Инне. Катя стала ждать звонка олигарха, но тот все никак не соединялся с ней. Но Екатерина не нервничала, потому что богатый человек прислал для нее с телефона Инны сообщение: «Спасибо за работу. Отдыхаю на Мальдивах. Прилечу и непременно решу вашу проблему».

— Эсэмэс с телефона Инны, — повторила Рина, — не стану комментировать этот сюжет.

— Не стоит, — согласился Иван, — когда мы пригласили Катю в офис, она испугалась, но всю правду не рассказала. Вышла на улицу, начала звонить Инне, но ее телефон отвечал: «Абонент недоступен». Екатерина, впав в панику, позвонила в продюсерский центр, там ответила женщина. Катя обрадовалась: «Инна Петровна! Здравсти». Тетка сказала: «Это не она, просто голоса у нас очень похожи. Кто разыскивает Куприянову?»

— Близкая подруга, Катя, — пролепетала дурочка.

— Она вам скоро сама наберет, — пообещала собеседница.

Рина рассмеялась.

— Жаль, что за глупость медаль не дают.

— Понятное дело, мы нашли Куприянову, — вздохнула я, — она мирно скончалась несколько лет назад в почтенном девяностолетнем возрасте.

— «Серая» симка, — уточнил Иван, — проследить владельца невозможно. Стоит ли упоминать, что в центре Никиты Сергеевича Игрова женщина с таким именем не работает?

— Я догадалась, что покойная Куприянова зарплату у Никиты Сергеевича не получает, — хмыкнула Ирина Леонидовна, — но можно узнать, кто по тому номеру, который в интернете указан, в центре Игрова отвечает.

— Мы это и сделали, — сказала я, — побеседовали с Игровым. Оказалось, народ звонит в его приемную. Там, по идее, должна снимать трубку Ната, но, если она куда-то вышла по делам или в командировку с боссом улетела, то с абонентом беседует любой, кто случайно зашел в

помещение. Я приуныла, и тут Никита произнес слова, которые помогли разоблачить преступницу.

У Рины загорелись глаза.

— Какие?

Я сложила руки на коленях.

— «В офисе ведутся записи всех бесед сотрудников. Но никто из служащих об этом не знает. Я всегда демонстративно подчеркиваю: «Люди, я доверяю вам, не слежу ни за кем. Мне нужен здоровый климат в коллективе». Но на самом деле все беседы фиксируются. Только мой доверенный человек из техотдела в курсе, он даст вам запись всех разговоров по номеру секретаря в нужный день». Остается лишь недоумевать, почему я не подумала о прослушке. Очевидно, заразилась глупостью от Кати. А заодно с запозданием у «мудрой» начальницы бригады возник вопрос. Ладно, Степкина не очень сообразительна. Но «Инна», похоже, хитрее некуда. Почему она не побоялась сказать сестре Ани по служебному номеру про похожий с Куприяновой голос? Ведь в офисе небось ведут запись. И кто я после этого?

— Ну не стоит себя так ругать, — начал утешать меня муж, — про то, что надо найти носитель, где зафиксированы все разговоры, никто из нас, включая меня, тоже не подумал.

— Мне сейчас позвонил Димон, — улыбнулась я, — сообщил две новости. Первая. Данные из техотдела Игрова.

Муж сел на ручку моего кресла.

— Случаются божьи чудеса, но бывают и дьявольские задумки. Когда черт надоумил Катю позвонить в продюсерский центр и она в первый раз это сделала, Рианатана находилась на рабочем месте и сама взяла трубку.

— В голове у нее мгновенно созрел план, как отомстить Анне за то, что та разослала везде, где только можно, видео с порнофильмом. Куприянова Инна на самом деле Рианатана, — объяснила я. — Секретаршу уже везут в наш офис. Поэтому временно прервем разбор подарков и отправимся на работу.

— А второе известие от Димона какое? — любопытствовала свекровь. — Почему ты сказала: «О! Вот хорошая новость!»

— Звонили из клиники, Аня сегодня открыла глаза, — пояснила я.

Эпилог

Рианатане пришлось признаться: да, это она организовала похищение плюшевого бурундука. Девушка клялась, что хотела лишь доставить сводной сестре неприятные минуты, поэтому сбросила ей ночью видео костра, где погибал Митрофан.

Телефон Анны нигде не нашли, в квартире его не было. Иван предположил, что певица, получив с неизвестного номера изображение останков своего оберега, а потом «кино» с места казни, начала звонить Крису, но тот не отвечал. И девушка выбросила трубку. Вышвырнула ее в порыве отчаяния, например, в окно. И приняла таблетки. Наши сотрудники излазили все вокруг ее дома, но так и не нашли сотовый. Наверное, он разлетелся на куски и был сметен дворником.

— Я поступила некрасиво, — хныкала Риа, — но то, что Аня лекарства наглотается, мне и в голову не пришло. Просто маленькая такая... э... гадость. Чисто женская.

— На языке Уголовного кодекса ваша маленькая, чисто женская гадость называется «доведением до самоубийства», — разозлился Федор. — Вы убили Митрофана.

— Да ну? — прищурилась секретарша. — Плюшевая игрушка не живая, поэтому слово «убили» тут неуместно. Покажите мне хоть одного человека, который поверит, что из-за разорванной игрушки человек может лишиться себя жизни. А если он это совершил, то является психом. Да, я нехорошо поступила! Но разве я уговаривала Анну отравиться? Нет. Если у сестры крышу снесло, при чем тут я? Давайте разберемся до конца. Я резала бурундука? Сожгла его? Я просто предложила это сделать Кате. Дура могла не соглашаться. Это розыгрыш. Хорошо, пусть по-вашему будет, признаю, на меня злость напала. И что?

— Ключи вы небось взяли из сумки Ани? — предположила я. — Сделали копию? Или еще как-то раздобыли связку? Вот почему замок в квартире певицы стал заедать. Так бывает, если в скважине поворачивался не «родной» ключ.

— Больше ничего вам не скажу, — отрезала Риа, — требую адвоката.

Я молча смотрела на молодую женщину. Жаль, что она не пошла учиться в театральный вуз, сцена потеряла талантливую актрису. Как она искренне рассказывала нам про свою ненависть к сестре, про то, как жалеет, что «не пришло в голову, как Аньке нагадить и самой не

спалиться», как неожиданно вспоминала, что летала во Владивосток... Во всей песне не прозвучало ни единой фальшивой ноты. Я поверила Рианатане, подумала: «Подлая, но честно рассказала обо всем. Если бы Риа что-то плохое Ане сделала, не стала бы говорить, что сестре пакость устроить хотела. Нет, она ни при чем». И вот что оказалось на самом деле! Рианатана обвела начальницу особой бригады вокруг пальца. Но недолго она радовалась, правда в конце концов восторжествовала. Все тайное рано или поздно становится явным.

Никита Сергеевич мигом уволил Рианатану, а вот представители закона и порядка, похоже, считают, что молодая женщина не виновата в суициде Ани, ей никаких обвинений не предъявили.

Катю отправили на экспертизу, специалист написал, что об умственном отставании речи нет. Но в психологическом плане Екатерина соответствует школьнице третьего класса.

Регина, узнав о желании дочери сбежать от нее и что та тайком взяла в ипотеку однушку, взбесилась и выставила дочь своего покойного мужа на улицу. Катерина, не зная, что ей делать, в рыданиях приехала в наш офис и столкнулась с Игровым, который как раз выходил со мной из переговорной. Катя кинулась ко мне.

— Помогите! Мать меня вон выгнала, вещи взять не разрешила, строители деньги за квартиру отобрали.

Никита бесцеремонно показал пальцем на Степкину:

— Вижу ту самую идиотку, из-за которой Аня попала в клинику?

Екатерина упала на колени, зарыдала.

— Не виновата я. Мне обещали долг погасить.

— Тьфу, дура, — буркнул Игров, поднимая ее, — рассказывай про квартиру.

Спустя некоторое время я узнала, что Никита включил свои многочисленные связи, и благодаря продюсеру Кате вернули взнос за однушку, она получила работу посудомойки в ресторане. Сейчас живет в маленькой квартирке в Новой Москве и выплачивает за нее ипотеку банку, который не грабит клиентов.

— Вы милосердный человек, — сказала я Игрову, когда тот в очередной раз приехал к нам в офис.

— Из-за этой дуры много бед случилось, — рассвирепел Никита. — Вот не пойму, почему мне ее жалко? Какого черта я ей помог?

Аня потихоньку приходит в себя. Назвать ее здоровой пока нельзя, но петь она уже начинает.

— Главное, ей встать на ноги, — твердит Крис, — я заработаю на

семью, пусть Ньюша спокойно лечится.

У нас тоже все неплохо. Мози и Роки безобразничают, кот Альберт Кузьмич регулярно наказывает хулиганистых бульдожек. Мы с Иваном работаем целый день, а если хотим пойти в магазин, то делаем это ночью. Вот и сегодня мы оказались в супермаркете в поздний час.

— Хочется чего-то вкусного, — протянул Иван.

— Колбаски? — предположила я.

— Нет, — поморщился муж.

— Сыра? — продолжала я.

— Фу, — скривился Иван.

— Смотри, клубника, — обрадовалась я.

— В конце декабря она по вкусу как бумага, — сказал Иван и вынул телефон. — Да, слушаю.

Супруг отошел в сторону.

— Он у вас начальник, да? — спросила девушка в костюме Снегурочки.

Она раздавала покупателям рекламу и слышала нашу беседу.

— У меня папа такой, — поморщилась внучка Деда Мороза, — а мама домашняя хозяйка, как вы. Ей приходится капризы супруга терпеть. Придет он домой ночью и начинает: это я не ем, то невкусно... Но мамуля нашла способ, как сделать ужин вкусным для вредного мужа.

— И как? — заинтересовалась я.

Ответ Снегурочки вмиг снял мою усталость. А что, вполне действенный метод. Кому-то из вас он точно понравится. Так как сделать вкусным ужин для мужа? Да очень просто! Не кормите его завтраком и обедом.

notes

Примечания

Лорелея — героиня немецких легенд, один из основных персонажей романтической поэзии, певица-волшебница, обладающая чарующим голосом.

Давайте простим Рине и Тане неумение быстро и верно считать.

Франсиско Франко (1892–1975) — диктатор Испании в 1939–1975 гг. Организатор военного переворота 1936 г., который привел к гражданской войне между республиканцами и националистами.

Уильям Холман Хант (William Holman Hunt, 1827–1910) — знаменитый английский художник. Я больше всего люблю его картину «Светоч мира» 1853 г. (Прим. авт.).